

старого желѣза въ Туренѣ, на кладбищѣ Святой Екатерины.

Карлъ. Ну, такъ пойдемъ, во имя Божіе. Я женщины не трушу.

Дѣвственница. А я, пока жива, не побѣгу отъ мужчины (*Дерутся*).

Карлъ. Останови, останови свою руку! Ты амазонка, а бьешься мечемъ Деворы.

Дѣвственница. Христова Матерь мнѣ помогаетъ, иначе я была-бы слишкомъ слабой.

Карлъ. Кто-бы ни помогалъ тебѣ, все-жъ ты должна помочь мнѣ. Я въ нетерпѣннѣйшую горю желаньемъ; ты разомъ покорила мою руку и сердце. Превосходная дѣва, если ужъ таково твое имя, дозволи мнѣ быть твоимъ слугою, но не государемъ: объ этомъ просить тебя дофиня Франціи.

Дѣвственница. Я не должна уступать никакимъ увѣреніямъ въ любви, ибо призваніе мое освящено свыше. Только тогда, какъ прогнано отсюда всѣхъ твоихъ враговъ, подумаю я о наградѣ.

Карлъ. Пока-же милостиво взгляни на своего распростертаго раба.

Ренье. Мнѣ кажется, что государь разговариваетъ очень долго.

Алансонъ. Онъ, безъ сомнѣнія, вывѣдываетъ у нея всю подноготную, иначе не сталь-бы онъ такъ продолжать свой разговоръ съ нею.

Ренье. Не прервать-ли намъ его бесѣду, если онъ не знаетъ ей мѣры?

Алансонъ. Онъ можетъ, однако, узнать больше, чѣмъ мы, простые смертные: женщины умѣютъ искусно обольщать словами.

Ренье. Государь, на чемъ рѣшили вы? Какъ вы разсудили? Откажемся-ли мы отъ Орлеана, или нѣтъ?

Дѣвственница. Конечно, нѣтъ, говорю вамъ, невѣрный, малодушный народъ! Бейтесь до послѣдняго издыханія; я буду вашей охраной.

Карлъ. Я готовъ подтвердить ея слова: мы будемъ биться до послѣдней крайности.

Дѣвственница. Я предназначена быть бичемъ англичанъ. Въ эту ночь я навѣрно свиню осаду. Ожидайте теперь для себя лѣта святого Мартина и дней гальціонъ, потому что я вмѣшалась въ эту войну. Слава подобна большому кругу на водѣ, который не перестаетъ расширяться, пока, раскинувшись широко, не разойдется совершенно. Со смертью Генриха, такой кругъ кончился для англичанъ. Теперь я подобна тому гордому, дерзновенному кораблю, который разомъ несъ на себѣ и Цезаря, и его счастье.

Карлъ. Не голубка-ли вдохновляла Магомета? Ну, а теперь вдохновляетъ орелъ. Ни Елена, мать великаго Константина, ни даже дочери святого Филиппа не были тебѣ подобны. Блестящая звѣзда Венеры, упавшая на землю, какъ я могу достаточно благоговѣнно чтить тебя?

Алансонъ. Оставимъ проволочки и заставимъ снять осаду.

Ренье. Женщина, сдѣлай-же, что только можешь, чтобы спасти нашу честь. Прогони англичанъ отъ Орлеана и ты обезсмертишь себя.

Карлъ. Сейчасъ попробуемъ. Пойдемъ-же хлопотать объ этомъ: если-жъ она окажется обманщицей, не буду вѣрить никакимъ пророкамъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Лондонъ, холмъ передъ башней.

Подходятъ къ воротамъ герцога Глостэръ и его слуги въ синей лилоретъ.

Глостэръ. Я явился осмотрѣть сегодня Тоуеръ; со времени смерти Генриха, боюсь, не случилось-бы тутъ похищенія. Да гдѣ-же сторожа, если ихъ нѣтъ здѣсь? Открыть ворота! Глостэръ повелѣваетъ. (*Слуги стучатъ*).

1-й сторожъ (*Изъ башни*). Кто это тамъ стучить такъ властно?

1-й слуга. Благородный герцогъ Глостэръ.

2-й сторожъ (*Изъ башни*). Кто-бы онъ ни былъ, не впустимъ васъ сюда.

1-й слуга. Негодяи, такъ-то вы отвѣчаете протектору?

1-й сторожъ (*Изъ башни*). Господь храни его! вотъ какъ мы ему отвѣчаемъ; но мы поступаемъ только, какъ намъ приказано.

Глостэръ. Кто вамъ приказалъ? Или чья можетъ быть воля, кромѣ моей? Нѣтъ у государства иного протектора, какъ я. Дождите ворота, я вамъ разрѣшаю. Неужто я дамъ издѣваться надъ собою мусорщикамъ?

Люди Глостэра наваливаются на ворота башни. Къ воротамъ изнутри подходитъ комендантъ Уудвиль.

Уудвиль (*Изъ башни*). Что это за шумъ? Что тутъ у насъ за измѣнники?

Глостэръ. Комендантъ, вашъ-ли голосъ я слышу? Откройте ворота! Глостэръ хочетъ войти.

Уудвиль (*Изъ башни*). Имѣй терпѣнье, благородный герцогъ; я не смѣю

отворить; кардиналъ Уинчестэрскій запрещаетъ: я отъ него имѣю особенное приказанье, чтобы не впускать никого изъ вашихъ.

Глостэръ. Малодушный Уудвиль, неужели ты ставишь его выше меня? Надменнаго Уинчестэра, высокоумнаго прелата, котораго Генрихъ, нашъ почившій государь, не могъ выносить? Ты не другъ ни Богу, ни королю. Открой ворота, не то я скоро вышвырну тебя за нихъ.

1-й слуга. Открывайте ворота лорду-протектору, а не то мы ихъ взломаемъ, если вы не поторопитесь.

Иходитъ епископъ Уинчестэрскій въ сопровожденіи своихъ слугъ въ темно-бурой ливрѣ.

Епископъ Уинчестэрскій. Ну, тщеславный Гемфри, что-жъ это значить?

Глостэръ. Ты-ли, облущенный попъ, приказываешь не впускать меня?

Епископъ Уинчестэрскій. Да, я, измѣннической грабитель, а не протекторъ короля и государства.

Глостэръ. Прочь, явный заговорщикъ, пытавшійся умертвить нашего покойнаго властелина, дающій распутнымъ женщинамъ разрѣшеніе грѣшить. Я измельчу тебя въ твоей широкой кардинальской шляпѣ, если ты продолжишь свою дерзость.

Епископъ Уинчестэрскій. Нѣтъ, ты отойди прочь, а я не сдвину съ мѣста ни на шагъ: пусть это мѣсто будетъ вторымъ Дамаскомъ, а ты проклятымъ Канномъ, чтобы убить своего брата Авеля, если тебѣ угодно.

Глостэръ. Я не убью тебя, но прогоню прочь. Я употреблю твою алую одежду, какъ платье грудного ребенка, чтобы въ немъ вынести тебя отсюда.

Епископъ Уинчестэрскій. Дѣлай, что только посмѣешь, начихать тебѣ на бороду.

Глостэръ. Что? Я посмѣю? Мнѣ начихать на бороду?—Люди, обнажите мечи, не смотря на это священное мѣсто; сине-кафтанники противъ буро-кафтанниковъ! Попъ, береги свою бороду (*Глостэръ и его люди нападаютъ на епископа*). Я намѣренъ пощипать ее и хорошенько попочивать тебя тумачами. Я топчу ногами твою кардинальскую шапку, не смотря ни на папу, ни на церковныя власти; вотъ я за щепки протащу тебя вверхъ и внизъ.

Епископъ Уинчестэрскій. Глостэръ, ты отвѣтишь за это передъ папой.

Глостэръ. Ахъ ты гусь—Уинчестэрскій! Давайте веревку! Веревку!—Отбавьте ихъ отсюда: зачѣмъ ихъ здѣсь остав-

лять?—Я прогоню тебя отсюда, волкъ, ряженный овцою.—Выходите, буро-кафтанники!—выходи, алый притворщикъ! (*Люди Глостэра отбиваютъ людей кардинала и въ пылу стычки входятъ мэръ Лондона и его офицеры*).

Мэръ. Не стыдно-ли вамъ, лорды, что вы такъ позорно нарушаете миръ!

Глостэръ. Мэръ, молчи! Ты плохо знаешь, какъ я оскорбленъ. Вотъ Бофортъ, который не смотритъ ни на Бога, ни на короля, забралъ въ свои руки Тоуеръ.

Епископъ Уинчестэрскій. Вотъ Глостэръ, врагъ гражданъ; человекъ, который всегда стоитъ за войну и никогда—за миръ, обременяя ваши вольные кошельки большими податями;—который стремится испровергнуть религію, потому что онъ протекторъ государства и хотѣлъ-бы тутъ же имѣть оружіе изъ башни, чтобы самому вѣнчаться королемъ, а принца уничтожить.

Глостэръ. Я отвѣчу тебѣ на это не словами, а ударами (*снова дерутся*).

Мэръ. Мнѣ больше ничего не остается, какъ сдѣлать оглашенье.—Подойди, офицеръ! кричи, какъ только можешь громче.

Офицеръ. Всѣхъ сословій люди, собравшіеся здѣсь для нарушенія покоя Бога и короля, мы объявляемъ и приказываемъ вамъ, отъ имени его высочества, каждому отправляться въ свое жилище и впредь не носить, не брать въ руки и не употреблять никакого меча, оружія или кинжала, подъ страхомъ смерти.

Глостэръ. Кардиналь, я не хочу быть нарушителемъ закона; но мы еще сойдемся и раскинемъ умомъ на свободу.

Епископъ Уинчестэрскій. Глостэръ, мы еще встрѣтимся, и будь увѣренъ, это дорого тебѣ обойдется: я жажду крови твоего сердца за сегодняшнее дѣло.

Мэръ. Я созову стражу, если вы не уйдете.—Этотъ кардиналь тщеславитъ сатаны.

Глостэръ. Мэръ, прощай; ты дѣлаешь, что обязанъ.

Епископъ Уинчестэрскій. Гнусный Глостэръ! береги свою голову; я намѣренъ въ скорости добыть ее (*Уходитъ*).

Мэръ. Смотрите, чтобы это мѣсто было очищено, а тамъ и мы уйдемъ.—Боже милосердый! что за злобу питаютъ эти дворяне! Я же самъ за сорокъ лѣтъ не дрался ни разу (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Франція. Передъ Орлеаномъ.

Входятъ на стѣну Начальникъ артиллеріи и его Сынъ.

Начальникъ артиллеріи. Ты знаешь, мальчуганъ, какъ осажденъ Орлеанъ и какъ англичане имъ овладѣли?

Сынъ. Знаю, отецъ, и часто я стрѣлялъ въ нихъ, однако, къ несчастью, давалъ промахъ.

Начальникъ артиллеріи. Но теперь ты не промахнешься. Дай мнѣ руководить тобою; я начальникъ артиллеріи этого города; я долженъ сдѣлать что-нибудь, чтобы отличиться. Шпіоны принца уведомили меня, что англичане, сильно укрѣпившіеся въ предмѣстьяхъ, имѣютъ обыкновеніе обозрѣвать городъ въ потайную желѣзную рѣшетку вонъ въ той башнѣ, и оттуда они замѣчаютъ, какъ имъ выгоднѣе досадить намъ: снарядами или атаккой. Чтобы прекратить это неудобство, я поставилъ орудіе противъ рѣшетки; и даже цѣлыхъ три дня я подстерегалъ ихъ, не увижу-ли я кого. Теперь, сынокъ, ты постереги, я дольше не могу здѣсь оставаться. Если ты выслѣдишь кого, бѣги мнѣ сказать; ты найдешь меня у коменданта *(Уходитъ)*.

Сынъ. Отецъ, положишься на меня; не безпокойся; если я выслѣжу кого, то все-таки тебя не потревожу.

Входятъ въ верхнее помѣщеніе башни лорды Сольсбери и Тольботъ; сэръ Уильямъ Глансдэль, сэръ Томасъ Гаргрэвъ и другіе.

Сольсбери. Тольботъ, моя жизнь, моя радость! Вернулся? Какъ обращались съ тобою въ плѣну, и какимъ образомъ ты освободился? Прошу тебя, рассказывай тутъ-же, на вершинѣ башни.

Тольботъ. У герцога Бедфорда былъ плѣнный, по имени смѣлый Понтоъ де-Сантрайлъ; на него меня обмѣняли, вмѣсто выкупа. Однажды они, мнѣ въ униженіе, задумали было обмѣнять меня на военнаго, но гораздо болѣе низкаго происхожденія, чѣмъ я; но я съ презрѣніемъ отвергъ этотъ обмѣнъ и требовалъ, чтобы меня лучше умертвили, чѣмъ цѣнить такъ низко. Наконецъ, я былъ выкупленъ, какъ я того желалъ. Но предатель Фастольфъ разрываетъ мнѣ сердце: я бы готовъ убить его одними кулаками, если-бы онъ былъ теперь въ моей власти.

Сольсбери. Но ты все еще не говоришь, какъ съ тобой обращались.

Тольботъ. Съ глумленіемъ, пре-

зрѣніемъ и оскорбительными попреками. Меня вывели на потѣху на базарную площадь: „Вотъ, говорили они, гроза французъ, пугало, котораго такъ боятся наши дѣти“. Тогда я вырвался отъ офицеровъ, которые вели меня, и ногтями вырывалъ камни изъ земли, чтобы швырять ихъ въ свидѣтелей моего посрамленія. Иныхъ мой ужасный видъ обращалъ въ бѣгство; ни одинъ не осмѣливался подойти, опасаясь внезапной смерти. Даже желѣзные стѣны не считали они для меня достаточно надежными; такъ великъ былъ страхъ, который мое имя вселяло межъ нихъ, что они думали, будто я могу ломать стальные запоры, разбивать на куски адамантовые столбы; поэтому при мнѣ была стража изъ отборныхъ стрѣлковъ, которые поминутно ходили вокругъ меня; и если я, бывало, чуть пошевелюсь, чтобы встать съ постели, они были готовы выстрѣлить мнѣ прямо въ сердце.

Сольсбери. Мнѣ грустно слышать, какія мученія вы претерпѣли; но мы будемъ достаточно отомщены. Теперь въ Орлеанѣ время ужина: вотъ отсюда, черезъ рѣшетку, я могу перечестъ французовъ всѣхъ до единого и видѣть, какъ они укрѣпляются. Посмотримъ; этотъ видъ долженъ порадовать тебя. Сэръ Томасъ Гаргрэвъ и сэръ Уильямъ Глансдэль, позвольте мнѣ спросить вашего мнѣнія, гдѣ лучше построить потомъ нашу батарею?

Гаргрэвъ. Я думаю, передъ сѣверными воротами, потому что тамъ стоятъ дворяне.

Глансдэль. А я—здѣсь, передъ мостовыми укрѣпленіями.

Тольботъ. Какъ вижу, этотъ городъ надо взять голодомъ или ослабить его легкими стычками.

(Выстрѣлъ изъ города. Сольсбери и сэръ Томасъ Гаргрэвъ падаютъ).

Сольсбери. О, Боже! умилосердись надъ нами, бѣдными грѣшниками!

Гаргрэвъ. О, Боже! помилуй мя, презрѣннаго.

Тольботъ. Что это за судьба, которая намъ такъ внезапно досадила? — Говори, Сольсбери; по крайней мѣрѣ, если ты можешь говорить: каково тебѣ, зеркало всѣхъ воинственныхъ мужей? — Глазъ и полщеки вырваны! — Проклятая башня! проклятая смертоносная рука, подстроившая эту жалостную трагедію! Въ тринадцать битвахъ Сольсбери одержалъ побѣду; онъ первый училъ Генриха Пятаго ратному дѣлу; пока труба трубила или билъ барабанъ, его мечъ не переставалъ разить на полѣ брани. — Но ты живъ еще, Сольсбери? хотя ты не можешь говорить, все-же у

тебя есть одинъ глазъ, чтобы просить имъ милости съ небесъ: солнце, вѣдь, однимъ глазомъ обзрѣваетъ всю вселенную. Не будь-же, о, небо, милостиво ни къ кому, если у тебя не хватитъ милости для Сольсбери!—Унесите прочь его тѣло, я помогу его похоронить.—Сэръ Томасъ Гаргрэвъ, есть-ли еще въ тебѣ жизнь? Отвѣчай Тольботу, или хоть взгляни на него. Сольсбери, утѣшься: ты не умрешь, пока... Онъ дѣлаетъ мнѣ знакъ рукою, улыбается мнѣ, будто желая сказать: „когда я умру и меня не будетъ, помни, чтобъ отомстить за меня французамъ“.—Плантадженэтъ, я такъ и сдѣлаю; и подобно тому, какъ ты, Неронъ, игралъ на лютнѣ, глядя на горящія города, только мое имя будетъ гибельно для Франціи (*Тревога, громъ и молнія*). Что это за шумъ? что за тревога на небѣ? Откуда этотъ шумъ и барабанный бой?

Входитъ гонецъ.

Гонецъ. Милордъ, милордъ! Французы всѣ сплотились: дофинъ, къ которому присоединилась пѣкая Иоанна Дѣвственница, святая пророчица, недавно явившаяся, съ большими силами подошелъ отбить осаду (*Сольсбери стонетъ*).

Тольботъ. Слушайте, слушайте, какъ стонетъ умирающій Сольсбери! У него сердце надрывается, что онъ не будетъ отомщенъ. Французы, я для васъ буду Сольсбери. Дѣвственница или дѣва радости, дофинъ или дельфинъ, копытами коня моего я вытощу изъ васъ ваши сердца и обращаю въ трясину вашъ размятый мозгъ! Снесите Сольсбери въ его палатку, и тогда посмотримъ, на что осмѣлятся эти трусливые французы (*Уходятъ, унося тѣла*).

СЦЕНА V.

Тамъ-же. Передъ одними изъ воротъ.

Барабанный бой. Стычки. Тольботъ преслѣдуетъ дофина и убѣгаетъ за нимъ; потомъ Дѣвственница преслѣдуетъ англичанъ и убѣгаетъ за ними. Затѣмъ входитъ опять Тольботъ.

Тольботъ. Гдѣ моя сила, доблесть и мощь? Наши англійскіе отряды отступаютъ, я не могу ихъ остановить. Ихъ гонять женщина въ латахъ.

Возвращается Дѣвственница.

Вотъ, вотъ она идетъ.—Я хочу помѣриться съ тобою, сатана ты, или сатаниха? я заклинаю тебя: окровавлю тебя, вѣдьма, и ты отдашь душу тому, кому ты служишь.

Дѣвственница. Ну, подойди-ка; только я одна должна унижить тебя (*Сражаются*).

Тольботъ. Небо, можешь-ли ты допустить, чтобы адъ восторжествовалъ? Грудь моя треснетъ подъ напоромъ храбрости, и я оторву прочь отъ плечъ свои руки, но покараю эту высокомерную потаскушку.

Дѣвственница. Тольботъ, прощай; твой часъ еще не пришелъ. я должна наблюдать Орлеанъ продовольствіемъ. Лови меня, если можешь; я смѣюсь надъ твоею силой. Ступай, ступай, ободря своихъ изморенныхъ голодомъ людей; помоги Сольсбери сдѣлать завѣщаніе. Этотъ день нашъ, какъ будутъ еще и много другихъ (*Входитъ съ солдатами въ городъ*).

Тольботъ. Мысли мои кружатся, какъ колесо горшечника; не знаю я и что дѣлаю. Не силой, а страхомъ, какъ Ганнибалъ, гонитъ эта вѣдьма наши отряды и побѣждаетъ, какъ только ей угодно. Такъ дымъ гоняетъ пчелъ изъ ульевъ, а зловонный запахъ—голубей изъ голубятенъ. За нашу лютость они прозвали насъ англійскими псами; теперь мы, какъ щенята, съ визгомъ убѣгаемъ (*Короткій барабанный бой*). Слушайте, соотечественники! или возобновите битву, или сорвите львовъ съ англійскаго герба; отрекитесь отъ родины, замѣните львовъ овцами: даже овца не бѣжитъ такъ трусливо передъ волкомъ, какъ вы передъ холонами, которыхъ сами часто бивали (*Барабанный бой. Еще стычка*). Нѣтъ, этого не будетъ. Уходите за свои окопы: вы всѣ поощряете смерть Сольсбери, коли никто изъ васъ не отомстилъ за него ударомъ. На зло намъ, или тому, что мы могли противъ этого сдѣлать, Дѣвственница вошла въ Орлеанъ. О, зачѣмъ я не умеръ вмѣстѣ съ Сольсбери? Отъ такого стыда я готовъ спрятаться съ головою (*Барабанный бой. Отступленіе. Уходятъ: Тольботъ и его отряды*).

СЦЕНА VI.

Грубятъ побѣду. Выходятъ на стѣну: Дѣвственница, Карлъ, Ренье, Алансонъ и солдаты.

Дѣвственница. Выставьте на стѣнахъ наши развѣвающіяся знамена! Орлеанъ освобожденъ отъ англійскихъ волковъ. Такъ Иоанна Дѣвственница сдержала свое слово.

Карлъ. Божественное созданье, дочь свѣтлой Астреи, какъ мнѣ почтить тебя за такой успѣхъ? Обѣщанія твои, какъ сады Адониса, которые въ одинъ день расцвѣтаютъ, а на слѣдующій уже приносятъ плоды. Франція, торжествуй въ лицѣ своей славной пророчицы! Городъ Орлеанъ воз-

вращень; не было еще въ нашемъ государствѣ болѣе благословеннаго событія.

Ренье. Отчего не ударили въ городѣ во всѣ колокола? Дофинъ, повели гражданамъ его зажечь потѣшныя огни, пировать и праздновать на улицахъ, чтобы чествовать радость, которую послалъ намъ Богъ.

Алансонъ. Вся Франція исполнится радости и веселія, когда узнаетъ, какими людьми мы себя показали.

Карлъ. Не мы, а Иоанна одержала сегодня побѣду, за которую я раздѣлю съ нею мою корону, и всѣ священники и мо-

нахи въ моемъ государствѣ будутъ въ процессіяхъ воспѣвать ей безконечную хвалу. Я воздвигну ей пирамиду выше, нежели пирамиды Родопы и Мемфиса. Въ память ея, по ея смерти, передъ королями и королевами Франціи въ высокаторжественныя дни будутъ нести ея прахъ въ ларцѣ изъ болѣе драгоценныхъ сокровищъ, нежели ларецъ Дарія. Мы болѣе уже не будемъ призывать святого Діонисія: Иоанна Дѣвственница будетъ святой покровительницей Франціи. Войдемъ же въ городъ и будемъ пировать по-царски, послѣ золотого дня побѣды (*Трубятъ. Уходятъ*).

Дѣйствіе второе.

СЦЕНА I.

Тамъ-же.

Выходятъ изъ воротъ: Французскій сержантъ и двое часовыхъ.

СЕРЖАНТЪ. Господа, станьте по мѣстамъ и будьте бдительны. Если вы замѣтите вблизи стѣны какой шумъ или солдата, то какимъ-нибудь видимымъ знакомъ дайте намъ знать на сторожевой дворъ.

1-й ЧАСОВОЙ. Слушаю, сержантъ (*Сержантъ уходитъ*). Такъ-то принуждены бѣдные солдаты сторожить впотемкахъ, на холодѣ и на дождѣ, въ то время, какъ другіе спятъ въ своихъ покойныхъ постеляхъ.

Входятъ: Тольботъ, Бедфордъ, герцогъ Бургундскій и солдаты съ лестницами и похороннымъ барабаннымъ боемъ.

Тольботъ. Лордъ регентъ и грозный герцогъ Бургундскій, близость котораго сдружилась съ нами земли Артуа, Валлона и Пикардій, въ эту счастливую для нихъ ночь французы, цѣлый день веселившіеся и пировавшіе, воображаютъ, что они въ полной безопасности; воспользуемся-же этимъ случаемъ, какъ благоприятнымъ для того, чтобы отплатить имъ за ихъ обманъ, подстроенный коварствомъ и гнуснымъ колдовствомъ.

Бедфордъ. Французъ трусливый! Какъ онъ вредитъ своей славѣ, отчаяваясь въ твердости своей десницы и соединяясь съ вѣдьмами и съ пособниками сатаны.

Герцогъ Бургундскій. У предателей нѣтъ иныхъ сподвижниковъ. Но что это за

дѣвственница, которую считаютъ такой непорочной?

Тольботъ. Она, говорятъ, дѣвица.

Бедфордъ. Дѣвица и такъ воинственна.

Герцогъ Бургундскій. Дай Богъ, чтобы она не оказалась векорѣ подобной мужчинѣ, если будетъ носить оружіе подъ знаменемъ французовъ, какъ начала.

Тольботъ. Ну, и пусть ихъ хитрятъ и знаются съ духами; Господь наша брѣвность и во имя Его, Побѣдоноснаго, мы рѣшимся взобраться на ихъ каменные бастионы.

Бедфордъ. Взбирайся, храбрый Тольботъ, а мы вѣлѣдъ за тобой.

Тольботъ. Нѣтъ, не всѣ вмѣстѣ; я думаю, лучше намъ пробраться въ разные мѣста, чтобы, въ случаѣ, если одинъ изъ насъ падетъ, другой могъ сразиться противъ нихъ.

Бедфордъ. Согласенъ. Я — въ тотъ уголъ.

Герцогъ Бургундскій. А я въ этотъ.

Тольботъ. А сюда взберется Тольботъ или это будетъ его могилой. Тенерь, Сольсбери, за тебя и за права Генриха англійскаго! Эта ночь покажетъ, какъ я преданъ вамъ обоимъ.

Англичане взбираются на стѣну съ крикомъ: „Святой Георгій и Тольботъ!“ и бросаются въ городъ.

Часовой (*за стѣнами*). Къ оружію! къ оружію! Непріятель идетъ на приступъ! Французы перескакиваютъ черезъ стѣны въ однихъ рубахахъ. *Входятъ съ разныхъ сторонъ: Пригулокъ, Алансонъ, Ренье, полюдьтые.*

Алансонъ. Что-жь это, господа? вы не одѣты?

Пригулокъ. Не одѣты? да мы еще рады, что и такъ убрались.

Ренье. Мнѣ кажется, намъ пора была проснуться и встать съ постели, когда слышали мы барабанный бой у самихъ дверей нашихъ комнатъ.

Алансонъ. Изъ всѣхъ подвиговъ, съ тѣхъ поръ, какъ я занимаюсь ратнымъ дѣломъ, это самый дерзкій и отчаянный, про какой мнѣ довелось услышать.

Пригулокъ. Я думаю, этотъ Тольботъ—исчадіе ада.

Ренье. А если и не адъ, то небеса благоприятствуютъ ему.

Алансонъ. Вотъ идетъ Карлъ: удивляюсь, какъ это онъ поспѣлъ.

Пригулокъ. Ва! святая Іоанна его защитила.

Входятъ: Карлъ и Дѣвственница.

Карлъ. Такъ вотъ твое искусство, коварная красавица! Не для того-ли, чтобы намъ польстить, дала ты намъ сначала небольшой перевѣсъ надъ врагами, чтобы теперь мы потеряли вдесятеро больше?

Дѣвственница. За что-же раздражается Карлъ на своего друга? Развѣ, по вашему, мое могущество во всякое время должно быть одинаково? Во снѣ или наяву я должна всегда одождать или вы будете сваливать всю вину на меня? Непредусмотрительные войны! если-бы ваша стража была хороша, не приключилась-бы эта неожиданная бѣда.

Карлъ. Герцогъ Алансонъ, это ваша вина, потому что вы были начальникомъ стражи сегодня ночью и должны-бы лучше смотрѣть за своими важными обязанностями.

Алансонъ. Если-бы всѣ ваши участки были такъ неприступны какъ тотъ, которымъ я командовалъ, насъ не застигли-бы врасплохъ такъ постыдно.

Пригулокъ. Мой участокъ былъ неприступенъ.

Ренье. И мой также, милордъ.

Карлъ. Что-же касается меня самого, то я большую часть ночи былъ занятъ тѣмъ, что ходилъ взадъ и впередъ, смѣняя часовыхъ: откуда-же и какъ они прежде всего ворвались?

Дѣвственница. Не спрашивайте попусту, какъ и гдѣ: вѣрно то, что они нашли каксе-нибудь слабо охраняемое мѣсто, черезъ которое и ворвались. Теперь намъ не остается иного исхода, какъ собрать нашихъ разсѣянныхъ солдатъ и составить новые планы, чтобы повредить имъ.

Тревога. Входитъ англійскій солдатъ съ крикомъ: „Тольботъ! Тольботъ!“ Вѣсь бѣгутъ, бросивъ свои платья.

Солдатъ. Я смѣло могу взять то, что они бросили. Мой крикъ „Тольботъ!“ мнѣ

служить вмѣсто меча, потому что я набралъ много добычи, не употребивъ другого оружія, кромѣ этого имени (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Орлеанъ. Внутри города.

Входятъ: Тольботъ, Бедфордъ, герцогъ Бургундскій, капитанъ и другіе.

Бедфордъ. День занимается и сокрылась ночь, окутывавшая землю своимъ мрачнымъ покровомъ. Трубите здѣсь отбой и прекратите жестокое преслѣдованіе (*Отбой*).

Тольботъ. Вынесите сюда тѣло старца Сольсбери и положите его здѣсь, на базарной площади, въ самой серединѣ центра этого проклятаго города. Теперь я выполнилъ свой обѣтъ его душѣ; за каждую каплю крови, отнятую отъ него, сегодня ночью убито, по крайней мѣрѣ, по пяти французовъ. А чтобы и въ послѣдующіе вѣка было видно, какое разореніе было произведено въ отмщеніе за него, я воздвигну внутри ихъ главнаго храма гробницу, въ которой будетъ покоиться его тѣло: на ней, чтобы каждый могъ прочесть, будетъ высѣчено разореніе Орлеана, его прискорбная, предательская кончина и то, какъ онъ навелъ ужасъ на Францію. Но, лорды, какъ я подумаю, мы вѣдь въ своемъ кровопролитіи не встрѣтились ни съ его свѣтлостью дофиномъ, ни съ его новой сподвижницей, добродѣтельной Іоанной д'Аркъ, ни съ кѣмъ-либо изъ его невѣрныхъ союзниковъ.

Бедфордъ. Лордъ Тольботъ, предполагаютъ, что когда битва началась, они, полусонные, повскакали съ своихъ постелей, съ вооруженными отрядами перескочили черезъ стѣны и искали спасенія въ полѣ.

Герцогъ Бургундскій. Что касается меня, то я, насколько могъ различить въ дыму и густомъ туманѣ ночи, увѣренъ, что спугнулъ дофина и его потаскушку; они шибко бѣжали рука объ руку, какъ парочка влюбленныхъ голубковъ, которые ни дня, ни ночи не могутъ прожить врознь. Послѣ того, какъ мы здѣсь все приведемъ въ порядокъ, мы послѣдуемъ за ними со всѣмъ войскомъ, какое у насъ есть.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ. Благо да будетъ вамъ, милорды! Кого изъ этого величественнаго собранья зовете вы виновственнымъ Тольботомъ, подвиги котораго восхваляетъ вся Франція

Тольботъ. Вотъ этотъ Тольботъ; кто желаетъ съ нимъ говорить?

Гонецъ. Добродѣтельная госпожа, графиня Оверньская, въ скромности своей дивясь твоей славѣ, черезъ меня убѣдительно просить тебя, великій лордъ, удостоить своимъ посѣщеніемъ бѣдный замокъ, въ которомъ она проживаетъ, чтобы она могла похвалиться, что видѣла человѣка, слава котораго далеко гремитъ по всему свѣту.

Герцогъ Бургундскій. Неужели это такъ? Ну, какъ я вижу, наши войны обратятся въ забавную мирную потѣху, если дамы будутъ просить, чтобы съ ними состязались. — Вы, милордъ, вѣроятно, не выкажете пренебреженія къ такой милой просьбѣ?

Тольботъ. Не вѣрьте больше мнѣ, если я откажу; потому что гдѣ краснорѣчіе цѣлаго мира мужчинъ не могло одержать верхъ, тамъ одолѣла любезность женщины. А потому скажи ей, что я весьма благодаренъ и покорно прибуду къ ней. Не сдѣлаете-ли вы мнѣ честь сопровождать меня?

Бедфордъ. Нѣтъ, правду сказать, это ужъ было-бы болѣе, нежели требуетъ приличіе; а мнѣ часто случалось слышать, что непрощенные гости всего пріятнѣе, когда они уходятъ.

Тольботъ. Ну, такъ если ничего ужъ не подѣлать, я одинъ намѣренъ попытать любезность этой дамы. Подите сюда, капитанъ (*Шепчетъ ему*). Вы понимаете мои мысли?

Капитанъ. Понимаю, милордъ, и поступлю сообразно съ ними (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Овернь. Дворъ замка.

Входятъ: графиня и привратникъ.

Графиня. Помни-же, привратникъ, что я тебѣ приказала, и, когда такъ поступишь, принеси мнѣ ключи.

Привратникъ. Слушаю, сударыня (*Уходитъ*).

Графиня. Планъ установленъ: если все удастся, то я прославлюсь такъ-же, какъ прославилась скисская Томириса смертью Кира. Велика слава этого страшнаго рыцаря и не менѣе значительны его подвиги; желала-бы я, чтобы мои глаза и уши были свидѣтелями ихъ и провѣрили-бы эти дивные рассказы.

Входятъ: гонецъ и Тольботъ.

Гонецъ. Сударыня, согласно приказанію вашего сіятельства, приглашенный мною посланіемъ, лордъ Тольботъ явился.

Графиня. Привѣтъ ему. Какъ? этотъ человѣкъ?

Гонецъ. Сударыня, это онъ и есть.

Графиня. Такъ это бичъ Франціи? Это тотъ Тольботъ, котораго вездѣ боятся до того, что его именемъ матери усмиряютъ дѣтей? Я вижу, что слухи о немъ сказочны и ложны. Мнѣ казалось, что я должна увидѣть какого-нибудь Геркулеса, втораго Гектора, по его свирѣпому виду и по большимъ размѣрамъ его сильно сложенныхъ членовъ. Увы, это ребенокъ, слабый карликъ: не можетъ быть, чтобы этотъ слабый, морщинистый карапузъ нагонялъ такого страху на своихъ враговъ.

Тольботъ. Сударыня, я осмѣлился обезпечить васъ: но, если вашему сіятельству теперь недосугъ, я выберу другое время, чтобы навѣститъ васъ.

Графиня. Чего онъ хочетъ? Пойди, спроси его, куда онъ идетъ?

Гонецъ. Милордъ Тольботъ, остановитесь, потому что моя госпожа желаетъ знать причину вашего внезапнаго ухода.

Тольботъ. Право, она воображаетъ, что ошиблась; такъ я иду убѣдить ее въ томъ, что Тольботъ здѣсь.

Входитъ снова привратникъ съ ключами.

Графиня. Если ты — онъ, такъ ты плѣнникъ.

Тольботъ. Плѣнникъ? чей-же?

Графиня. Мой, кровожадный лордъ; и ~~онъ~~ этой цѣлю я заманила тебя къ себѣ въ домъ. Твоя тѣнь уже давно у меня въ рабствѣ, потому что въ моей галлерей виситъ твое изображеніе; но теперь и тѣло твое претерпитъ то-же, и я закую въ цѣпи руки и ноги того, кто много лѣтъ своимъ тиранствомъ опустошалъ нашу страну, убивалъ нашихъ гражданъ и отправлялъ въ неволю нашихъ сыновъ и мужей.

Тольботъ. Ха, ха, ха!

Графиня. Ты смѣешься, презрѣнный? Твое веселье скоро обратится въ стоны.

Тольботъ. Я смѣюсь тому, что вашему сіятельству правится воображать, будто у васъ есть отъ Тольбота что-нибудь больше, чѣмъ его тѣнь, надъ чѣмъ вы могли бы упражняться въ жестокости.

Графиня. Неужели? развѣ ты не тотъ?

Тольботъ. Я самый.

Графиня. Такъ въ моей власти также и тѣло.

Тольботъ. Нѣтъ, нѣтъ, я лишь тѣнь самого себя: вы ошибаетесь, тѣло мое не здѣсь; потому что то, что вы видите, лишь наименьшая часть изъ наименьшей части человѣчества. Говорю вамъ, сударыня, что если-бы вся моя оболочка была здѣсь, то она такихъ высокихъ и пространныхъ раз-

мѣровъ, что вашей кровли не хватило-бы, чтобы ее вмѣстить.

Графиня. Вотъ такъ преднамѣренно загадочно выражается деревенщина: то онъ здѣсь, то его здѣсь нѣтъ; какъ совмѣстить такія противоположности?

Тольботъ. Я вамъ это сейчасъ покажу! *(Трубитъ въ рогъ. Бьютъ барабаны; орудейный залъ. Ворота взломаны; входятъ солдаты).* Что скажете, сударыня? Убѣждены-ли вы теперь, что Тольботъ лишь тѣнь самого себя? Вотъ его тѣло, его мышцы, руки и сила, которыми онъ гнететъ ваши несокорныя выи, сноситъ ваши цитадели, разрушаетъ ваши города и въ одинъ мигъ дѣлаетъ ихъ безлюдными.

Графиня. Побѣдоносный Тольботъ, прости мнѣ мое оскорбленіе; я нахожу, что ты не ниже своей славы и даже выше, нежели можно заключить по твоему росту. Пусть моя дерзость не возбуждаетъ твоего гнѣва, потому что я сожалею, что не встрѣтила тебя съ почтеніемъ такого, каковъ ты есть.

Тольботъ. Не смущайтесь, прекрасная леди, и не поймайте ошибочно намѣреній Тольбота, какъ вы поняли въѣшнее устройство его тѣла.

То, что вы сдѣлали, меня не обижаетъ: я не прошу другого удовлетворенія, какъ только, чтобы вы позволили намъ испробовать вашихъ винъ и вашихъ сластей, потому что желудки солдатъ всегда готовы имъ служить исправно.

Графиня. Отъ всего сердца, и сочту за честь угостить въ своемъ замкѣ такого славнаго воина *(Уходятъ).*

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Сады въ Темплѣ.

Входятъ графы: Сомерсетъ, Сеффолькъ и Уорикъ, Ричардъ Плантадженэтъ, Вернонъ и нотариусъ.

Плантадженэтъ. Именитые лорды и джентльмены, что означаетъ это молчаніе? Развѣ никто не отзовется на дѣло истинны?

Сеффолькъ. Въ саду Темпля мы черезчуръ шумѣли; въ саду удобнѣе.

Плантадженэтъ. Скажите-же сейчасъ, я-ли стою за правду, или спорщикъ Сомерсетъ не былъ не правъ?

Сеффолькъ. Клянусь, я былъ лѣнивъ по части законовъ и никогда не могъ подчинить имъ свою волю; а потому и подчиняю своей волѣ законы.

Сомерсетъ. Такъ вы, лордъ Уорикъ, рассудите насъ.

Уорикъ. Который изъ двухъ соколовъ летаетъ выше, которая изъ двухъ собакъ лаетъ звонче, который изъ двухъ клинковъ закаленъ сильнѣе, которая изъ двухъ лошадей статнѣе, которой изъ дѣвушекъ взглядъ веселѣе, я, пожалуй, могъ-бы рѣшить своимъ недалекимъ рассудкомъ, но въ этихъ милыхъ тонкостяхъ законническихъ крочкотворствъ, клянусь, я не умнѣе галки.

Плантадженэтъ. Полно, полно! это лишь благовидная увертка: истина съ моей стороны такъ нага, что ее увидитъ самый близорукій глазъ.

Сомерсетъ. А съ моей—она такъ разодѣта, такъ ясна, такъ свѣтла и такъ очевидна, что засіяла-бы даже въ глазахъ слѣпца.

Плантадженэтъ. Если у васъ у всѣхъ отнялся

языкъ, или вамъ такъ противно говорить, объявите свои мысли хоть нѣмыми знаками: пусть тотъ, кто истый джентльменъ и стоитъ за честь своего рода, вмѣстѣ со мной сорветъ съ этого куста алую розу.

Уорикъ. Я не люблю цвѣтного и безъ всякихъ цвѣтовъ низкой предательской мести срываю съ Плантадженэтомъ бѣлую розу.

Сеффолькъ. Я срываю алую розу съ юнымъ Сомерсетомъ и говорю къ тому-же, что, думаю, онъ правъ.

Вернонъ. Пойдите, лорды и джентльмены, не рвите больше, пока не рѣшите, что тотъ, на чьей сторонѣ окажется меньше розъ, сорванныхъ съ куста, долженъ признать правоту другого.

Сомерсетъ. Добрый мистръ Вернонъ, ваше возраженіе прекрасно: если у меня розъ будетъ меньше, я соглашусь безпрекословно.

Плантадженэтъ. И я также.

Вернонъ. Итакъ, за правоту и ясность дѣла, я срываю этотъ блѣдный, дѣвствен-

ный цвѣтокъ, давая этимъ свой приговоръ въ пользу стороны бѣлой розы.

Сомерсетъ. Срывая ее, не уколите пальца, чтобы ваша кровь не окрасила бѣлую розу въ алый цвѣтъ и вы не попали бы, такимъ образомъ, помимо своей воли, на мою сторону.

Вернонь. Если я, милордъ, пролью кровь за свои убѣжденія, то онъ-же и излечитъ мою рану и удержитъ меня на той-же сторонѣ, гдѣ я теперь.

Сомерсетъ. Ну, хорошо, хорошо, кто-же еще?

Нотариусъ. Если только мое знаніе и мои книги не лгутъ, такъ доказательства, которыя вы приводите,—ложны; (*Сомерсету*) въ знакъ этого, я тоже срываю бѣлую розу.

Плантадженэтъ. Ну, Сомерсетъ, гдѣ-же твои доказательства?

Сомерсетъ. Тутъ, у меня въ ножнахъ; я полагаю, это окраситъ твою бѣлую розу въ кровавый алый цвѣтъ.

Плантадженэтъ. А между тѣмъ, твои щеки подражаютъ нашимъ розамъ, потому-что онѣ блѣдны отъ страха и подтверждаютъ этимъ, что правда на моей сторонѣ.

Сомерсетъ. Нѣтъ, Плантадженэтъ, не отъ страха, а отъ гнѣва, что твои щеки покраснѣли отъ стыда, подражая нашимъ розамъ, а между тѣмъ языкъ твой отказывается признать твой обманъ.

Плантадженэтъ. Нѣтъ-ли червя въ твоей розѣ, Сомерсетъ?

Сомерсетъ. Нѣтъ-ли шипа у твоей розы, Плантадженэтъ?

Плантадженэтъ. Да, есть: острый и колючій, чтобъ постоять за правду; а твой пожирающій червь жретъ лишь свою неправду.

Сомерсетъ. Ну, я найду друзей, чтобы носить мои кровавыя розы и чтобы подтвердить, что я говорю правду, найду ихъ тамъ, куда живой Плантадженэтъ не осмѣлится показаться.

Плантадженэтъ. Ну, клянусь этимъ дѣвственнымъ цвѣткомъ въ моей рукѣ, что презираю тебя, заносчивый мальчишка, и твоихъ приверженцевъ.

Сеффолькъ. Не направляй своего презрѣнія въ ту сторону, Плантадженэтъ.

Плантадженэтъ. Гордый Пуль, я согласенъ и презираю его и тебя.

Сеффолькъ. Свою долю презрѣнія я направлю въ твою глотку.

Сомерсетъ. Прочь, прочь, добрый Уильямъ де-ля-Пуль! слишкомъ много чести деревенщинѣ, что мы съ нимъ говоримъ.

Уорикъ. Нѣтъ, клянусь Богомъ, Сомерсетъ, ты обижаешь его: его дѣдъ былъ Лиюель, герцогъ Кларенсъ, третій сынъ

Эдуарда третьяго, короля англійскаго. Развѣ отъ такого благороднаго корня происходятъ деревенщины безъ герба?

Плантадженэтъ. Онъ пользуется преимуществами этого мѣста, иначе не посмѣлъ бы, по своей глубокой трусливости, такъ говорить.

Сомерсетъ. Клянусь Тѣмъ, Кто сотворилъ меня, я буду подтверждать свои слова на какомъ угодно клочкѣ христіанскаго міра. Развѣ твой отецъ, Ричардъ, графъ Кембриджъ, не былъ казненъ за измѣну при нашемъ покойномъ королѣ? Развѣ не остался ты запятаннымъ, зараженнымъ его измѣной и исклѣченнымъ изъ стариннаго дворянства? Его измѣна еще предательски живетъ въ твоей крови, и пока ты не возстановишь свое честное имя,—ты просто деревенщина.

Плантадженэтъ. Мой отецъ былъ обвиненъ, обвиненъ но не запятанъ; онъ былъ приговоренъ къ смертной казни за измѣну но не былъ предателемъ, и я это докажу людямъ, которые лучше Сомерсета, когда присѣдетъ время моему желанію. Что-же касается тебя самого и твоего приверженца Пуля, я отмѣчу васъ въ своей записной книжкѣ, чтобы проучить васъ за ваше предубѣжденіе: берегитесь-же и помните, что васъ предупреждали.

Сомерсетъ. Да, ты всегда найдешь насъ готовыми встрѣтить тебя и узнаешь по этимъ цвѣтамъ, что мы твои враги, потому что мои друзья, на зло тебѣ, будутъ ихъ носить.

Плантадженэтъ. А я и мои приверженцы, клянусь душою, будемъ вѣчно, въ знакъ моей ненависти, кровопійцы, носить эту блѣдную отъ гнѣва розу, пока она не дотлѣетъ вмѣстѣ со мной до могилы или не расцвѣтетъ на высотѣ моего величія.

Сеффолькъ. Продолжай и подавись своимъ тщеславіемъ. Итакъ, прощай, пока не встрѣчусь съ тобой опять (*Уходитъ*).

Сомерсетъ. И я за тобою, Пуль, и прощай, тщеславный Ричардъ (*Уходитъ*)!

Плантадженэтъ. Какъ меня оскорбляютъ, а я поневолѣ долженъ это сносить!

Уорикъ. Безчестіе, которымъ они возражаютъ вашему роду, должно быть смыто въ слѣдующемъ-же засѣданіи парламента, созваннаго для разбора истины между Уинчестеромъ и Глостеромъ; и не буду я Уорикомъ, если ты тамъ-же не будешь наименованъ Юркомъ. А пока, въ знакъ моей любви къ тебѣ, я противъ гордаго Сомерсета и Уильяма Пуля буду съ твоими приверженцами носить эту розу. И тутъ-же предсказываю: сегодняшній раздоръ, раздѣлившій насъ на партіи въ саду Темля, по-

илеть тысячи душъ въ смертельный мракъ, на смерть изъ-за алой и бѣлой розъ.

Плантадженэтъ. Добрѣйшій мистеръ Вернонъ, я вамъ признателенъ за то, что вы сорвали цвѣтокъ въ мою пользу.

Вернонъ. На вашу-же пользу я буду носить его.

Нотариусъ. И я также.

Плантадженэтъ. Благодарю, любезный сэръ. Ну, пойдемъ-же всѣ вчетверомъ обѣдать, и, смѣю сказать, пусть эта ссора ужъ въ другой день унется кровью (*Уходятъ*).

С Ц Е Н А V.

Тамъ-же. Комната въ Тауреръ.

Два сторожа вносятъ въ креслахъ Мортимера.

Мортимеръ. Добрые стражи моихъ слабыхъ, преклонныхъ лѣтъ, дайте отдохнуть здѣсь умирающему Мортимеру. Отъ долгаго заточенія, члены мои какъ у человека, котораго только-что сняли съ орудія пытки; а эти сѣдые кудри, предвѣстники смерти, состарившіеся, какъ Несторъ, въ вѣчныхъ заботахъ, предвѣщаютъ кончину Эдмонда Мортимера. Глаза мои, какъ лампы, въ которыхъ перевелось масло, уже дошли до крайности; слабыя плечи, обремененныя тяжелымъ горемъ, и изможденные руки висятъ, какъ увядшія вѣтви лозы, которая клонитъ ихъ, изсохшихъ, къ землѣ; даже ноги не въ состояніи поддерживать этотъ глиняный чурбанъ, который на крыльяхъ желанія стремится къ могилѣ, будто зная, что нѣтъ для меня иной отрады.—Но скажи мнѣ, сторожъ, придетъ-ли мой племянникъ?

1-й сторожъ. Ричардъ Плантадженэтъ придетъ, милордъ: мы послали въ Темплъ, въ его квартиру, и получили отвѣтъ, что онъ придетъ.

Мортимеръ. Хорошо; душа моя будетъ тогда довольна.—Бѣдный джентльменъ! Его обида равня тся моей. Я нахожусь въ этомъ ненавистномъ заточеніи съ тѣхъ поръ, какъ Генрихъ Монмаусъ еще только началъ царствовать, а я уже до его славы былъ знаменитъ въ ратномъ дѣлѣ; и съ тѣхъ-же самыхъ поръ Ричардъ преданъ неизвѣстности, лишень чести и наслѣдства; но теперь, посредница отчаянія, добрая ходатайница человека въ несчастіи, справедливая смерть, даруя мнѣ сладкую свободу, отпускаетъ меня отсюда. Я-бы желалъ, чтобы и его несчастія также окончились и чтобы

онъ такимъ образомъ вернулъ себѣ то, что потерялъ.

Входитъ Ричардъ Плантадженэтъ.

1-й сторожъ. Милордъ, вашъ любящій племянникъ явился.

Мортимеръ. Ричардъ Плантадженэтъ, мой другъ, пришелъ?

Плантадженэтъ. Да, благородный дядя, съ которымъ такъ гнусно поступаютъ, племянникъ вашъ, недавно опозоренный Ричардъ, пришелъ.

Мортимеръ. Направьте мои руки, чтобы я могъ обнять его за шею и на его груди испустить мой послѣдній вздохъ. О, скажите мнѣ, когда губы мои коснутся его щеки, чтобы я могъ съ лаской дать ему слабый поцѣлуй. А теперь скажи, нѣжный отпрыскъ Йоркскаго великаго створа, почему ты говоришь, что ты недавно опозоренъ?

Плантадженэтъ. Прежде всего, прислони свою старческую спину къ моей рукѣ и въ такомъ покойномъ положеніи я расскажу тебѣ, что меня безпокоитъ. Сегодня, въ разсужденіяхъ объ одномъ дѣлѣ, мы съ Сомерсестомъ крупно поговорили; между прочими выраженіями, которыя расточалъ его языкъ, онъ укорилъ меня смертью моего отца; эта клевета преградила мнѣ языкъ, чтобы я не отплатилъ ему тѣмъ-же. Поэтому, добрый дядя, ради отца моего, въ честь истаго Плантадженэта и ради нашего родства, объяви мнѣ причину, по которой отецъ мой, графъ Кембриджъ, былъ обезглавленъ?

Мортимеръ. Проклятымъ орудіемъ его бѣдствія была та-же причина, милый племянникъ, которая заточила и меня и прoderжала въ теченіи всей моей цвѣтущей молодости въ ненавистной тюрьмѣ, чтобы тамъ зачахнуть.

Плантадженэтъ. Открой мнѣ подробности, что это была за причина, потому что я не знаю и не могу догадаться.

Мортимеръ. Хорошо, если только мое слабѣющее дыханіе позволить и если смерть не подойдетъ, пока мой рассказъ не будетъ оконченъ. Генрихъ четвертый, дѣдъ нынѣшняго короля, свергнулъ съ престола своего племянника Ричарда, сына Эдуарда, перворожденного и законнаго наслѣдника короля Эдуарда, третьяго въ этомъ родѣ; въ его царствованіе сѣверные Перси, находя, что онъ въ высшей степени несправедливо завладѣлъ престоломъ, старались возвести на него меня. Причиной, побудившей къ этому этихъ воинственныхъ лордовъ, было то, что юный король Ричардъ былъ сверженъ, не оставивъ наслѣдника по плоти, а я былъ ближайшій его родственникъ по рожденію и родству, потому что я происхожу по матеря отъ Либеля, гер-

цога Кларенса, третьяго сына короля Эдуарда Третьяго, между тѣмъ, какъ его родословная ведется отъ Джона Гаунга, который лишь четвертый въ этомъ геройскомъ поколѣннн. Но замѣть: когда они своей дерзостной попыткой старались возвести на престолъ законнаго наслѣдника, мнѣ это стоило свободы, а имъ—жизни. Долгое время спустя, когда царствовалъ Генрихъ Пятый, наслѣдовавшій отцу своему, Болинброку, твой отецъ, графъ Кэмбриджъ, происходившій отъ знаменитаго Эрмонда Лэнгги, герцога Йоркскаго, женившись на моей сестрѣ, которая и была твоей матерью, снова собралъ войско изъ жалости къ моей тяжелой участи, и для того, чтобы спасти меня и возвратить мнѣ корону; но, какъ и остальные, благородный лордъ палъ и былъ обезглавленъ. Такъ были уничтожены Мортимеры, которымъ принадлежалъ королевскій титулъ.

Плантадженэтъ. Изъ нихъ милордъ, ваша свѣтлость,—послѣдннй.

Мортимеръ. Это вѣрно; ты видишь, что у меня нѣтъ потомства и что мой слабяущнй голосъ ручается за мою кончину. Ты мой наслѣдникъ: я желаю тебѣ отобрать наслѣдство, но всетаки будь осмотрителенъ въ своемъ усердномъ стремленнн.

Плантадженэтъ. Я послѣдую твоимъ важнымъ наставленнямъ. Но всетаки мнѣ кажется, что казнь моего отца была едва-ли не меньше, какъ кровавымъ тиранствомъ.

Мортимеръ. Племянникъ, будь молча политиченъ: Ланкастерскнй домъ твердо

укрѣпился и его, какъ гору, не сдвинуть. Но вотъ отсюда переселяется твой дядя, какъ государи переселяютъ свой дворъ, когда они пресытятся долгимъ пребываннемъ въ одной и той-же мѣстности.

Плантадженэтъ. О, дядя! если-бы хоть часть моихъ юныхъ лѣтъ могла освободить тебя отъ окончаннн твоихъ!

Мортимеръ. Ты неправъ ко мнѣ, какъ убнйца, который наноситъ много ранъ, когда и одна убьетъ. Не скорби, если только не печалитъ тебя мое счастье; распорядись только моими похоронами; итакъ, прощай; пусть будутъ свѣтлы твои надежды и благоденственна твоя жизнь какъ въ войнѣ, такъ и въ мирѣ! (*Умираетъ*).

Плантадженэтъ. И пусть миръ, а не война будетъ удѣломъ твоей отлетающей души! Въ темницѣ ты свершилъ свое паломничество и, какъ отшельникъ, пережилъ свой вѣкъ.—Итакъ, я замкну его совѣтъ въ моей груди, и что я задумалъ, то пусть покоится тамъ. Стражи, унесите его отсюда, а я самъ посмотрю за его похоронами лучше, нежели смотрѣлъ за его жизнью. (*Сторожа уходятъ, унося тѣло Мортимера*). Вотъ здѣсь покоится мрачный факель Мортимера, заглушенный низкимъ тщеславлнемъ. А относительно обидъ и горькихъ оскорбленнй, которыя Сомерсетъ нанесъ моему дому, я не сомнѣваюсь, что съ честью ихъ изглажу, и потому поспѣшу въ парламентъ, чтобы мнѣ возвратили права моего рода, иначе я самое зло обращу себѣ въ добро.

Дѣйствіе третье.

СЦЕНА I.

Тамъ-же. Въ залѣ парламента.

Барабанный бой. Входятъ: король Генрихъ, Эдмундъ, Глостеръ, Уоррикъ, Сомерсетъ и Сеффолькъ, епископъ Уинчестерскій, Ричардъ Платтадженэтъ и другіе. Глостеръ пытается подать обвинительную записку; епископъ Уинчестерскій вырываетъ ее у него и разрываетъ.

Епископъ Уинчестерскій. Ты, кажется, являешься съ заранѣе глубоко-обдуманной бумагой, съ письменнымъ усердно составленнымъ памфлетомъ, Гемфри Глостеръ? Если ты хочешь на меня донести или имѣешь намѣреніе обвинять меня въ чемъ нибудь, то дѣлай это, не придумывая, а внезапно,—какъ я намѣренъ отвѣчать на твои обвиненія внезапными рѣчами.

Глостеръ. Надменный попъ! Это мѣсто повелѣваетъ мнѣ быть терпѣливымъ, а тобы ты увидѣлъ, что оскорбилъ меня. Не думай, что, если я предпочелъ письменно изложить твои гнусные оскорбительные проступки, которые я будто-бы для этого выдумалъ, такъ я не въ состояннн повторить устно написаннаго по порядку: нѣтъ, прелать; такова твоя дерзкая порочность, твои безстыдныя и зловредныя продѣлки, что даже дѣти кричатъ о твоей спеси. Ты самый вредный ростовщикъ, дерзкій отъ природы, врагъ мира; ты сладострастенъ и игривъ болѣе, нежели пристало человѣку твоего званія и сана: что-же касается твоего предательства, то что можетъ быть очевиднѣе его? Ты вѣдь устранилъ мнѣ западню какъ

на Лондонскомъ мосту, такъ и въ Тоуэрѣ, чтобы лишить меня жизни. Кромѣ того, если просѣять твои мысли, то боюсь я, что и король, нашъ государь, окажется не совсемъ изъять изъ завистливой злобы твоего напыщеннаго сердца.

Епископъ Уинчестерскій. Глостеръ, я презираю тебя.—Лорды, удостойте выслушать, что я отвѣчу. Если я такъ жадею, честолюбивъ и пороченъ, какъ онъ считаетъ меня, то почему-же я такъ бѣденъ? Или еще, какъ это случилось, что я не ницъ повышеи и не стремлюсь возвыситься, но придерживаюсь своего обычнаго призванія? А что касается раздоровъ, то кто-же болѣе меня предпочитаетъ миръ, если только меня не вызываютъ на сору? Нѣтъ, добрые лорды, не это оскорбляетъ, не это распалаетъ гнѣвъ герцога; а то, чтобы никто, кромѣ него, не управлялъ страной; чтобы никто, кромѣ него, не былъ близокъ къ королю, и это зарождаетъ грозу въ его груди и заставляеть его гремѣть обвиненіями. Но я дамъ знать ему, что равень...

Глостеръ. Равень? Ты, пригулокъ моего дѣда!

Епископъ Уинчестерскій. Да, надменный сэръ; а вы-то, прошу васъ сказать, кто-же, какъ не своевольно-сидящій на чужомъ престолѣ?

Глостеръ. Наглый попъ, развѣ я не протекторъ?

Епископъ Уинчестерскій. Развѣ я не прелать церкви?

Глостеръ. Да, такой-же, какъ разбойникъ, живущій въ замкѣ, чтобы этимъ прикрывать свои преступленія.

Епископъ Уинчестѣрскій. Нечестивый Глостѣръ!

Глостѣръ. Ты благочестивъ только своимъ духовнымъ саномъ, но не жизнью.

Епископъ Уинчестѣрскій. Римъ этому поможетъ.

Уорикъ. Ну и отваливай туда!

Сомерсетъ. Милордъ, ваша обязанность была-бы воздержаться.

Уорикъ. Да. Смотрите, чтобы не пришлось епископу уступить.

Сомерсетъ. Мнѣ кажется, что милордъ должны-бы быть благочестивы и знать свои обязанности къ такому сану.

Уорикъ. Мнѣ кажется, его святѣйшество должны-бы быть смиреннѣе; непристойно прелату такъ выражаться.

Сомерсетъ. Но если это такъ близко касается его священнаго сана...

Уорикъ. Священнаго или несвященнаго, не все-ли равно? Развѣ его свѣтлость не протекторъ короля?

Плантагенетъ. *(Въ сторону).* Какъ я вижу, Плантагенетъ долженъ держать языкъ за зубами, чтобы ему не сказали:—Говорите, сударь, когда вамъ полагается; развѣ можетъ ваше дерзкое сужденіе вмѣшиваться въ рѣчи лордовъ?—А не то я-бы натѣшилъ надъ епископомъ Уинчестѣрскимъ.

Король Генрихъ. Дядюшки Глостѣръ и Уинчестѣръ, чрезвычайные хранители нашего англійскаго государства, я-бы просилъ васъ, если-бы просьбы могли васъ убѣдить, соединиться сердцами въ любви и дружбѣ. О, что за позоръ нашей коронѣ, что два такихъ благородныхъ пера враждуютъ. Повѣрьте мнѣ, лорды, даже я, въ мои юныя лѣта, могу сказать, что гражданскія распри—ядовитый червь, который гложетъ нѣдра общественнаго благосостоянія *(За сценой шумъ: Бей бюрокафтанниковъ!)*—Что это за шумъ?

Уорикъ. Осмѣлюсь поручиться, что это бунтъ, произведенный происками людей епископа *(Снова шумъ:—Камней! Камней!)*

(Входитъ Лордъ-Мэръ со свитой).

Мэръ О, милостивые лорды, и ты доблестный Генрихъ, скажитесь надъ городомъ Лондономъ, скажитесь надъ нами! Люди епископа и герцога Глостѣра, которымъ недавно запрещено носить оружіе, наполнили себѣ карманы булыжниками и, раздѣлясь на двѣ противоположныя партіи, тузять другъ друга по башкѣ такъ, что у многихъ уже вышиблены ихъ ветропрашные мозги. Во всѣхъ улипахъ окна побиты, и мы, со страху, принуждены запереть свои лавки. *Входятъ, въ драктъ, слуги Глостѣра и Уинчестѣра съ окровавленными башками).*

Король Генрихъ. Мы повелѣваемъ вамъ, въ знакъ вѣроподданничества, остановить свои смертоносныя руки и усмириться. Пожалуйста, дядя Глостѣръ, прекратите эту драку.

1-й слуга. Нѣтъ, если намъ воспрепятствовать камни, мы будемъ нападать зубами.

2-й слуга. Дѣлайте, что только посмѣете, мы останемся все такъ-же рѣшительны *(Дерутся опять).*

Глостѣръ. Вы, принадлежащіе къ моему дому, оставьте эту задорную драку и отстраните эту необычайную схватку.

1-й слуга. Милордъ, мы знаемъ вашу свѣтлость за человека прямого и справедливаго и, по своему царскому происхожденію, ничѣмъ не уступающаго никому, кромѣ его величества; но скорѣе, чѣмъ потерять, чтобы такой государь, такой заботливый отецъ общественнаго блага былъ оскорбленъ какимъ-нибудь „чернильною строкою“, мы всѣ, наши жены и дѣти, будемъ биться и передадимъ свои тѣла на убіеніе врагамъ.

2-й слуга. Да, и даже обрѣзки ногтей нашихъ вскопаютъ поле битвы, когда мы уже будемъ мертвы *(Дерутся опять).*

Глостѣръ. Стойте, стойте, говорю вамъ! и, если любите меня такъ, какъ говорите, то дайте мнѣ убѣдить васъ немного воздержаться.

Король Генрихъ. О, какъ этотъ раздоръ угнетаетъ мою душу!—Неужели вы, милордъ Уинчестѣръ, можете смотрѣть на мои вздохи и слезы и ни разу имъ не уступить? Да кто-же можетъ быть сострадательнѣе, какъ не вы? Или кто будетъ стараться соблюдать миръ, если святые служители церкви находятъ удовольствіе въ раздорахъ?

Уорикъ. Уступите, милордъ протекторъ, уступите, епископъ, если только вы не хотите настойчивымъ отказомъ убить вашего государя и разстроить государство. Вы видите, что за бѣда и что за убійство произошли чрезъ вашу вражду. Поэтому усмиритесь, если не жаждете крови.

Епископъ Уинчестѣрскій. Онъ покорится, или я ни за что не уступаю.

Глостѣръ. Состраданіе къ королю повелѣваетъ мнѣ склониться; а то я-бы вырвалъ у пона сердце, скорѣе чѣмъ дать ему преимущество надъ собою.

Уорикъ. Посмотрите, милордъ Уинчестѣръ, герцогъ подавилъ злобу своего недовольства, какъ это кажется по его сглаженному челу; отчего-же вы еще смотрите такъ мрачно, такъ трагически?

Глостѣръ. Вотъ, Уинчестѣръ, я протягиваю тебѣ руку.

Король Генрихъ. Стыдитесь, дядя Бофорты! Я слышалъ, какъ вы проповѣдуете, что злоба — великій и тяжкій грѣхъ; неужели-же вы не поддержите свои проповѣди, а выкажете себя главнымъ имъ противникомъ?

Уорикъ. Дорогой король! — епископу достался ласковый выговоръ. — Какъ не стыдно, милордъ Уинчестеръ, уступите: неужели дитя должно учить васъ, что дѣлать?

Епископъ Уинчестерскій. Ну, герцогу Глостеръ, я уступаю; даю тебѣ любовь за любовь и руку за руку.

Глостеръ. Да; но я боюсь, что съ пустымъ сердцемъ. — Смотрите-же сюда, мои друзья и любящіе земляки, вотъ знакъ, который служить флагомъ перемирія, намъ и нашимъ приверженцамъ. И помоги мнѣ Боже, если я не лицемерю!

Епископъ Уинчестерскій *(въ сторону)*. И помоги Боже, если я намѣренъ лицемерить!

Король Генрихъ. О, любящій дядя, добрый герцогу Глостеръ, какъ я радуюсь этому уговору! Ступайте, господа: не беспокойте насъ болѣе, но соединитесь въ дружбѣ, какъ это сдѣлали ваши хозяева.

1-й слуга. Ладно, я пойду къ лекарю.

2-й слуга. И я также.

3-й слуга. А я посмотрю, какое лекарство предложить мнѣ трактиръ *(Уходятъ: мэръ, слуги и проч.)*.

Уорикъ. Всемилостивый государь, примите этотъ свитокъ, который мы представляемъ вашему величеству отъ имени Ричарда Плантагензта.

Глостеръ. Прекрасное побужденіе, милордъ Уорикъ: — но, дорогой государь, если ваше величество извѣситъ все обстоятельство, то вамъ есть причина воздать Ричарду должное; особенно по тѣмъ основаниямъ, о которыхъ я говорилъ вашему величеству въ Эльтамѣ.

Король Генрихъ. И эти основанія, дядюшка, имѣютъ свою силу: поэтому, любезные лорды, мы желаемъ, чтобы Ричардъ былъ возвращенъ своему роду.

Уорикъ. Пусть Ричардъ будетъ возвращенъ своему роду; такимъ образомъ вознаградится зло, сдѣланное его отцу.

Епископъ Уинчестерскій. Чего хотѣть остальные, того желаетъ и Уинчестеръ.

Король Генрихъ. Если Ричардъ будетъ мнѣ вѣренъ, то я ему отдамъ не только это, но и все наслѣдство Йоркскаго дома, изъ котораго онъ происходитъ.

Плантагензтъ. Твой покорный слуга клянется тебѣ повиноваться и служить до самой смерти.

Король Генрихъ. Склонись-же передо мною и преклони колѣни къ моей ногѣ; а въ награду за этотъ знакъ покорности я опояшу тебя доблестнымъ мечомъ Йорка. Возстань, Ричардъ, какъ истинный Плантагензтъ, возстань, какъ вновь пожалованный герцогу Йоркскій.

Плантагензтъ. И пусть благоденствуетъ Ричардъ такъ-же, какъ падутъ твои враги! И, по мѣрѣ того, какъ будутъ возрастать мои обязанности, будутъ погибать все, кто хоть однажды помыслитъ противъ вашего величества!

Всѣ. Привѣтъ тебѣ, великій принцъ, могущественный герцогу Йоркскій!

СОМЕРСЕТЬ *(Въ сторону)*. Гибель тебѣ, подлый принцъ, гнусный герцогу Йоркскій.

Глостеръ. Теперь пригодите всего вашему величеству переправиться за море и быть коронованнымъ во Франціи. Присутствіе короля возбуждаетъ любовь его поданныхъ и преданныхъ друзей такъ-же, какъ оно смущаетъ его враговъ.

Король Генрихъ. Стоило Глостеру сказать лишь слово, и король уже идетъ, потому что дружескій совѣтъ отстраняетъ многихъ враговъ.

Глостеръ. Ваши корабли уже готовы *(Барабанный бой. Уходятъ все, кромѣ Экзэтра)*.

Экзэтръ. Да, мы можемъ шествовать въ Англию или во Францію, не видя, что изъ этого можетъ произойти. Эта послѣдняя

рознь, возникшая между перами, горитъ подъ мнимымъ щеломъ поддѣльной любви и, наконецъ, прорвется пламенемъ наружу; какъ гниющіе члены разбѣдаются лишь постепенно, пока не отвалятся прочь кости, мясо и мускулы, такъ будетъ развиваться и этотъ низкій и завистливый раздоръ. Теперь я страшусь того рокового предсказанія, которое во времена Генриха, прозваннаго Пятымъ, было въ устахъ каждаго грудного младенца, — что Генрихъ, родившійся въ Монмаусъ, все приобрететъ, а Генрихъ, родившійся въ Уиндзоръ, все потеряетъ, это такъ ясно, что Экзэтеръ желаетъ окончить дни свои раньше того злополучнаго времени.

СЦЕНА II.

Франція Передъ Руаномъ.

Входятъ: Дѣвственница, передѣтая, и солдаты, одѣтые поселянами, съ мѣшками за спиною.

Дѣвственница. Вотъ городскія ворота, ворота Руана, въ которыхъ мы хитростію должны сдѣлать брешь. Будьте осторожны и внимательны къ тому, какъ построить свою рѣчь; говорите, какъ самые простые продавщики, которые приходятъ обращать въ деньги свое зерно. Если насъ впустятъ (какъ я надѣюсь), и мы найдемъ, что нерадивая стража слаба, то я сигналомъ дамъ знать нашимъ друзьямъ, что дофинъ Карлъ можетъ напасть на нихъ.

1-й солдатъ. Наши мѣшки помогутъ намъ забрать въ мѣшокъ весь городъ и сдѣлаться хозяевами и властелинами Руана; такъ поступимся (*Стучится*).

Часовой (*Изнутри*). Qui est la?

Дѣвственница. Paysans, pauvres gens de France, бѣдные торговцы, которые пришли продавать хлѣбъ.

Часовой (*Открываетъ ворота*). Войдите: базарный колоколь уже пробилъ.

Дѣвственница. Теперь, Руанъ, я до основанія потрясу твои твердыни (*Дѣвственница и др. входятъ въ городъ*).

Входятъ: Карлъ, Пригулокъ Орлеанскій, Алансонъ и войско.

Карлъ. Святой Діонисій да благословитъ эту счастливаю хитрость и мы опять безопасно заснемъ въ Руанѣ.

Пригулокъ. Туда вошла дѣвственница и ея сподвижники; теперь она тамъ, но чѣмъ обозначить она, гдѣ лучше и безопаснѣе войти?

Алансонъ. Тѣмъ, что выставитъ факель вонъ на той башнѣ; когда мы его

увидимъ, это будетъ значить, что мѣсто, гдѣ она вошла, слабѣ другихъ (*Дѣвственница входитъ на укрѣпленіи съ горящимъ факеломъ въ рукѣ*).

Дѣвственница. Смотрите! вотъ радостный брачный факель, который соединитъ Руанъ съ его соотечественниками, но запыхаетъ гибелью для тольботистовъ.

Пригулокъ. Взгляни, благородный Карлъ, вонъ въ той башнѣ стоитъ маякъ нашего друга, горящій факель.

Карлъ. Такъ пусть онъ засяетъ, какъ метательная комета, предвѣстница гибели нашихъ враговъ!

Алансонъ. Не теряйте времени; проволочки влекутъ за собой опасный конецъ: входите сейчасъ же съ крикомъ: — Дофинъ! — и затѣмъ уничтожайте стражу (*Входятъ въ городъ*).

Тревога. Входятъ: Тольботъ и англійскіе солдаты.

Тольботъ. Ты, Франція, слезами заплатишь за эту измѣну, если только Тольботъ переживетъ твое предательство. Дѣвственница, эта вѣдьма, эта проклятая колдунья, неожиданно для насъ совершила это адское бѣдствіе, которымъ мы едва не заплатились за тщеславіе Франціи.

(Тревога. Стычки. Выходятъ изъ города: Бедфордъ, больной, на креслахъ; Тольботъ, герцогъ Бургундскій и англійскія войска. Затѣмъ, не стѣны всходятъ: Дѣвственница, Карлъ, Пригулокъ, Алансонъ, Ренье и другіе).

Дѣвственница. Здравствуйте, прелестники. Не надо-ли вамъ зерна для хлѣба? Я думаю, герцогъ Бургундскій поностится прежде, чѣмъ снова купить его по прежней цѣнѣ. Оно было полно куколя: какъ вамъ нравится его вкусъ?

Герцогъ Бургундскій. Продолжай издѣваться, подлый врагъ, безстыдная распутница! Я надѣюсь скорѣ задушить тебя твоимъ собственнымъ и заставить тебя проклинать жатву такого хлѣба.

Карлъ. Но ваша свѣтлость можетъ до тѣхъ поръ умереть съ голоду.

Бедфордъ. О. пусть не слова, а дѣла отмстятъ за эту измѣну.

Дѣвственница. Что же ты хочешь сдѣлать, — сѣдая бородушка? сломить копье и въ креслахъ выйти на турниръ со смертью?

Тольботъ. Злой духъ Франціи! фурія, полная злобы, окруженная своими сладострастными любовниками, развѣ пристало тебѣ издѣваться надъ его доблестной старостью, укорять въ трусости полумертваго чловѣка? Если я еще не помѣряюсь, прелестница, съ тобою, то пусть Тольботъ погибнетъ отъ такого позора.

Дѣвственница. Неужто вы такъ вспыльчивы, сэръ?—Однако, Дѣвственница, промолчи: если только Тольботъ загремитъ, то вслѣдъ за тѣмъ будетъ дождикъ (*Тольботъ и другіе совѣтуются*). Богъ въ помощь парламенту! Кто жъ будетъ президентомъ?

Тольботъ. Осмѣлитесь-ли вы выйти и сразиться съ нами въ полѣ?

Дѣвственница. Кажется, ваша милость принимаетъ насъ за дураковъ, которые будутъ еще пробовать, имъ-ли принадлежить ихъ собственность, или нѣтъ.

Тольботъ. Я говорю не съ этой бранчивой Гекатой, а съ тобою, Алансонъ, и съ остальными. Угодно-ли вамъ, какъ солдатамъ, выйти и рѣшить дѣло битвой?

Алансонъ. Нѣтъ, синьоръ.

Тольботъ. Чортъ побери, синьоръ!

Подлые погонщики муловъ Франціи! Какъ деревенскіе мальчики на побѣгушкахъ, прячутся они за стѣнами, и не смѣютъ взяться за оружіе, какъ джентльмены.

Дѣвственница. Прочь, капитанъ! сойдемъ съ этихъ стѣнъ, потому что Тольботъ своими взорами не предвѣщаетъ добра. Богъ съ вами, милорды: мы приходили лишь сказать вамъ, что мы здѣсь (*Уходятъ со стѣны: Дѣвственница и др.*).

Тольботъ. Вскорѣ и мы будемъ тамъ же, или позоръ будетъ главной славой Тольбота. Герцогъ Бургундскій, поклявшись честью твоего рода, задѣтато всенародными оскорбленіями, понесенными во Франціи, что ты или вернешь этотъ городъ, или умрешь; и я клянусь или взять этотъ городъ, или умереть, и это такъ же вѣрно, какъ то, что еще здравствуетъ король Генрихъ,—что его отецъ здѣсь же былъ заповѣтелемъ, и что въ этомъ, только что преданномъ измѣною городѣ было погребено сердце великаго Ричарда „Львиное Сердце“.

Герцогъ Бургундскій. Мои желанія—равные товарищи твоимъ.

Тольботъ. Но прежде, чѣмъ уйдемъ, взгляни на этого кончающагося принца, на доблестнаго герцога Бедфорда. — Ну, милорды, мы васъ устроимъ въ лучшемъ мѣстѣ, болѣе подходящемъ къ вашимъ годамъ и болѣзни.

Бедфордъ. Лордъ Тольботъ, не унижайте меня; я буду здѣсь сидѣть передъ

стѣнами Руана и буду вашимъ товарищемъ во благѣ или злѣ.

Герцогъ Бургундскій. Отважный Бедфордъ, позвольте намъ васъ убѣдить.

Бедфордъ. Но лишь не въ томъ, чтобы уйти отсюда; потому что я нѣкогда читалъ, что храбрый Пендрагонъ явился на поле битвы больной, въ носилкахъ, и побѣдилъ враговъ. Я думаю, что могъ бы оживить сердца солдатъ, потому что всегда находилъ ихъ такими же, какъ и я самъ.

Тольботъ. Неустрашимый духъ въ умирающей груди!—Ну, пусть будетъ такъ:—да сохранить небо стараго Бедфорда!—А теперь, довольно толковать, смѣлый герцогъ Бургундскій, соберемъ свое разбѣянное войско и двинемся на нашего хвастливаго врага (*Уходятъ: Герцогъ Бургундскій, Тольботъ и войско, оставляя Бедфорда и другіхъ*).

Тревога. Стычки. Входятъ: сэръ Джонъ Фастольфъ и капитанъ.

Капитанъ. Сэръ Джонъ Фастольфъ, куда это вы такъ спѣшите?

Фастольфъ. Какъ куда? спаситися бѣгствомъ: мы, кажется, опять будемъ побиты.

Капитанъ. Какъ? Вы хотите бѣжать и оставить Тольбота?

Фастольфъ. Да, и всѣхъ Тольботовъ на свѣтѣ, лишь бы спасти свою жизнь (*Уходитъ*).

Капитанъ. Трусливый рыцарь! пусть преслѣдуютъ тебя неудачи! (*Уходитъ*).

Отбой. Стычки. Изъ города выходятъ, убѣгая: Дѣвственница, Алансонъ, Карлъ и другіе; уходятъ.

Бедфордъ. Теперь, успокоенная душа, отлетай, когда будетъ угодно небу, потому что я видѣлъ пораженіе нашихъ враговъ. Что же такое увѣренность и сила безразсудныхъ людей? Тѣ, которые недавно дерзали насмѣхаться, теперь счастливы и довольны, что могутъ спастись бѣгствомъ (*Умираетъ, его уносятъ въ креслахъ*).

Тревога. Входятъ: Тольботъ, герцогъ Бургундскій и другіе.

Тольботъ. Потерявъ и возвращень въ одинъ и тотъ же день! За это намъ двойная слава, герцогъ Бургундскій, но, всетаки, честь этой побѣды принадлежитъ небесамъ.

Герцогъ Бургундскій. Храбрый и воинственный Тольботъ, герцогъ Бургундскій, какъ въ ковчегъ, заключаетъ тебя въ свое сердце и надъ нимъ же, вмѣсто памятника, воздвигаетъ твои благородныя дѣянія.

Тольботъ. Благодарю, любезный герцогъ. Но гдѣ же теперь Дѣвственница? Я думаю, ея прежній злой духъ уже уснулъ. Гдѣ самохвальство Пригулка и насмѣшки Карла? Какъ, всѣ будто помертвѣли? Руанъ склоняетъ голову, точно отъ горя, что его покинула такая прекрасная компанія. Теперь мы немного приведемъ городъ въ порядокъ, помѣстивъ въ немъ нѣсколько опытныхъ офицеровъ, и затѣмъ отправимся въ Парижъ къ королю, потому что тамъ пребываетъ юный Генрихъ со своими вельможами.

Герцогъ Бургундскій. Что угодно лорду Тольботу, на то согласенъ и герцогъ Бургундскій.

Тольботъ. Но прежде, чѣмъ отправиться, мы не забудемъ присутствовать на совершеніи похороннаго обряда надъ новопреставленнымъ благороднымъ герцогомъ Bedfordомъ, здѣсь, въ Руанѣ. Ни одинъ солдатъ храбрѣе его не шелъ въ атаку съ кошемъ, ни одно, болѣе благородное сердце не властвовало при дворѣ, но и короли, и могущественнѣйшіе владыки должны умереть; таковъ ужъ конецъ житейскихъ бѣдствій (*Уходятъ*).

С Ц Е Н А Ш.

Тамъ-же. Равнина близъ Руана.

Входятъ: Король, Пригулокъ, Алансонъ, Дѣвственница и войско.

Дѣвственница. Не смущайтесь, принцы, этой случайностью, и не скорбите, что Руанъ снова имъ взятъ: грусть не врачующее, а скорѣе растрavляющее средство, для всего, что неизлечимо. Пусть бѣшенный Тольботъ временно торжествуетъ и распускаетъ свой хвостъ, какъ павлинъ; мы выщиплемъ ему перья, повыдержаемъ ему хвостъ, если только дофинъ и другіе дадутъ управлять собою.

Карлъ. До сихъ поръ ты управляла нами и мы не сомнѣвались въ твоемъ искусствѣ; одна внезапная неудача можетъ породить недовѣрія.

Пригулокъ. Выщипи въ умѣ своемъ еще тайную хитрость и мы сдѣлаемъ тебя знаменитой во всей вселенной.

Алансонъ. Мы поставимъ твое извѣстіе въ какомъ-нибудь святилищѣ и будемъ

почитать тебя, какъ святую угодницу; такъ похлопочи-же, прекрасная дѣва, намъ во благо.

Дѣвственница. Ну, такъ вотъ какъ должно быть; вотъ что предрѣшаетъ Іоанна: ласковыми уговорами, въ перемежку съ льстивыми рѣчами, мы сманимъ герцога Бургундскаго, чтобы онъ оставилъ Тольбота и примкнулъ къ намъ.

Карлъ. Да, право, милый другъ, еслибы мы могли этого достигнуть, то не было-бы во Франціи мѣста для воиновъ Генриха; и этому народу не пришлось-бы уже кичиться надъ нами, а быть-бы онъ изгнанъ изъ нашихъ провинцій.

Алансонъ. Потому что тогда онъ ужъ будетъ на вѣки изгнанъ изъ Франціи и лишится здѣсь даже титула герцогства.

Дѣвственница. Ваши свѣлости увидятъ, какъ я буду дѣйствовать для того, чтобы привести это дѣло къ желанному концу (*въ отдаленіи слышны барабаны*). Слышите! по звукамъ барабана вы можете понять, что ихъ войско направляется къ Парижу.

Англійскій маршъ. Входятъ и проходятъ мимо: Тольботъ и его отряды.

Вонъ идетъ Тольботъ съ развѣвающимися знаменами и всѣ англійскія войска вельдѣ за нимъ.

Французскій маршъ. Входятъ: герцогъ Бургундскій и его отряды.

Вотъ въ тылу идетъ со своими людьми герцогъ Бургундскій; счастье, благопріятствующее ему, заставило его отстать. Вызовемъ его на переговоры, поговоримъ съ нимъ (*Трубы играютъ вызовъ*).

Карлъ. Переговоры съ герцогомъ Бургундскимъ.

Герцогъ Бургундскій. Кто проситъ переговоровъ съ герцогомъ Бургундскимъ?

Дѣвственница. Царственный Карлъ французскій, твой соотечественникъ.

Герцогъ Бургундскій. Что-же ты скажешь, Карлъ? вѣдь я ухожу отсюда.

Карлъ. Дѣвственница, говори и обольсти его своими рѣчами.

Дѣвственница. Смѣлый герцогъ Бургундскій, несомнѣнная надежда Франціи, остановись, дозвожь твоей покорной служѣ говорить съ тобою.

Герцогъ Бургундскій. Говори дальше, но не слишкомъ продолжительно.

Дѣвственница. Взгляни на свою отчизну, взгляни на плодоносную Францію; видишь, какъ обезображены крѣпости и города разрушительными дѣйствіями жестокаго врага. Взгляни, взгляни на сокрушительную болѣзнь Франціи, какъ глядитъ мать на своего малаго ребенка, когда смерть сомкнетъ его нѣжныя, умирающія вѣжды;

посмотри на раны, самыя неестественныя раны, которыя ты самъ нанесъ ея скорбѣющей груди. О, направь свой острый мечъ въ другую сторону: рази имъ тѣхъ, кто ранитъ, и не ранъ тѣхъ, кто врачуетъ. Одна капля крови, исторгнутая изъ груди твоей отчизны, должна-бы портить тебя болѣе, чѣмъ цѣлые потоки крови чужеземцевъ. Вернись-же къ намъ, заливаясь слезами, и ими смой позорныя пятна твоей отчизны.

Герцогъ Бургундскій. Или она околдовала меня своими рѣчами, или сама природа внезапно заставляетъ меня уступить.

Дѣвственница. Кромѣ того, вся Франція и всѣ французы кричатъ про тебя, сомнѣваясь въ твою законномъ рожденіи и происхожденіи. Да къ кому-же ты присоединился, какъ не къ господствующему народу, который и довѣряетъ-то тебѣ лишь изъ-за выгоды? Когда Тольботъ оснуется во Франціи и сдѣлаетъ тебя орудіемъ зла, то кто-же, какъ не Генрихъ англійскій, будетъ здѣсь властелиномъ, а ты будешь изгнанъ, какъ бѣглець. Припомнимъ и приведемъ въ доказательство лишь одно: развѣ не былъ тебѣ врагомъ герцогъ Орлеанскій и не былъ онъ англійскимъ плѣннымъ? Но, когда они услышали, что онъ твой врагъ, они освободили его, безъ выкупа, на зло герцогу Бургундскому и его друзьямъ. Смотри-же: ты сражаешься противъ своихъ соотечественниковъ и присоединяешься къ тѣмъ, которые будутъ твоими убійцами. Вернись-же, вернись, вернись, заблуждающийся герцогъ: Карлъ и всѣ остальные примутъ тебя въ свои объятія.

Герцогъ Бургундскій. Я побѣжденъ: ея возвышенныя рѣчи разгромили меня, какъ пушечные выстрѣлы, заставили сдаться и почти пасть на колѣни. Простите мнѣ, отчизна и мои дорогие соотечественники! А вы, господа, примите отъ меня искреннія объятія. Вся моя власть, все мое войско — ваши... Итакъ, Тольботъ, прощай; я больше ужъ не довѣрю тебѣ.

Дѣвственница (*Въ сторону*). Вотъ такъ истый французъ вертится туда и сюда! Карлъ. Добро пожаловать, храбрый герцогъ! Твоя дружба оживляетъ насъ.

Пригулокъ. И зарождаетъ у насъ въ груди новое мужество.

Алансонъ. Дѣвственница молоддомъ сыграла свою роль и заслуживаетъ за это золотой вѣнецъ.

Карлъ. Теперь, господа, пойдѣмъ, соединимъ наши войска и подыщемъ, какъ завредить врагу (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Парижъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: Король Генрихъ, Глостэръ и другіе лорды; Вернонь, Бассетъ и др. Къ нимъ на встрѣчу идутъ: Тольботъ и нѣкоторые изъ его офицеровъ.

Тольботъ. Мой милостивый государь и почтенные пэры, услыша о вашемъ прибытіи въ это государство, я на время сдѣлалъ перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, чтобы исполнить долгъ, которымъ обязанъ моему государю, въ знакъ чего, эта рука — которая подчинила вашей волѣ пятьдесятъ крѣпостей, двѣнадцать столицъ и семь укрѣпленныхъ стѣнами сильныхъ городовъ, кромѣ того пятьсотъ именитыхъ плѣнныхъ, — повергаетъ свой мечъ къ ногамъ вашего величества (*преклоняетъ колѣни*) и, въ смиренной чести своего сердца, приписываетъ славу одержанной побѣды сперва Богу, а потомъ вашему величеству.

Король Генрихъ. Дядя Глостэръ, тотъ-ли это лордъ Тольботъ, который такъ давно прожизиваетъ во Франціи?

Глостэръ. Да, въ угоду будь сказано вашему величеству, государь мой.

Король Генрихъ. Добро пожаловать, храбрый капитанъ и побѣдоносный лордъ. Когда я былъ еще молодъ (хоть я и теперь не старъ), помню, какъ мой отецъ сказалъ, что никогда не владѣлъ мечомъ воинъ болѣе неустрошимый. Уже давнымъ-давно мы убѣдились въ вашей чести, въ вашей вѣрной службѣ и въ вашемъ усердіи на войнѣ; но вы не вѣдаете еще, какъ мы награждаемъ или даемъ въ отличіе хоть благодарность, потому что до сихъ поръ мы никогда еще не видали васъ въ лицо. Поэтому, встаньте; за эти прекрасныя заслуги мы жалуетъ васъ графомъ Шрюсберійскимъ. На нашей коронаціи вы займете подобающее вамъ мѣсто (*Уходятъ: Король Генрихъ, Глостэръ, Тольботъ и вельможи*).

Вернонь. Ну, сэръ, такъ горячившійся на морѣ и позорившій тѣ цвѣта, которые я ношу въ честь благороднаго герцога Йорка, осмѣлишься-ли еще подтверждать свои прежнія рѣчи?

Бассетъ. Да, сэръ, такъ же, какъ вы осмѣливаетесь разрѣшать вашему дерзкому языку завистливо лаять на лорда, герцога Сомерсета.

Вернонь. Сударь, я вашего лорда почитаю такимъ, какимъ онъ есть.

Бассетъ. То-есть, какимъ же? Такимъ же хорошимъ человѣкомъ, какъ и Йоркъ?

Вернонъ. Ты у меня смотри! вовсе не такимъ: и въ знакъ того, вотъ тебѣ!
(Ударяетъ его).

Бассетъ. Подлецъ, ты знаешь военные законы: кто обнажитъ мечъ, тому немедленная смерть; если бы ударъ этотъ былъ таковъ, то я пролилъ бы кровь изъ твоего сердца. Но я отправлюсь къ его величеству

и попрошу разрѣшенія отмстить за эту обиду; увидишь тогда, я встрѣчусь съ тобой на твою бѣду.

Вернонъ. Ладно, негодяй, я буду тамъ такъ же скоро, какъ и ты; а затѣмъ ужъ встрѣчусь съ тобою скорѣе, нежели бы тебѣ хотѣлось (Уходятъ).

Дѣйствіе четвертое.

СЦЕНА I.

Тамъ-же. Тронный залъ.

Входятъ: Король Генрихъ, Глостэръ, Экзэтеръ, Горкъ, Сефюлькъ, Уинчестэръ, Уорикъ, Тольботъ, комендантъ города Парижа и другіе.

Глостэръ. Ваше высокопреосвященство, возложите вѣнецъ на его голову.

Епископъ Уинчестэрскій. Боже, храни короля Генриха, по имени Шестого.

Глостэръ. Теперь, комендантъ города Парижа, присягните (*Комендантъ преклоняетъ колѣни*), что вы не изберете въ короли никого другого, не почтете никого за друга, кромѣ его друзей, и за врага лишь того, кто вознамѣрится употребить лукавство противъ его власти. Такъ вы и поступайте, и да поможетъ вамъ Богъ! (*Уходятъ: комендантъ и его свита*).

Входитъ сэръ Джонъ Фастольфъ.

Фастольфъ. Всемилостивый государь, когда я спѣшилъ изъ Кала къ вамъ на коронацію, мнѣ вручили письмо, написанное къ вашему величеству герцогомъ Бургундскимъ.

Тольботъ. Стыдитесь вы — и ты, и герцогъ Бургундскій. Подлый воинъ, я поклялся, какъ только встрѣчусь съ тобою, сорвать подвязку съ твоей трусливой ноги (*срываетъ ее*), и я ее сорвалъ, потому что ты не по достоинству былъ пожалованъ этимъ высокимъ отличіемъ. — Прости мнѣ, царственный Генрихъ, и вы все остальные. Въ битвѣ при Патэ, когда войско мое равнялось лишь шести тысячамъ, а францу-

зовъ приходилось чуть не по десяти на каждаго изъ нашихъ, этотъ подлець бѣжалъ, прежде чѣмъ мы встрѣтились съ врагомъ, прежде схватки, — бѣжалъ, какъ будто такъ и слѣдовало. Мы въ этотъ приступъ потеряли тысячу двѣсти человекъ; я самъ и многіе другіе джентльмены были захвачены въ распахъ и взяты въ плѣнъ. Теперь судите сами, именитые лорды, душно-ли я поступилъ и достоинъ-ли такой трусъ того, чтобы носить этотъ рыцарскій орденъ, или нѣтъ?

Глостэръ. Признаться, это поступокъ позорный и для простого человѣка, а тѣмъ болѣе для рыцаря, офицера и вождя.

Тольботъ. Когда этотъ орденъ былъ впервые установленъ, тогда, милорды, рыцари подвязки были благороднаго происхожденія, доблестны и нравственны, и исполнены великой храбрости, такой, о которой свидѣтельствовали войны; не страшась смерти, не поддаваясь бѣдствіямъ, они были всегда рѣшительны, даже въ самой ужасной крайности. Слѣдовательно тотъ, кто всемъ этимъ не надѣленъ, незаконно владѣетъ священнымъ именемъ рыцаря и оскверняетъ этотъ благороднѣйшій орденъ. Если-бы я только смѣлъ быть этому судьей, то его слѣдовало-бы совершенно разжаловать, какъ мужика, рожденнаго подъ тыномъ, который вздумалъ хвастать, что онъ благородной крови.

Король Генрихъ. Позоръ всехъ твоихъ соотечественниковъ! ты слышишь свой приговоръ. Поэтому, убирайся отсюда, хоть ты и былъ рыцаремъ; мы изгоняемъ тебя подъ страхомъ смерти (*Фастольфъ уходитъ*). А теперь, милордъ Протекторъ,

посмотримъ письмо, присланное мнѣ герцогомъ Бургундскимъ.

Глостарь. Что это задумалось его свѣтлости, что онъ перемѣнилъ свой слогъ? (*Разсматривая надпись*). Ничего больше, какъ просто и кратко: „Королю!“ Забылъ онъ, что-ли, что вы его государь? Или этотъ грубый заголовокъ указываетъ на какую-либо перемѣну въ его добрыхъ отношеніяхъ? Ну, что же тамъ такое? (*Читаетъ*): „По особымъ причинамъ, движимый состраданіемъ къ гибели отчизны, равно какъ и къ трогательнымъ жалобамъ тѣхъ, на комъ лежитъ вашъ гнѣвъ, я покинулъ вашъ зловредный союзъ и соединился съ Карломъ, законнымъ королемъ Франціи“. О, чудовищная измѣна! Можетъ-ли быть, чтобы въ союзѣ, дружбѣ и клятвахъ находилось столько фальши и низкаго вѣроломства?

Король Генрихъ. Какъ? Неужели мой дядя, герцогъ Бургундскій, возмутился?

Глостарь. Да, милордъ, и сдѣлался вашимъ врагомъ.

Король Генрихъ. И это худшее, что содержится въ письмѣ?

Глостарь. Это худшее и все вообще, милордъ, что онъ тутъ пишетъ.

Король Генрихъ. Ну, такъ лордъ Тольботъ поговорить съ нимъ и воздастъ ему должную кару за это оскорбленіе.— Что скажете, милордъ? Довольны-ли вы?

Тольботъ. Довольнѣ-ли? О, да. Меня предупредили, а то я самъ спросилъ бы этого назначенія.

Король Генрихъ. Соберите же свои силы и прямо наступайте на него. Пусть онъ увидитъ, что мы не терпимъ его измѣны, и что за оскорбленіе—издѣвательство надъ друзьями.

Тольботъ. Иду, государь, желая отъ всего сердца, чтобы вы видѣли поражение вашихъ враговъ (*Уходитъ*).

Входятъ: Вернонь и Бассетъ.

Вернонь. Дозволь мнѣ выйти на поединокъ, милостивый государь!

Бассетъ. И мнѣ, государь; дозволь мнѣ то-же!

Йоркъ. Это мой слуга; выслушай его, благородный принцъ.

Сомерсетъ. А это мой, возлюбленный Генрихъ; будь къ нему благосклоненъ!

Король Генрихъ. Лорды, имѣйте терпѣнье; дайте имъ говорить. Скажите, джентльмены, что заставляетъ васъ такъ восклицать, и зачѣмъ вы требуете поединка? И съ кѣмъ именно?

Вернонь. Съ нимъ, государь; онъ оскорбилъ меня.

Бассетъ. А я—съ нимъ; онъ оскорбилъ меня.

Король Генрихъ. Что это за оскорбленіе, на которое вы оба жалуетесь? Сначала объясните мнѣ, а тамъ я вамъ и отвѣчу.

Бассетъ. Когда мы переправлялись по морю изъ Англии во Францію, вотъ этотъ человѣкъ попрекалъ меня тѣмъ, что я ношу эту розу. Онъ говорилъ, что кровавый цвѣтъ ея лепестковъ изображаетъ покраснѣвшія отъ стыда щеки моего господина, когда онъ отрицалъ правду по какому то вопросу въ законахъ, возникшему между нимъ и герцогомъ Йоркскимъ, употребляя разные гадкія и позорныя возраженія. Въ опроверженіе этихъ грубыхъ оскорбленій и въ защиту достоинства моего господина, я прошу заступничества военныхъ законовъ.

Вернонь. А вотъ и моя просьба, благородный государь. Хотя онъ, повидимому, и придалъ нѣкоторый благовидный предлогъ своему дерзкому намѣренію, но все-таки знайте, государь, что онъ самъ первый раздражилъ меня, укоряя меня этимъ знакомъ и утверждая, что блѣдность этого цвѣтка выдаетъ слабодушіе моего господина.

Йоркъ. Неужели такъ и не кончится эта твоя вражда, Сомерсетъ?

Сомерсетъ. Ваша скрытая злоба, милордъ Йоркъ, прорывается наружу, какъ-бы хитро вы ни подавляли ее.

Король Генрихъ. Милосердый Боже! Что за безуміе управляетъ этими помѣшанными людьми, если изъ-за такой пустой и ничтожной причины можетъ возникнуть такое соперничество, полное раздора!—Любезные кузены, Йоркъ и Сомерсетъ, успокойтесь и, прошу васъ, примиритесь.

Йоркъ. Пусть этотъ раздоръ сначала рѣшится битвой, а затѣмъ ужъ ваше величество прикажетъ намъ примириться.

Сомерсетъ. Эта ссора не касается никого, кромѣ насъ обоихъ; пусть мы и порѣшимъ ее между собою.

Йоркъ. Вотъ мой вызовъ; прими его, Сомерсетъ.

Вернонь. Нѣтъ, пусть она ограничится тѣмъ, съ чего началась.

Бассетъ. На томъ и рѣшите, благородный лордъ.

Глостарь. На томъ рѣшить? Проклятые вашей ссорѣ, и пусть погибнете вы сами, надменные вассалы, съ вашей дерзкой болтовней! И вамъ не стыдно безпокой и разстраивать короля и насъ такой нескромной и шумной наглостью? А вы, милорды, мнѣ кажется, поступаете не хо-

рошо, что терпите ихъ вздорные попреки; а тѣмъ болѣе, что вы пользуетесь случаемъ ихъ устами подымать между собою возмущеніе. Дайте мнѣ убѣдить васъ; поступайте болѣе благообразно.

Экзэтаръ. Это огорчаетъ его свѣтлость: будьте-же друзьями, добрые милорды.

Король Генрихъ. Вы, желавшіе сразиться, подите сюда. Если вамъ дорого наше расположеніе, то я повелѣваю вамъ совершенно забыть и эту ссору, и ея причину. А вы, милорды, вспомните, гдѣ мы теперь? Во Франціи, среди непостояннаго, нерѣшительнаго народа. Если во взглядахъ нашихъ французы замѣтятъ наше несогласіе и раздоръ между собою, то какъ это возбудитъ ихъ грубыя сердца къ неповиновенію и возмущенію! Кромѣ того, что это будетъ за срамъ, когда иностранные принцы убѣдятся, что изъ-за игрушки, изъ-за самой нестойкой вещи, пэры короля Генриха и его высшее дворянство погубили себя и лишились французскаго царства! О, подумайте о завоеваніяхъ моего отца, о моихъ юныхъ лѣтахъ и не допустите, что-

бы изъ-за пустяка погибло, пропало у насъ то, что куплено кровью! Пусть я буду посредникомъ въ этой сомнительной ссорѣ. Я не вижу причины, почему-бы,—если я надѣну эту розу (*надѣваетъ алую розу*), кто-либо заподозрилъ, что я скорѣе склоняюсь на сторону Сомерсета, нежели Йорка. Они оба мнѣ родственники, и я люблю ихъ обоихъ. Въ такомъ случаѣ, вѣдь, и меня могутъ попрекать моей короной, потому—что король Шотландскій тоже коронованъ. Но ваше благообразіе убѣдитъ васъ болѣе, нежели я могу вамъ это внушить или вамъ это преподать. А, слѣдовательно, какъ мы явились сюда съ миромъ, такъ пусть и останемся въ мирѣ и любви. Кузенъ Йоркъ, мы назначаемъ васъ регентомъ этой части Франціи. А вы, любезный лордъ Сомерсетъ, соедините своихъ кавалеристовъ съ его пѣхотой и, какъ вѣрные подданные, сыны своихъ родителей, бодро идите вмѣстѣ и излейте свой гнѣвъ на вашихъ враговъ. Мы-же, лордъ Протекторъ, и всѣ остальные, послѣ нѣкотораго отдыха, возвратимся въ Калэ, а оттуда и въ Англію, гдѣ я надѣюсь скоро получить отъ васъ въ пода-

рокъ ваши побѣды, Карла, Алансона и всю эту ватагу предателей (*Трубы. Уходятъ: Король Генрихъ, Глостаръ, Сомерсетъ, Уинчестаръ, Сеффолкъ и Бассетъ*).

Йоркъ. Увѣрю васъ, милордъ Йоркъ, что король, мнѣ кажется, премило разыгралъ роль оратора.

Йоркъ. Да. Но мнѣ, всетаки, не нравится, что онъ надѣлъ знакъ цвѣта Сомерсета,

Йоркъ. Ба! просто нашла такая фантазія; не обвиняйте его,—онъ это сдѣлалъ безъ умысла.

Йоркъ. Если-бъ я только могъ предугадать, что онъ это сдѣлалъ... но оставимъ это; теперь надо заняться другими дѣлами. (*Уходятъ: Йоркъ, Уорикъ и Вернонъ*).

Экзэтаръ. Ты хорошо сдѣлалъ, Ричардъ, что прервалъ свою рѣчь. Если бы страсти твоего сердца прорвались наружу, то боюсь я, что мы нашли бы въ нихъ начертанными болѣе мстительную злобу и болѣе свирѣпыя, буйные раздоры, нежели можно себѣ представить или предположить. Какъ бы то ни было, а всякій

даже простой человѣкъ скажетъ, что это предвѣщаетъ что-либо дурное, когда увидитъ этотъ разнузданный разладъ въ дворянствѣ и эту фамильярность обращенія между собою при дворѣ. Плохо, если скипетръ находится въ рукахъ ребенка, но еще того хуже, если зависть порождаетъ жестокую вражду: тутъ ужъ пойдутъ и смуты, и разореніе (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Франція. Передъ городомъ Бордо.

Входитъ Тольботъ со своими войсками.

Тольботъ. Подойди, трубачъ, къ воротамъ Бордо и вызови ихъ командира на стѣны (*Трубятъ переговоры. Выходятъ на стѣны: командующій французскими войсками и другіе*). Офицеры! Англичанинъ, Джонъ Тольботъ, слуга по оружію Генриха, короля англійскаго, вызываетъ васъ и вотъ чего желаетъ: отворите городскія ворота, будьте намъ покорны, назовите моего го-

сударя своимъ и чествуйте его, какъ послушные подданные, — и я удалюсь, а вмѣстѣ со мною и мое кроважидное войско. Если же вы пренебрежете предлагаемымъ вамъ миромъ, то вызовете этимъ ярость моихъ троихъ сподвижниковъ: изнуряющаго голода, рубящей стали и всеобъемлющаго пламени, которые, въ одно мгновеніе, сравняютъ съ землею ваши величественныя и горделивыя башни, если вы отринете предлагаемое вамъ расположеніе.

Командиръ. Страшный, зловѣщій същъ, вѣстникъ смерти, ужасъ и кровавый бичъ нашего народа! Время твоего тиранства близится къ концу. Лишь мертвый можешь ты къ намъ проникнуть: увѣрю тебя, мы хорошо укрѣплены и достаточно сильны для того, чтобы выйти и сразиться съ тобою. Если ты двинешься назадъ, то дофинъ, съ хорошимъ подкрѣпленіемъ, опутаетъ тебя военными сѣтями; справа и слева отъ тебя разставлены отряды, чтобы какъ стѣной преградить тебѣ возможность бѣжать. И куда бы ты ни обратился за подмогой, повсюду смерть будетъ грозить тебѣ въ лицо очевидной гибелью, и лицомъ къ лицу столкнешься ты съ полнымъ истребленіемъ. Десять тысячъ французовъ поклялись св. причащеніемъ, что ни въ одну христіанскую душу не разрядятъ своихъ орудій, какъ только въ англичанина Тольбота. Слушай! Ты стоишь передо мною, доблестный и еще живой человѣкъ, и въ послѣдній разъ я восхваляю тебя, — я, твой врагъ, потому что, не смотря на это, считаю должнымъ воздать тебѣ хвалу: тотъ песокъ, который началъ сыпаться, еще не закончить своего часового течения, какъ уже глаза, которые еще видятъ тебя здоровымъ, увидятъ тебя поблекшимъ, окровавленнымъ, блѣднымъ, мертвымъ! (*Барабанный бой вдали*). Чу! Это барабанъ дофина, это колоколь, вѣщающій роковымъ голосомъ твоей смущенной душѣ, а мой — загремѣть передъ твоей ужасною кончиною (*Уходятъ со стѣнъ: командиръ и другіе*).

Тольботъ. Онъ не выдумываетъ: я слышу врага. Отправьтесь нѣсколько человѣкъ легкой кавалеріи и выслѣдите ихъ флаги. О, небрежная и неосторожная дисциплина! Мы окружены и стѣснены какъ въ загонѣ, будто небольшое стадо трусливыхъ англійскихъ оленей, запуганныхъ визгливой сворой французскихъ дворняжекъ! Если же мы англійскіе олени, то пусть мы будемъ хорошей породы, а не изъ тѣхъ, которые тощи и валяются съ одного щипка; будемъ лучше отчаянными, обезумѣвшими отъ гнѣва оленями, которые обращаютъ къ кроважиднымъ псамъ свои вооруженныя головы и заставляютъ тру-

совъ отчаянно защищаться. Если каждый изъ васъ, друзья, такъ же дорого продастъ свою жизнь, какъ я, то они найдутъ, что дорого достались имъ наши олени. Богъ и святой Георгій, Тольботъ и права Англии да пошлютъ успѣхъ нашимъ знаменамъ въ этой опасной битвѣ! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Равнина въ Гасконіи.

Входитъ Йоркъ со своими войсками; къ нему подходитъ гонецъ.

Йоркъ. Развѣ еще не вернулись проворные развѣдчики, которые выслѣживаютъ могучее войско Дофина?

Гонецъ. Милордъ, они вернулись и говорятъ, что онъ ведетъ свои войска на Бордо, чтобы сразиться съ Тольботомъ. На его пути наши шпіоны открыли еще двѣ арміи, сильнѣе той, которую ведетъ дофинъ; онѣ соединились съ нимъ и направились къ Бордо.

Йоркъ. Чортъ побери этого подлеца Сомерсета! Чего онъ такъ задерживаетъ обѣщанное подкрѣпленіе кавалеріи, которое было снаряжено для этой осады? Славный Тольботъ ждетъ меня на помощь, а я предательски одураченъ негодяемъ и не могу помочь благородному рыцарю. Боже, подкрѣпи его въ бѣдѣ! Если онъ не выдержитъ, прощайте войны во Франціи!

Входитъ сэръ Уильямъ Люси.

Люси. О, царственный вождь англійскихъ войскъ, въ которыхъ еще никогда не было такой нужды на почвѣ Франціи, скажи на выручку благородному Тольботу, который опоясанъ теперь желѣзными тисками и окутанъ ужасной гибелью! Въ Бордо, воинственный герцогъ! Въ Бордо, Йоркъ! А не то, прощай Тольботъ, Франція и честь Англии!

Йоркъ. О, Боже! Если-бы надменный Сомерсетъ, который задерживаетъ мои штандарты, былъ на мѣстѣ Тольбота! Мы бы тогда сберегли себѣ храбраго джентльмена, а потеряли-бы предателя и труса. Безумная ярость и злобное неистовство заставляютъ меня плакать о томъ, что мы умираемъ, въ то время, какъ измѣнники спятъ безвѣчно.

Люси. О, пошлите-же хоть какое-нибудь подкрѣпленіе бѣдствующему лорду!

Йоркъ. Уми онъ, — мы все теряемъ, и я измѣняю своему воинскому слову. Мы скорбимъ, — французы усмѣхаются; мы проигрываемъ, — они ежедневно выигрываютъ; —

а все по милости этого подлаго предателя Сомерсета.

Люси. Ну, так пусть смируется Богъ надъ душою храбраго Тольбота и надъ юнымъ Джономъ, его сыномъ, котораго я встрѣтилъ, часа два тому назадъ, на пути къ его воинственному отцу. Цѣлыхъ семь лѣтъ не видалъ Тольботъ сына и теперь они встрѣтятся тамъ, гдѣ оба покончатъ жизнь.

Йоркъ. Увы! Что за радость благородному Тольботу привѣтствовать своего молодого сына надъ его могилой? Скорѣ прочь! Я задыхаюсь отъ горести, что разлученные друзья привѣтствуютъ другъ друга въ часъ кончины. Люси, прощай! Судьба

былъ слишкомъ необдуманно затѣять Йоркомъ и Тольботомъ. Одна вылазка изъ этого города ослабила-бы все наши главныя войска. Слишкомъ самонадѣянный Тольботъ запятналъ весь блескъ своей прежней славы этимъ неосторожнымъ, отчаяннымъ, дикимъ предпріятіемъ. Йоркъ подстрекнулъ его сразиться и умереть съ позоромъ, чтобы, по смерти Тольбота, великій Йоркъ могъ-бы носить это прозвище.

Офицеръ. Вотъ сэръ Уильямъ Люси, который вмѣстѣ со мною явился отъ нашихъ одоливаемыхъ войскъ за помощью.

Входитъ сэръ Уильямъ Люси.

Сомерсетъ. Ну, что, сэръ Уильямъ? Откуда вы присланы?

дозволяетъ мнѣ лишь проклинать то обстоятельство, по которому я не могу помочь этому человѣку. Майнъ, Блуа, Пуатье и Туръ потеряны по милости Сомерсета и его проволочки (*Уходятъ со своими войсками*).

Люси. Итакъ, въ то время, какъ такіе великіе полководцы питаютъ въ груди своей хищную вражду, сонливое перацѣпье лишаетъ насъ завоеваній нашего едва остывшаго завоевателя, Генриха Пятаго, — человѣка, память котораго жива во вѣки. А между тѣмъ, они перечатъ другъ другу; и жизнь, и честь, и владѣнія, — все стремится къ погибели.

СЦЕНА IV.

Другая равнина въ Гасконіи.

Входитъ Сомерсетъ со своей арміей; съ нимъ одинъ изъ офицеровъ Тольбота.

Сомерсетъ. Слишкомъ поздно, я уже не могу ихъ теперь послать. Этотъ походъ

В. ШЕКСПИРЪ. Т. III.

Люси. Откуда, милордъ? Отъ купленнаго и проданнаго лорда Тольбота, который окруженъ неминуемымъ бѣдствіемъ и призываетъ благородныхъ — Йорка и Сомерсета отбить наступающую смерть отъ его слабыхъ отрядовъ. А въ то время, какъ онъ съ честью выжидаетъ помощи и какъ съ его изнуренныхъ войною членовъ течетъ кровавый потъ, — вы, на кого онъ напрасно надѣется, надежда славной Англии, держитесь въ сторонѣ, занятые недостойнымъ соперничествомъ. Пусть ваши личные раздоры не задерживаютъ заготовленнаго подкрѣпленія, которое можетъ ему помочь, тогда какъ теперь онъ, знаменитый, благородный джентльманъ, подставляетъ жизнь свою цѣлому міру опасностей. Пригулокъ Орлеанскій, Карль, герцогъ Бургундскій, Алансонъ и Ренъ оцѣнили его, и Тольботъ погибаетъ по вашей винѣ.

Сомерсетъ. Йоркъ подстрекнулъ его, Йоркъ и долженъ прислать ему подкрѣпленіе.

Люси. А Йоркъ кричитъ про вашу

свѣдѣность, клянется, что вы задерживаете его кавалерію, снаряженную нарочно для этого похода.

Сомерсетъ. Йоркъ жлетъ: онъ могъ бы прислать за своей кавалеріей и получить ее. Я не обязанъ ему почтеньемъ, а тѣмъ болѣе любовью, и слишкомъ презираю его, чтобы подластиться къ нему этой присылкой.

Люси. Вѣроломство Англіи, а не силы Франціи опутали сѣтями благороднаго души Тольбота. Онъ въ Англію ужъ болѣе не вернется живымъ, а умереть, преданный судьбою, благодаря вашему раздору.

Сомерсетъ. Ну, хорошо, ступайте; я тотчасъ-же отправлю кавалеристовъ и черезъ шесть часовъ они уже придутъ къ нему на помощь.

Люси. Слишкомъ запоздало подкрѣпленье: онъ или взять, или убить, потому что бѣжать онъ не могъ, даже если-бы и захотѣлъ.

Сомерсетъ. Если онъ умеръ, то ужъ прощай, храбрый Тольботъ.

Люси. Слава его на всемъ мірѣ, а позоръ—на васъ (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Англійскій лагерь близъ Бордо.

Входятъ: Тольботъ и Джонъ, его сынъ.

Тольботъ. О, юный Джонъ Тольботъ! Я посылаю за тобой, чтобы наставить тебя въ военномъ искусствѣ, дабы имя Тольбота ожило въ тебѣ, когда всякая старость и слабые, неспособные члены уложили-бы твоего отца на носилки. Но,—о, коварныя, злощія звѣзды!—ты пришелъ на пиръ смерти, на ужасную, неизбѣжную гибель. Поэтому, мой дорогой мальчикъ, вскочи на быстрѣйшаго изъ моихъ коней, и я научу тебя, какъ всего скорѣе спастись бѣгствомъ. Ну-же, иди, не медли!

Джонъ. Не Тольботъ-ли мое имя? Не вашъ-ли я сынъ? И мнѣ-ли бѣжать? О, если вы любите мою мать, не позорьте ея честнаго имени, не дѣлайте изъ меня раба или приглука; свѣтъ скажетъ, что не Тольбота кровь въ томъ, кто подло бѣжалъ, когда благородный Тольботъ стоялъ на мѣстѣ.

Тольботъ. Бѣги, чтобъ отомстить за мою смерть, если меня убьютъ.

Джонъ. Кто такъ бѣжить, тотъ уже не вернется.

Тольботъ. Но если мы оба останемся, то мы, навѣрно, оба умремъ.

Джонъ. Такъ дозвольте мнѣ остаться, отецъ, а вы бѣгите. Велика ваша потеря и такова же должна быть ваша осторожность. Мое достоинство еще неизвѣстно, а не представляю собою потери. Французы не могутъ хвастаться моею смертью; но вашей они будутъ хвастать: вѣдь съ вами потеряны всѣ наши надежды. Бѣгство не можетъ запятнать завоеванную вами славу; но мою запятнаетъ, потому-что я еще не дѣлалъ подвиговъ. Каждый поклянется, что вы бѣжали изъ расчета; если я бѣгу, то скажутъ, что изъ страха. Нельзя будетъ надѣяться, чтобы я когда-либо устоялъ, если въ первую-же опасную минуту испугаюсь и убѣгу! Вотъ я и прошу у васъ смерти скорѣе, нежели жизни, спасенной безчестьемъ.

Тольботъ. Неужели всѣ надежды твоей матери сойдутъ въ одну могилу?

Джонъ. Да, это лучше, если-бы я посрамилъ ея утробу.

Тольботъ. Благословеніемъ моимъ приказываю тебѣ идти.

Джонъ. Въ бой,—да, но не въ бѣгство отъ врага.

Тольботъ. Часть твоего отца можетъ быть спасена въ лицѣ твоёмъ.

Джонъ. Всѣ части его будутъ опозорены во мнѣ.

Тольботъ. Ты не имѣлъ извѣстности и не можешь ея потерять.

Джонъ. Да, но ваше славное имя: неужели позорить его бѣгствомъ?

Тольботъ. Приказаніе твоего отца сотреть съ тебя это пятно.

Джонъ. Но вы не можете показать въ мою пользу, если будете убиты; если-же смерть такъ очевидна, бѣжимъ оба.

Тольботъ. А товарищей моихъ оставить здѣсь однихъ сражаться и умирать? Еще никогда моя старость не была запятнана подобнымъ позоромъ.

Джонъ. А моя юность развѣ должна повиниться въ такомъ посрамленіи? Если вы не можете сами себя раздѣлить на-двое, то тѣмъ болѣе не могу я отдѣлиться отъ васъ. Оставайтесь, идите, дѣлайте, что угодно: я буду дѣлать то-же, что и вы: не хочу я жить, если мой отецъ умираетъ.

Тольботъ. Ну, такъ я прошусь здѣсь съ тобою, милый сынъ, рожденный для того, чтобы угаснуть въ этотъ день. Пойдемъ божь-о-бокъ жить и затмиться, и душа съ душой полетимъ изъ Франціи на небо.

СЦЕНА VI.

Поле сраженія.

Тревога. Стычки. Сынъ Тольбота окруженъ, и Тольботъ отбиваетъ его.

Тольботъ. Святой Георгій и побѣда! Бейтесь, солдаты, бейтесь! Регентъ нарушилъ свое слово Тольботу и предоставилъ насъ ярости французскаго меча. Гдѣ Джонъ Тольботъ? Остановись, переведи духъ: я далъ тебѣ жизнь и спасъ тебя отъ смерти.

Джонъ. О, ты дважды мнѣ отецъ! Я дважды сынъ тебѣ! Жизнь, которую ты мнѣ далъ сперва, была потеряна и окончена, но ты, на зло судьбѣ, своимъ воинственнымъ мечомъ, даровалъ новый срокъ моему кончившемуся существованію.

Тольботъ. Когда твой мечъ высѣкъ огонь изъ шлема дофина, сердце отца твоего загорѣлось гордымъ желаніемъ достигнуть смѣлой побѣды. Затѣмъ, моя тяжелая старость, оживленная юношескимъ пыломъ и воинственной яростью, отбила Алансона, Пригулка Орлеанскаго, герцога Бургундскаго и спасла тебя отъ надменныхъ галловъ. Свирѣпаго Пригулка Орлеанскаго, который пролилъ твою кровь, мой сынъ, и которому досталась дѣвственность твоей первой битвы, я встрѣтилъ въ скорости и послѣшилъ пролить его незаконную кровь, обратившись къ нему съ презрѣніемъ:—Я проливаю твою зараженную, подлую, незаконную кровь, бѣдную и презрѣнную, за мою чистую кровь, которую ты исторгъ изъ Тольбота, моего храбраго сына!—Но, тутъ, когда я намѣревался уже съ нимъ покончить, подоспѣло сильное подкрѣпленіе. Скажи, забота отца твоего, скажи, Джонъ, не усталъ-ли ты? Какъ ты себя чувствуешь? Согласенъ-ли ты, дитя, оставить битву теперь, когда ты уже отмѣченъ, какъ сынъ рыцарства? Вѣги, чтобы отомстить за мою смерть, когда я умру: помощь одного человѣка мало для меня значитъ! О, теперь я хорошо понимаю, что слишкомъ безумно подвергать опасности жизнь всѣхъ насъ съ одной только небольшой ладьею. Если я не умру сегодня отъ ярости французовъ, то завтра же умру отъ чрезмѣрной старости. Ничѣмъ они отъ меня не поживятся, и если я остаюсь, то лишь на одинъ день сокращаю себѣ жизнь. Въ тебѣ же умираетъ мать и наше родовое имя, мѣсть за мою смерть, твоя юность и слава Англій. Тѣмъ, что ты остаешься здѣсь, мы всѣхъ ихъ, и даже болѣе того, подвергаемъ опасности: но всѣ они будутъ спасены, если ты бѣжишь.

Джонъ. Мечъ Пригулка Орлеанскаго

не уязвилъ меня, но слова твои отгоняютъ живую кровь отъ моего сердца. Прежде, чѣмъ молодой Тольботъ бѣжить отъ стараго Тольбота, чтобы этимъ преимуществомъ купить себѣ позоръ—спасти жалкую жизнь и убить блестящую славу,—пусть свалится и подохнетъ трусливая лошадь, которая меня несетъ! Пусть уподоблюсь я тогда французскимъ мужикамъ и сдѣлаюсь предметомъ позорнаго презрѣнія и всякихъ злополучій. Если я бѣгу, то ужъ не буду сыномъ Тольбота,—клянусь всею славою, которую онъ стяжалъ! Такъ не говори же больше о побѣгѣ; это излишне. Если я сынъ Тольбота, такъ и умру у его ногъ.

Тольботъ. Слѣдуй же ты, мой Икаръ, за мной, какъ за отчаяннымъ повелителемъ Крита. Жизнь твоя мнѣ дорога; если хочешь биться, бейся рядомъ съ отцомъ и, когда мы заслужимъ славу, то доблестно умремъ. (*Уходятъ*).

СЦЕНА VII.

Другая часть поля сраженія.

Тревога. Стычки. Входятъ: раненый Тольботъ и слуга.

Тольботъ. Гдѣ моя вторая жизнь? Моя собственная окончена. О, гдѣ-же молодой Тольботъ? Гдѣ доблестный Джонъ? Мужество молодого Тольбота заставляетъ меня улыбаться тебѣ, торжествующая смерть, занятная плѣномъ. Когда увидѣлъ онъ, что я отступаю и падаю на колѣни, онъ взмахнулъ надо мною своимъ окровавленнымъ мечомъ, и, какъ голодный левъ, началъ свои дѣянія ярости и жестокаго гнѣва. Но, когда мой разъяренный защитникъ замѣтилъ, что онъ одинъ охраняетъ мою гибель, и что никто на него не нападаетъ, глаза его затмилась отъ бѣшенства, въ сердечномъ неистовствѣ, онъ внезапно устремился прочь отъ меня въ самый разгаръ битвы, въ толпу французовъ. Въ этомъ морѣ крови мой мальчикъ утолил свой возбужденный духъ; тамъ умеръ мой Икаръ, мой цвѣтокъ, со славою.

Входятъ солдаты съ тѣломъ Джона Тольбота.

Слуга. О, дорогой мой лордъ! Вотъ несутъ вашего сына.

Тольботъ. О, шутиха—смерть! Ты смѣешься, издѣваясь надъ нами, но, на зло тебѣ, оба Тольбота, соединенные узами безконечности, на крыльяхъ скроются отъ смертности въ эфиръ небесъ. О, ты, къ ранамъ котораго такъ пристала жестокая смерть, скажи хоть слово отцу, прежде,

чѣмъ испустить духъ. Не взирая на смерть, противъ ея воли, или нѣтъ, говори; вообрази, что она французъ, твой врагъ. Бѣдное дитя! Мнѣ кажется, что онъ мнѣ улыбается, будто хочетъ сказать: „Если-бы смерть была французомъ, то умерла-бъ сегодня“. Ну, положите-же его въ объятія отца. Духъ мой ужъ далѣе не терпитъ этихъ бѣдъ. Войны, прощайте! Я получила то, чего желала: мои старыя руки служатъ могилой юному Джону Тольботу (*Умираетъ*). *Тревога. Уходятъ: солдаты и слуга, оставляя оба тѣла на мѣстѣ. Входятъ: Карлъ, Алансонъ, герцогъ Бургундскій, Пригулокъ, Дѣвственница и войска.*

Карлъ. Если-бы Йоркъ и Сомерсетъ пришли своимъ на помощь, то для насъ это былъ-бы кровавый день.

Пригулокъ. А какъ этотъ щенокъ Тольботъ въ бѣшенствѣ обогрѣлъ свой ничтожный мечъ французской кровью!

Дѣвственница. Я встрѣтила его однажды и такъ сказала ему:—Дѣвственный юноша, будь же побѣжденъ дѣвой!—Но онъ, съ гордымъ, величавымъ презрѣньемъ, отвѣчалъ мнѣ:—Молодой Тольботъ не для того рожденъ, чтобъ быть добычею распутной дѣвки!—Онъ оставилъ меня, какъ недостойную поединка съ нимъ, и ринулся съ самый центръ французовъ.

Герцогъ Бургундскій. Нѣтъ сомнѣнья, изъ него вышелъ-бы благородный рыцарь. Смотрите, вотъ онъ лежитъ, погребенный въ объятіяхъ виновника своихъ золь—бѣдствій.

Пригулокъ. Разрубите ихъ на куски, раздробите кости тѣхъ, чья жизнь была славою для Англій и дивомъ для Галлій.

Карлъ. О, нѣтъ, перестаньте! не будемъ дѣлать зла по смерти тому, кого мы избѣгали при жизни.

Входитъ сэръ Уильямъ Люси со свитой; впереди идетъ французскій герольдъ.

Люси. Герольдъ, веди меня къ палаткѣ дофина, чтобы узнать, кто стяжалъ славу этого дня.

Карлъ. Съ какой повинною ты присланъ?

Люси. Съ повинной, дофинъ? Это пустое французское слово, и мы, англійскіе войны, не знаемъ, что оно значитъ. Я явился узнать, кого ты взялъ въ плѣнъ, и осмотрѣть тѣла убитыхъ.

Карлъ. Ты спрашиваешь о плѣнныхъ?

Ихъ плѣнъ въ аду. Но скажи: кого ты ищешь?

Люси. Гдѣ великій Алкидъ поля битвы, доблестный лордъ Тольботъ, герцогъ Шрюзбери, пожалованный, за свои рѣдкіе подвиги въ военныхъ дѣлахъ, въ великіе герцоги Уошфорда, Уотерфорда и Валенція; лордъ Тольботъ-Гудригъ и Эрчинфильдъ, лордъ Сотрэнджъ Блэкмиръ, лордъ Верденъ Альтонскій, лордъ Кромюзль-Уингфильдъ, лордъ Ферниваль-Шеффилдъ, трижды побѣдоносный лордъ Фокобриджъ; рыцарь благороднаго ордена святого Георгія, преподобнаго и святого Михаила, Златого Руна; великій маршалъ Генриха Шестого, во всѣхъ его войнахъ въ предѣлахъ французскаго царства.

Дѣвственница. Вотъ такъ дурачки-выспренный слогъ! Даже турокъ, у котораго пятьдесятъ два государства, и тотъ не пишетъ такимъ пространнымъ слогомъ. Тотъ, кого ты величаешь всѣми этими титулами, лежитъ, разлагаясь, покрытый мухами, вотъ тутъ, у нашихъ ногъ.

Люси. Развѣ убить Тольботъ, единственный бичъ французовъ, мрачная Немезида и гроза вашего государства? О, если-бы мои зрочки могли обратиться въ пули, чтобы я въ ярости могъ выстрѣлить ими вамъ въ лицо! О, если-бы я только могъ вновь призвать къ жизни этихъ мертвецовъ! Этого было-бы уже достаточно, чтобы навести ужасъ на все французское государство. Если-бы хоть изображеніе его осталось между вами, то и его было-бы достаточно, чтобы смутить самаго надменнаго изъ васъ. Отдайте мнѣ тѣла ихъ, чтобы увезти отсюда и воздать имъ погребеніе, соответствующее ихъ достоинству.

Дѣвственница. Мнѣ кажется, что этотъ выскочка—духъ стараго Тольбота: онъ говоритъ такъ гордо и повелительно. Ради Бога, пусть онъ ихъ беретъ; если оставить здѣсь, они лишь будутъ пахнуть и заражать воздухъ.

Карлъ. Ступай; бери ихъ прочь.

Люси. Я увезу ихъ прочь отсюда; но изъ ихъ пепла мы взростимъ финикса, котораго вся Франція содрогнется.

Карлъ. Лишь-бы намъ отдѣлаться отъ нихъ; а тамъ—дѣлай съ ними, что хочешь. Теперь идемъ въ Парижъ, благодаря тому, что намъ везетъ на побѣды. Разъ, убить Тольботъ, все будетъ наше! (*Уходятъ*).

Дѣйствіе пятое.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: Король Генрихъ, Глостэръ и Экзэтеръ.

Король Генрихъ. Прочли-ли вы письма паны, императора и герцога д'Арманьяка?

Глостэръ. Да, милордъ, и вотъ въ чемъ ихъ цѣль: они покорно просятъ ваше величество, чтобы благочестивый миръ былъ заключенъ между государствами Франціи и Англій.

Король Генрихъ. Какъ-же вы относитесь къ ихъ предположенію?

Глостэръ. Оно хорошо, государь, и единственное средство остановить потерю нашей христіанской крови, а также и водворить спокойствіе съ обѣихъ сторонъ.

Король Генрихъ. Конечно, дядя. Я и всегда думалъ, что неестественно и нечестиво, если между послѣдователями нашей вѣры царствуютъ безчеловѣчность и кровавый раздоръ.

Глостэръ. Кромѣ того, милордъ, дабы скорѣе свершить и прочіе связать эти узы дружбы, герцогъ д'Арманьякъ, близкій родственникъ дофина Карла, человекъ, имѣющій большое вліяніе во Франціи, предлагаетъ вашему величеству въ супружество свою единственную дочь съ богатымъ, роскошнымъ приданымъ.

Король Генрихъ. Въ супружество, дядя! Увы, я еще такъ юнъ, что мнѣ болѣе пристаеи ученіе и книги, нежели игривыя пѣжности съ любезной. Однако, позовите пословъ и дайте имъ каждому отвѣтъ,

какой вамъ будетъ угодно: я буду доволенъ всемъ, что только клонится къ славѣ Господа и ко благу моей страны.

Входятъ: легатъ и два посла, епископъ Уинчестэрскій въ облаченіи кардинала.

Экзэтеръ. Какъ? Неужели милордъ Уинчестэръ возведенъ въ санъ кардинала и утвержденъ въ немъ? Теперь, я вижу, оправдывается то, о чемъ нѣкогда пророчествовалъ Генрихъ Пятый:—Если онъ когда-либо будетъ кардиналомъ, то сравняетъ свою шапку съ короной.

Король Генрихъ. Господа послы, мы рассмотрѣли и обсудили ваши различныя предложенія. Цѣль ваша и хороша, и разумна; поэтому мы рѣшили установить условія дружественнаго мира, которыя и будутъ теперь-же препровождены съ лордомъ Уинчестэромъ во Францію.

Глостэръ. Что-же касается предложенія моего господина, а вашего повелителя, я сообщилъ о немъ подробно его величеству. Питая склонность къ добродѣтелямъ, которыми одарена ваша госпожа, къ ея красотѣ и значительности ея приданаго, онъ намѣренъ, чтобы она была королевой Англій.

Король Генрихъ. Въ подтвержденіе и въ доказательство этого условія, свезите ей этотъ брилліантъ, — залогъ моихъ чувствъ.—Итакъ, милордъ Протекторъ, озабочьтесь дать имъ охранный отрядъ, чтобы они безопасно были отправлены въ Дувръ. А тамъ, посадивъ ихъ на корабль, пусть ихъ вѣтрятъ прихотямъ моря (*Уходятъ: Король Генрихъ со свитой, Глостэръ, Экзэтеръ и послы.*)

Епископъ Уинчестэрскій. Постояте, лордъ легатъ; сначала получите ту сумму денегъ, которую я обѣщаль вручить его святѣйшеству за облеченіе меня въ эти важные знаки отличія.

Легатъ. Какъ вашему высокопреосвященству угодно.

Епископъ Уинчестэрскій. Теперь, я надѣюсь, Уинчестэръ не покорится и не уступитъ самому гордому изъ пэрровъ. Увидишь, Гемфи Глостэръ, что ни по рожденію своему, ни по авторитету, не осилитъ тебѣ епископа. Я или унижу и заставлю его преклонить колѣни, или возмущеніемъ разорю эту страну (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Франція. Равнина въ Анжу.

Входятъ: Карлъ, герцогъ Бургундскій, Алансонъ, Дѣвственница и шестувойція войска.

Карлъ. Эти вѣсти, господа, могутъ ободрить нашъ удрученный духъ. Говорятъ, что парижане возмущились и снова обращаются въ воинственныхъ французовъ.

Алансонъ. Такъ шествуй-же въ Парижъ, король Карлъ французскій, и не держивай здѣсь, въ нѣгѣ, своихъ войскъ.

Дѣвственница. Миръ имъ, если они вернутся къ намъ; а не то—пусть разореніе низвергнетъ ихъ дворцы.

Входитъ развѣдчикъ.

Развѣдчикъ. Всякаго успѣха нашему доблестному вождю и счастья его сподвижникамъ!

Карлъ. Какія вѣсти о нашихъ развѣдчикахъ? Говори, пожалуйста.

Развѣдчикъ. Англійскія войска, раздѣленные на двѣ части, соединились и на мѣрны тотчасъ-же дать вамъ сраженіе.

Карлъ. Это предостереженіе нѣсколько неожиданно для насъ, господа; но мы тотчасъ-же приготовимся ихъ встрѣтить.

Герцогъ Бургундскій. Надѣюсь, что съ ними нѣтъ духа Тольбота; а разъ его нѣтъ, вамъ и нечего бояться.

Дѣвственница. Изъ всѣхъ подлыхъ страстей, страхъ—самая проклятая.—Карлъ, прикажи побѣдѣ, и она будетъ твоею; пусть Генрихъ сердится, а весь міръ ропщетъ.

Карлъ. Впередъ-же, господа, и пусть судьба будетъ Франціи благоприятна! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ-же. Передъ Анжеромъ.

Тревога; стѣски. Входитъ Дѣвственница.

Дѣвственница. Регентъ побѣждаетъ. Французы бѣгутъ. Помогите-же мнѣ вы, чары и ладонки, и избранные духи, наставляющіе меня; дайте мнѣ знакъ грядущихъ событій (*Громъ*). Мои проворные пособники, подчиненные властному монарху сѣвера, явитесь и помогите мнѣ въ этомъ предпріятіи (*Входятъ злые духи*). Такое быстрое появленіе доказываетъ ваше обычное ко мнѣ усердіе. Ну, близкіе мнѣ духи, собравшіеся сюда изъ могучихъ подземныхъ легионовъ, помогите-же мнѣ еще на этотъ разъ, чтобы за Франціей осталось поле побѣды (*Духи ходятъ вокругъ нея, но молчатъ*). О, не томите-же меня слишкомъ продолжительнымъ молчаніемъ! Я привыкла кормить васъ своею кровью, но готова отрубить себѣ одинъ изъ моихъ членовъ и отдать его вамъ, въ надеждѣ на будущую выгоду, лишь-бы вы снизили помочь мнѣ теперь (*Духи склоняютъ головы*).

Развѣ нѣтъ надежды на улучшеніе дѣлъ? Мое тѣло заплатитъ вамъ за то, что вы исполните мою просьбу (*Духи качаютъ голову*). Развѣ ни мое тѣло, ни моя кровная жертва не убѣдятъ васъ продлить мнѣ вашу помощь? Такъ возьмите-же и мою душу—и тѣло, и душу, и все скорѣе, чѣмъ дать Франціи побѣду надъ Англійей (*Духи исчезаютъ*). Смотрите, они покидаютъ меня! значить, настало время, когда Франція должна склонить свой оперенный шлемъ и пасть головою въ лоно Англій. Мои прежнія чары слишкомъ слабы, адъ-же слишкомъ силенъ для того, чтобы мнѣ съ нимъ тягаться. Итакъ, Франція, слава твоя рассыпается въ прахъ (*Уходитъ*).

Тревога. Входятъ французы и англичане, сражаясь. Дѣвственница и Гюркъ сзвѣтились. Дѣвственница взята въ плѣнъ.

Французы бѣгутъ.

Гюркъ. Краса французовъ! Кажется, я тебѣ поймалъ. Спусти съ цѣпи своихъ духовъ коварными чарами и попробуй, не могутъ-ли они возвратить тебѣ свободу. Славная добыча, достойная самого дьявола; смотрите, какъ эта уродливая колдунья двигаетъ брови, будто хочетъ подвергнуть меня превращенію.

Дѣвственница. Измѣнить твой видъ къ худшему невозможно.

Гюркъ. О, дофинъ Карлъ болѣе подходящій человѣкъ: никто, кромѣ него, не можетъ нравиться твоимъ прихотливымъ взоромъ.

Дѣвственница. Чтобы подохнуть вамъ, и Карлу, и тебѣ! Пусть отъ кровавыхъ рукъ внезапно погибнете вы оба, сонные въ своихъ постеляхъ!

Йоркъ. Свирѣпая, проклятая фуриа, колдунья, замолчи!

Дѣвственница. Пожалуйста, дозвожь мнѣ поругаться еще немного.

Йоркъ. Поругаешься, негодяйка, когда попадешь къ позорному столбу! *(Уходятъ).*
Тревога. Входитъ Сеффолькъ, который ведетъ лэди Маргариту.

Сеффолькъ. Кто-бы ты ни была, ты моя плѣнница *(Смотритъ на нее)*. О, красавица, не бойся, не бѣги отъ меня; мои руки коснутся тебя лишь съ почтеніемъ. Цѣлую эти пальчики въ знакъ вѣчнаго мира и тихо кладу ихъ вдоль твоего вѣчнаго стана. Кто ты такая? скажи, чтобыя могъ почитать тебя.

Маргарита. Кто-бы ты ни былъ, имя мое Маргарита, я дочь короля, — короля Неаполитанскаго.

Сеффолькъ. Я герцогъ, меня зовутъ Сеффолькъ. Не оскорбляйся, чудо природы, ты предназначена, чтобы я взялъ тебя. Такъ лебедь прячетъ подъ крыльями своихъ пушистыхъ лебедятъ; но, если тебя оскорбляетъ такая зависимость, ступай и будь свободна, какъ другъ Сеффолька *(Она поворачивается къ бы для того, чтобы уйти)*. О, останься! — Не въ силахъ я дать ей уйти; рука моя готова освободить ее, но только не сердце. Эта роскошная крас акажется въ моихъ глазахъ ирривнымъ солнцемъ, сверкающимъ, какъ лучъ въ зеркальныхъ потокахъ. Я-бы хотѣлъ ухаживать за нею, но не смѣю заговорить. Потребую перо и чернилъ и напишу, что думаю. Стыдно, де-ля-Пуль! Не унижай себя. Нѣтъ у тебя развѣ языка? Развѣ она не твоя плѣнница? Неужели видъ женщины тебя устрашаетъ? Да, таково царственное величіе красоты, что оно отнимаетъ языкъ и смущаетъ чувства.

Маргарита. Скажите, графъ Сеффолькъ, если ужъ таково ваше имя, какой выкупъ должна я заплатить, чтобы меня

выпустили? я вижу, что я ваша плѣнница.

Сеффолькъ *(Въ сторону)*. Почемъ ты можешь знать, что она отвергнетъ твое предложеніе, прежде, чѣмъ ты испытаешь ея расположение?

Маргарита. Что-жъ ты не говоришь? Какой выкупъ должна я уплатить?

Сеффолькъ *(Въ сторону)*. Она прекрасна, и потому за нею слѣдуетъ ухаживать; она женщина, и потому за нее слѣдуетъ посвататься.

Маргарита. Примешь ты выкупъ, да или нѣтъ?

Сеффолькъ *(Въ сторону)*. Сумасбродный человѣкъ! вспомни, что у тебя есть жена; какъ-же можетъ Маргарита быть твоей возлюбленной?

Маргарита. Мнѣ лучше оставить его, а то онъ не хочетъ слушать.

Сеффолькъ. Все испорчено: легла неудачная карта.

Маргарита. Онъ говоритъ наобумъ: это, вѣрно, сумасшедшій.

Сеффолькъ. Однако, можно, вѣдь, и получить разрѣшеніе.

Маргарита. Однако, я-бы желала, что бы вы мнѣ отвѣтили.

Сеффолькъ *(Въ сторону)*. Я посвящаюсь за эту лэди Маргариту; только для кого? Ну, да хоть для короля. Тсс! Это глупо, какъ дерево!

Маргарита. Онъ говоритъ о деревѣ; это какой-нибудь плотникъ.

Сеффолькъ *(Въ сторону)*. Однако, я могу такимъ образомъ удовлетворить свою прихоть и водворить миръ между государствами. Но въ этомъ еще есть сомнѣніе: хоть ея отецъ и король неаполитанскій, герцогъ анжуйскій и майнскій, но онъ бѣденъ, и наше дворянство отвергнетъ этотъ союзъ.

Маргарита. Слышите-ли вы, капитанъ? Или вамъ некогда?

Сеффолькъ *(Въ сторону)*. Такъ это и будетъ, хоть-бы они имъ и пренебрегали. Генрихъ молодъ и скоро уступить. — Сударыня, я долженъ открыть вамъ тайну.

Маргарита. Что-жъ такое, что я бу-

ду въ плѣну? Онъ, повидимому, рыцарь и ни въ какомъ случаѣ не обезчеститъ меня.

Сеффолькъ. Лэди, соблаговолите выслушать, что я вамъ скажу.

МАРГАРИТА (*Въ сторону*). Можетъ быть, меня еще выручатъ французы и мнѣ не надо будетъ требовать, чтобы онъ былъ любезенъ.

Сеффолькъ. Любезная лэди, выслушайте меня по одному дѣлу.

МАРГАРИТА (*Въ сторону*). Тсс! женщины уже бывали у него въ плѣну.

Сеффолькъ. Лэди, зачѣмъ вы такъ тихо говорите?

МАРГАРИТА. Прошу прощенія: это лишь *qui pro quo*.

Сеффолькъ. Скажите, прелестная принцесса, не сочли-бы вы счастливымъ тотъ плѣнъ, который сдѣлалъ-бы васъ королевой?

МАРГАРИТА. Быть королевой и въ неволѣ гораздо унизительнѣе, чѣмъ быть рабою въ подломъ рабствѣ. Государи должны быть свободны.

Сеффолькъ. Такъ и вы будете свободны, если счастливый король англійскій свободенъ.

МАРГАРИТА. Но что-же мнѣ за дѣло до его свободы?

Сеффолькъ. Я возьму на себя сдѣлать тебя королевой Генриха, вѣдь тебѣ въ руку золотой скипетръ и надѣть на голову драгоценную корону, если ты только согласишься, чтобы быть моею...

МАРГАРИТА. Чѣмъ?

Сеффолькъ. Его возлюбленной.

МАРГАРИТА. Я недостойна быть супругой Генриха.

Сеффолькъ. Нѣтъ, любезная лэди, я, недостойный, долженъ просить ему въ жены такую прекрасную даму и не имѣть въ этомъ выборѣ своей доли. Что скажете, сударыня, довольны-ли вы этимъ?

МАРГАРИТА. Если угодно будетъ моему отцу, то и я довольна.

Сеффолькъ. Зовите-же сюда вашихъ командировъ и вашихъ знаменъ! У крѣпостныхъ стѣнъ вашего отца мы потребуемъ переговоровъ, чтобы говорить съ нимъ (*Войска выходятъ впередъ*).

Трубятъ переговоры. На стѣны выслушать Речь.

Сеффолькъ. Смотри, Ренье! Видишь: дочь твоя плѣнница.

Ренье. Чья?

Сеффолькъ. Моя.

Ренье. Сеффолькъ, какъ этому помочь? И, вѣдь, солдатъ и потому не въ состояннн плакать, или роптать на измѣнчивость судьбы.

Сеффолькъ. Помочь найдется чѣмъ, милордъ: лишь согласитесь, своей-же чести

ради, дать вашей дочери позволеніе быть вѣнчанной съ моимъ государемъ. Я за нее ужъ сватался и съ трудомъ получилъ согласіе; такимъ образомъ, легкая неволя доставила твоей дочери царственную свободу.

Ренье. Говорить-ли Сеффолькъ то-же, что и думаетъ?

Сеффолькъ. Прекрасная Маргарита знаетъ, что Сеффолькъ не льститъ, не лицемеритъ и не притворяется.

Ренье. По твоему графскому слову, я сойду дать отвѣтъ на твое справедливое требованіе (*Уходитъ со стѣнъ*).

Сеффолькъ. А я здѣсь подожду твоего прихода.

Трубы. Ренье выходитъ изъ нижнихъ укрѣпленій.

Ренье. Привѣтъ тебѣ, храбрый графъ, въ нашихъ владѣніяхъ; приказывай въ Анжу, что твоей свѣтлости угодно.

Сеффолькъ. Благодарю, Ренье, Ты счастливъ тѣмъ, что твое дитя прелестно и достойно избранія въ супруги короля. Какой отвѣтъ дастъ мнѣ его свѣтлость?

Ренье. Если ужъ ты благоволишь искать ея небольшихъ достоинствъ, чтобы стала она царственной невѣстой такого владетелина, то пусть моя дочь будетъ принадлежать Генриху, если ему угодно; но подъ условіемъ, что я спокойно буду владѣть своими собственными графствами Анжу и Мэна, обезпеченными отъ притѣсненій и отъ гнета войны.

Сеффолькъ. Вотъ ей и выкупъ; я освобождаю ее. А насчетъ этихъ двухъ графствъ, я ручаюсь, что ваша свѣтлость будете мирно и благополучно ими владѣть.

Ренье. А я, въ свою очередь, отдаю ей руку тебѣ, во имя короля Генриха, какъ его представителю, и въ знакъ ея вѣрности.

Сеффолькъ. Ренье французскій, я приношу тебѣ королевскую благодарность, потому что это дѣло короля (*Въ сторону*). А между тѣмъ, сдается мнѣ, что мнѣ было бы пріятно быть своимъ собственнымъ ходатаемъ въ данномъ случаѣ. Такъ я переправлюсь въ Англию съ этими вѣстями, чтобы тамъ былъ совершенъ этотъ бракъ. Прощай, Ренье! Храни-же этотъ брилліантъ въ золотыхъ хоромахъ, какъ ему подобаетъ.

Ренье. Обнимаю тебя, какъ обнялъ-бы благовѣрнаго короля Генриха, если-бы онъ былъ здѣсь.

МАРГАРИТА. Прощайте, милордъ. У Маргариты всегда будутъ для Сеффолька добрыя пожеланія, хвала и молитвы (*Хочетъ уходить*).

Сеффолькъ. Прощайте, любезная лэди! Но, послушай, Маргарита: никакого царственного привѣта моему королю?

Маргарита. Снеси ему такой привѣтъ, который подобаешь отъ дѣвы, молодой лэди и его слуги.

Сеффолькъ. Мило сказано и скромно въ обращеніи. Но, лэди, я снова долженъ васъ побезпокоить: и ничего въ залогъ любви къ его величеству?

Маргарита. Нѣтъ, мой любезный лордъ: я посылаю королю безупречно-чистое сердце, еще никогда не запятнанное любовью.

могъ-бы ошеломить Генриха отъ восхищенія (*Уходитъ*).

СЦЕНА IV.

Лагерь герцога Йорка, въ Анжу.

Входятъ: Йоркъ, Уорикъ и другіе.

Йоркъ. Приведите эту колдунью, которая осуждена на сожженіе.

Входитъ Двѣственница подъ стражей и пастухъ.

Сеффолькъ. И это также? (*Цѣлуетъ ее*).

Маргарита. Это тебѣ; я не осмѣлюсь послать королю такой ничтожный залогъ. (*Уходятъ: Ренье и Маргарита*).

Сеффолькъ. О, если-бы ты была моею!—Но, Сеффолькъ, постой. Тебѣ нельзя пускаться въ этотъ лабиринтъ: тамъ таятся минотавры и подлая пзмѣна. Прельсти Генриха, восхваляя ея чудныя достоинства; припомни обо всѣхъ ея чрезвычайныхъ добродѣтеляхъ и ея природныхъ прелестяхъ, которыя затмѣваютъ искусство; почаще повторяй себѣ ихъ въ воображеніи во время переѣзда по морю, чтобы, когда ты преклонишь передъ нимъ колѣни, ты

Пастухъ. О, Иоанна! Это смерть сердцу твоего отца. По всей странѣ, вблизи и вдалекѣ, искалъ я тебя, а теперь, когда мнѣ суждено тебя найти, неужли я долженъ видѣть твою безвременную жестокою кончину? О Иоанна, о милая дочь Иоанна, я умру съ тобою!

Двѣственница. Дряхлый негодяй! Подлый, безсовѣстный нищій! Я происхожу изъ болѣе благороднаго рода: ты не отецъ и не другъ мнѣ.

Пастухъ. Ну, договаривай!—Съ вашего позволенія, милорды, это не такъ: я родиль ея, весь приходъ знаетъ. Ея мать еще жива и можетъ удостовѣрить, что она была первымъ плодомъ моей женитьбы.

Уорикъ. Безстыдная! Неужели ты отречешься отъ своихъ родныхъ?

Горкъ. Это доказываетъ, какого рода была ея жизнь, низкая и порочная, которая кончается такою-же смертью.

Пастухъ. Стыдитесь, Иоанна, что ты такъ упряма! Богу извѣстно, что ты лучшая часть моего тѣла, и что я много слезъ пролилъ по тебѣ. Не отрекайся отъ меня, прошу тебя, Иоанна.

Дѣвственница. Прочь, мужичина! — Вы подкупили этого человѣка, чтобы занять мое благородное происхожденіе.

Пастухъ. Правда, ея мать получила дворянина въ то утро, когда я съ ней вѣнчался. Стань на колѣни, моя дорогая дѣвочка, и прими мое благословеніе. Такъ ты не хочешь склониться? Ну, такъ пусть будетъ проклято время твоего рожденія! Я-бы желалъ, чтобы молоко матери твоей, когда ты сосала его изъ ея груди, было отравой для тебя! Или чтобы тебя заѣлъ какой-нибудь хищный волкъ, въ то время, какъ ты въ полѣ стерегла моихъ овецъ! И ты еще отрекаешься отъ отца, проклятая негодница? О, жгите, жгите ее! Повѣшеніе для нея слишкъ хорошо! (*Уходитъ*).

Горкъ. Уведите ее; она слишкъ долго жила для того, чтобы наполнять свѣтъ своими пороками.

Дѣвственница. Сначала, дайте мнѣ сказать вамъ, кого вы осудили. Не рожденіе я пастуха, но происхожу отъ царскаго рода; я нравственная и святая, избранная свыше внушеніемъ небесной благодати, чтобы свершать чрезвычайныя чудеса на землѣ. Никогда не имѣла я дѣла съ злыми духами. Но вы, оскверненные своими похотями, запятнанные чистой кровью невинныхъ, развращенные и оскверненные тысячу пороковъ, вы считаете просто невозможнымъ дѣломъ творить чудеса иначе, какъ съ помощью дьявола, — потому-что въ васъ недостаетъ той благодати, которая есть и у другихъ. Нѣтъ, заблуждаетесь! Иоанна Д'Аркъ съ самаго дѣтства была дѣвой, чистой и безупречной даже въ мысляхъ; ея дѣвственная кровь, такъ грубо пролитая, завопиетъ о мести у вратъ небесъ.

Горкъ. Ладно, ладно! Вести ее на казнь!

Уорикъ. Послушайте ка, господя: если она дѣва, то не жалѣйте вязанокъ, пусть ихъ будетъ побольше. Поставьте бочки со смолою вокругъ позорнаго столба, чтобы мученія ея были короче.

Дѣвственница. Развѣ никто не измѣнитъ вашихъ безпощадныхъ сердецъ? — Ну, такъ открой-же, Иоанна, свою слабость, которая по закону обезпечиваетъ тебѣ пре-

имущество. Я беременна, кровожадные убійцы. Не убивайте-же плодъ моего чрева, хотя-бы вы и влекли меня на смерть!

Горкъ. Ну, ужъ не дай, Господи! Непорочная дѣва — беременна?

Уорикъ. Это величайшее изъ всѣхъ чудесъ, которыя ты когда-либо сотворила. Неужели до этого довела тебя твоя строгая цѣломудренность?

Горкъ. Они съ дофиномъ пошалили: я могъ-бы догадаться, въ чемъ ея надежда.

Уорикъ. Ну, все равно: мы не оставимъ въ живыхъ Пригулка; особенно-же, если Карлъ долженъ усновить его.

Дѣвственница. Вы ошибаетесь; этотъ ребенокъ не его; онъ Алансона, который пользовался моею любовью.

Горкъ. Алансонъ, этотъ извѣстный Маклавель! Ребенокъ умереть, хотя-бы имѣлъ онъ тысячу жизней.

Дѣвственница. О, позвольте! Я обманула васъ: онъ не отъ Карла, и не отъ герцога, котораго я назвала, но отъ Ренье, короля неаполитанскаго, который увлекъ меня.

Уорикъ. Женатый человѣкъ! Это невыносимо!

Горкъ. Ну, вотъ такъ дѣвушка! Я думаю, она и сама не знаетъ хорошенько: столь многихъ она можетъ обвинять.

Уорикъ. Это доказательство того, что она была щедрой и независимой.

Горкъ. А всетаки она, право, непорочная дѣва. — Распутница, твои слова осуждаютъ тебя и твое отродье. Не умоляй: это будетъ напрасно.

Дѣвственница. Такъ уводите же меня отсюда, вы, которымъ я оставляю свое проклятье. Чтобы никогда величественное солнце не отражало своихъ лучей на странѣ, въ которой вы будете жить; но тьма и мрачныя тѣни смерти пусть окружаютъ васъ, пока бѣдствія и отчаяніе не заставятъ васъ свернуть себѣ шею или повѣситься (*Уходитъ подъ стражей*).

Горкъ. Разбейся хоть въ дребезги, хоть сгни до пепла, гнусная, проклятая служительница ада!

Входитъ кардиналь Бобфортъ со свитой.

Кардиналь. Лордъ регентъ, привѣтствую вашу свѣтлость полномочнымъ посланіемъ отъ короля. Знайте, милорды, что христіанскія государства, мучимыя раскаяніемъ вслѣдствіе этихъ гнусныхъ войнъ, усердно просятъ, чтобы водворить обоюдный миръ между нашимъ народомъ и высокомерными французами. А вотъ по близости и дофинъ со своею свитой подходитъ для обсужденія этого вопроса.

Горкъ. Неужели всѣ ваши труды привели къ такой цѣли? Сколько вождей,

джентльменовъ и солдатъ погибло въ этихъ раздорахъ, тѣлами своими заплатило за благо своей страны, а мы подь конецъ заключимъ бабій миръ? Развѣ мы измѣною, коварствомъ и обманомъ, не потеряли большинство городовъ, завоеванныхъ нашими великими предками? О, Уорикъ, Уорикъ! Я съ грустію предвижу совершенную потерю всего государства Франціи.

Уорикъ. Имѣй терпѣніе, Юркъ! Если мы заключимъ миръ, то на такихъ строгихъ и стѣснительныхъ условіяхъ, что французы мало этимъ выиграютъ.

Входятъ: Карлъ со свитой; Алансонъ, Прилулокъ, Ренье и другіе.

Карлъ. Лорды англійскіе, такъ какъ, по соглашенію, во Франціи долженъ быть провозглашенъ дружественный миръ, то мы явились, чтобы самимъ узнать, какія будутъ условія этой лиги.

Юркъ. Уинчестеръ, говори: меня дуть кипучій гнѣвъ, заграждающій въ горлъ мой ѣдкій голосъ, при видѣ нашихъ заклятыхъ враговъ.

Кардиналъ Уинчестерскій. Карлъ и вы, остальные, вотъ что установлено: въ уваженіе того, что король Генрихъ изъ чистой снисходительности и состраданія даетъ свое согласіе на освобожденіе вашей страны отъ гибельной войны, и что онъ дастъ вамъ вздохнуть свободно въ плодоносномъ мирѣ, вы должны сдѣлаться вѣрными ленниками его державы. А ты, Карлъ, будешь подчиненъ ему, какъ вице-король, и все-таки будешь пользоваться своей королевской властью, при условіи, что поклянешься платить ему дань и покоряться ему.

Алансонъ. Такъ онъ долженъ быть тѣнью, что-ли, самого себя? И украшая свое чело короной, по существу и по авторитету, долженъ сохранять преимущества лишь частнаго человѣка? Это предложеніе нелѣпо и безразсудно.

Карлъ. Уже извѣстно, что я владѣю болѣе, чѣмъ половиною всей галльской территоріи, гдѣ меня чтутъ, какъ законнаго государя. А для приобрѣтенія остальныхъ, еще незавоеванныхъ земель, неужели я настолько отступаю отъ своихъ высшихъ правъ, чтобы называться лишь вице-королемъ надъ ними? Нѣтъ, лордъ-посолъ, я лучше сохраняю то, что имѣю, нежели, польстясь на большее, отрину возможность завладѣть всѣмъ.

Юркъ. Дерзкій Карлъ! Ты употреблялъ тайное посредничество, чтобы добиться лиги, а теперь, когда дѣло доходитъ до соглашенія, ты отстраняешь переговоры. Прими похищенный тобою титулъ, какъ даръ, полученный отъ нашего государя, а не какъ

заслуженный по праву; иначе-же, мы замучимъ васъ непрерывными войнами.

Ренье. Государь, вы нехорошо дѣлаете, что упрямо придираетесь къ условіямъ договора: если вы имъ пренебрежете, то десять противъ одного, что мы уже не найдемъ подобнаго случая.

Алансонъ (*Въ сторону Карла*). Сказать по правдѣ, ваша обязанность спасти своихъ подданныхъ отъ избиенія и немилосердой рѣзни, которыя бывають ежедневно, благодаря нашей враждебности. Поэтому примите эти условія мира, хотя-бы вы и нарушили его, когда вамъ это заблагоразсудится.

Уорикъ. Что-же скажешь ты, Карлъ? Будутъ-ли наши условія приняты?

Карлъ. Будутъ, но съ оговоркою, что вы не предъявите правъ ни на одинъ изъ нашихъ укрѣпленныхъ городовъ.

Юркъ. Такъ присягните-же на подданство его величеству, какъ рыцарь, чтобъ никогда не выходите изъ его повиновенія и не возмущаться противъ власти Англии ни тебѣ самому, ни твоимъ вельможамъ (*Карлъ и его вельможи выражаютъ знаками свое вѣрноподданство*). Прекрасно. Теперь прошу васъ распустить ваши войска, свернуть знамена и остановить бой барабановъ, потому-что мы здѣсь торжественно водворяемъ миръ (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: Король Генрихъ, въ бѣсѣдѣ съ Сеффолькомъ.

Король Генрихъ. Благородный герцогу, ваше чудесное описаніе рѣдкой красоты Маргариты изумило меня. Ея добродѣтели, придающія прелесть ея виѣшнимъ достоинствамъ, зарождаютъ въ моемъ сердцѣ глубокую страсть любви. Какъ сила бурныхъ порывовъ гонитъ самое сильное судно противъ теченія, такъ и слухъ о ея славѣ заставляетъ меня или потерпѣть крушеніе, или достигнуть наслажденія ея любовью.

Сеффолькъ. Полноте, мой добрый господинъ; это лишь предисловіе къ достойной ея похвалѣ: главныя совершенства этой прелестной лэди (если-бы у меня хватило искусства ихъ изобразить) составили-бы цѣлый томъ чарующихъ строкъ, способныхъ восхитить самое тупое воображеніе. И даже болѣе того: она не превозносится, не пресыщается избранными удовольствіями, но настроена тихо и смиренно и будетъ до-

вольствоваться вашими приказаніями; подь приказаніями-же я разумью добродѣтельно-чистые поступки—любовь и уваженіе къ Генриху, какъ ея повелителю.

Король Генрихъ. Никогда Генрихъ и не потребуеъ ничего иного. Поэтому, милордъ Протекторъ, дайте свое согласіе на то, чтобы Маргарита была англійской королевой.

Глостэръ. Я-бы могъ дать свое согласіе, если-бъ потворствовалъ пороку. Вамъ, ваше величество, извѣстно, что вы помолвлены съ другой достойной лэди. Какъ же мы можемъ освободиться отъ этого договора, не покрывъ вашей чести позоромъ?

Сеффолькъ. Такъ-же, какъ дѣлаютъ властители съ незаконной клятвой, или какъ тотъ, кто, поклявшись испытать свою силу на турнирѣ, оставляетъ ристалище по причинѣ недостатковъ соперника. Быть дочерью, герцога-бѣдняка большой недостатокъ, и потому отказъ не будетъ ей въ обиду.

Глостэръ. Ну, а скажите, пожалуйста, на много-ли выше ея Маргарита? Ея отецъ не болѣе какъ герцогъ, хотя и превозношенъ славныхъ титуловъ.

Сеффолькъ. Да, мой любезный лордъ; ея отецъ—король неаполитанскій и іерусалимскій и пользуется во Франціи такою силой, что его согласіе утвердить за нами миръ и обезпечить намъ подданство французовъ.

Глостэръ. То же можетъ сдѣлать и герцогъ Арманьякъ, такъ какъ онъ близкій родственникъ Карла.

Экзэтеръ. Кромѣ того, его богатство—порука въ щедромъ приданомъ, тогда какъ Ренье скорѣе самъ возьметъ, нежели что отдастъ.

Сеффолькъ. Приданое, милорды? Не унижайте нашего короля предположеніемъ, что онъ можетъ быть настолько презрѣнимъ, низкимъ и бѣднымъ человѣкомъ, чтобы выбирать невѣсту по богатству, а не по чистой любви. Генрихъ самъ въ состояніи обогатить свою супругу, а не искать, чтобы она сдѣлала его богатымъ. Такъ лишь ничтожные мужики торгуютъ себѣ женъ, какъ базарные торговцы—волонъ, овецъ и лошадей. Бракъ—слишкомъ важное дѣло для того, чтобы заключать его по ходатайству другого. Не та, которой мы желаемъ, но которую любитъ его величество, должна быть подругой его брачнаго ложа. И потому, милорды, если онъ больше всѣхъ любитъ ее, это главная причина, обязывающая насъ къ тому, чтобы и мы въ своемъ мнѣніи отдали ей предпочтеніе. Развѣ

бракъ по принужденію не адъ, не вѣчный раздоръ, не постоянная распря? Между тѣмъ, какъ, въ противномъ случаѣ, онъ приноситъ блаженство и служитъ образцомъ небеснаго мира. Кого-же выберемъ мы для Генриха, который самъ король, какъ не Маргариту, которая дочь короля? Ея неподобная краса, вмѣстѣ съ ея происхожденіемъ, подтверждаетъ, что она достойна лишь короля. Ея доблестная храбрость и непоколебимый духъ (болѣе того, какой обыкновенно встрѣчается у женщинъ) отвѣчаютъ нашимъ надеждамъ на потомство короля! Генрихъ, какъ сынъ завоевателя, родитъ еще завоевателей, если онъ соединитъ въ любви съ такою сильной духомъ женщиной, какъ прекрасная Маргарита. Соглашайтесь-же, милорды, и покончите вмѣстѣ со мною на томъ, что лишь Маргарита, а не другая, будетъ королевой.

Король Генрихъ. Не знаю, отчего? Оттого-ли, что такъ велика сила вашего описанія, благородный лордъ Сеффолькъ, или оттого, что моею крайнею юности еще не касалась страсть пламенной любви, я не могу сказать, но я убѣжденъ, что чувствую въ груди рѣзкія противорѣчія, буйную тревогу отъ страха и надежды, и почти боленъ отъ работы мыслей. И потому, милорды, садитесь на корабль и мчитесь, милорды, во Францію; соглашайтесь на всѣ условія и добейтесь, чтобы лэди Маргарита соблагволила переправиться за море, въ Англію, и короноваться вѣрной и помазанной супругой короля Генриха. На расходы и подобающее продовольствіе соберите съ народа десятинный налогъ. Убѣжайте-же, говорю вамъ: пока вы не вернетесь, меня будутъ томить тысячи тревогъ. А если вы будете судить меня по тому, каковы и вы сами были, а не каковы теперь, то вы, милый дядя, не обидитесь на меня: я знаю, это послужитъ извиненіемъ быстрому исполненію моей воли. Итакъ, ведите меня туда, гдѣ я могъ-бы предаться своей грусти и скрыть ее отъ другихъ. (*Уходитъ.*)

Глостэръ. Да, грусть: боюсь я, что она будетъ у тебя съ начала и до конца (*Уходятъ: Глостэръ и Экзэтеръ.*)

Сеффолькъ. Вотъ Сеффолькъ и превозмогъ; вотъ онъ отправляется, какъ отправлялся нѣкогда юный Парисъ въ Грецію, — въ надеждѣ на такой-же успѣхъ въ любви, но съ большей выгодой, чѣмъ для троянъ. Маргарита, какъ королева, будетъ управлять королемъ. Я-же буду управлять и ею, и королемъ, и королевствомъ! (*Уходитъ.*)

Король Генрихъ VI.

Часть вторая.

КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VI.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ VI. Гемфри, герцогъ Глостеръ, дядя короля. Кардиналь Бофортъ, епископъ Уинчестерскій. Ричардъ Плантагенетъ, герцогъ Йоркъ. Эдуардъ и Ричардъ, его сыновья. Герцогъ Сомерсетъ Герцогъ Сеффолькъ Герцогъ Бекингемъ Лордъ Клиффордъ и его сынъ Графъ Сольсбери Графъ Уорикъ Лордъ Скэлъзъ, комендантъ Тоуэра. Лордъ Сэ. Сэръ Гемфри Стаффордъ и его братъ. Сэръ Джонъ Стэнли. Уольтэръ Уитморъ. Капитанъ морской службы, шкиперъ и штурманъ. Два дворянина, въ плѣну вмѣстѣ съ Сеффолькомъ. Во. Юмъ и Соусуэль, священники.	Болинброкъ, чародѣй, и духъ, котораго онъ вызываетъ. Томасъ Хорнеръ, оружейникъ. Питеръ, его работникъ. Клеркъ города Чатама. Мэръ Сент'Ольбэнса. Симпкоксъ, обманщикъ. Джекъ Кэдъ. Джорджъ, Джонъ, Дикъ, Смисъ, ткачъ, Майкэлъ и другіе сообщники Кэда. Александръ Айденъ, кентскій джентльмэнъ. Маргарита, супруга короля Генриха. Элеонора, герцогиня Глостеръ. Марджери Джордэнъ, колдунья. Жена Симпкокса. Лорды, лэди и свита; герольды; просители, члены городского управленія; сторожъ, шерифъ и офицеры; горожане, ученики мастеровыхъ, сокольничіе, стражи, солдаты, гонцы и другіе. <i>Дѣйствіе происходитъ въ разныхъ частяхъ Англіи.</i>

Дѣйствіе первое.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Приемная зала во дворцѣ.

Играютъ трубы; затѣмъ гобои. Входятъ, съ одной стороны: Король Генрихъ, герцогъ Глостэръ, Сольсбери, Уорикъ и кардиналъ Бюфордъ. Съ другой — Королева Маргарита, которую ведетъ Сеффолькъ; за ними слѣдуютъ: Йоркъ, Сомерсетъ, Бекингемъ и другіе.

Сеффолькъ. Согласно приказанію вашего королевскаго величества при отбытіи моемъ во Францію, я долженъ былъ, какъ замѣститель вашего величества, обвиняться за васъ съ принцессой Маргаритой. Поэтому я исполнилъ свою обязанность и вѣнчанъ въ славномъ древнемъ городѣ Турѣ, въ присутствіи королей Франціи и Сициліи, герцоговъ Орлеана, Калабріи, Бретани и Алансона, семи графовъ, двѣнадцати бароновъ и двадцати благочестивыхъ епископовъ. А теперь, смиренно преклоняя колѣни, предъ лицомъ Англіи и ея владѣтельныхъ перовъ, я передаю мои права на королеву въ ваши королевскія руки, принадлежація тому священству, великую тѣнь котораго я представлялъ собою. Это величайшій изъ даровъ, когда-либо принесенныхъ маркизами; это прекраснѣйшая изъ королевъ, когда-либо принятыхъ королями.

Король Генрихъ. Встань, Сеффолькъ. Привѣтъ вамъ, королева Маргарита. Я не могу ничѣмъ иѣжиѣ выразить мою любовь, какъ этимъ иѣжнымъ поцѣлуемъ. О Боже, давшій мнѣ жизнь, дай мнѣ и сердце, исполненное благодарности: въ этомъ пре-

лестномъ лицѣ Ты далъ душѣ моей цѣлый міръ земныхъ благостей, если только сочувствіе въ любви соединитъ наши помыслы.

Королева Маргарита. Великій король Англіи, мой милостивый повелитель! Дружная бесѣда, которую я мысленно вела и днемъ, и ночью, и во снѣ, и на яву съ вами, мой возлюбленнѣйшій государь, даетъ мнѣ смѣлость привѣтствовать моего короля въ болѣе прямыхъ выраженіяхъ, какія представляются моему слабому разумнію и которыя внушитъ мнѣ мой сердечный восторгъ.

Король Генрихъ. Видѣ ея меня очаровалъ; но прелесть ея рѣчи, ея слова, облученныя въ умственное величіе, заставляютъ меня, послѣ удивленія, предаться слезамъ радости: такова полнота моего сердечнаго довольства. Лорды! Единодушнымъ, радостнымъ возгласомъ, привѣтствуйте мою возлюбленную.

Всѣ. Да здравствуетъ королева Маргарита, счастье Англіи!

Королева Маргарита. Благодаримъ васъ всѣхъ (*Трубы*).

Сеффолькъ. Милордъ протекторъ, съ позволенія вашего высочества, вотъ условія мира, заключеннаго на восемнадцать мѣсяцевъ между нашимъ государемъ и Карломъ, королемъ французскимъ, съ ихъ обоюднаго согласія.

Глостэръ (*читаетъ*). „Во-первыхъ. Король французскій Карль и Уильямъ деля-Пуль, маркизь Сеффолькъ, посоль Генриха, короля англійскаго, согласились, что вышеупомянутый Генрихъ вступитъ въ супружество съ лэди Маргаритою, дочерью Ренье, короля Неаполя, Сициліи и Иеруса-

лима, и что онъ коронуешь ее королевой англійской тридцатаго числа слѣдующаго мая мѣсяца. А также, что графства Анжу и Мэнъ будутъ освобождены и отданы ея отцу, королю...

Король Генрихъ. Что это, дядя?

Глостэръ. Простите мнѣ, мой милостивый повелитель! Внезапная дурнота охватила мнѣ сердце, затуманила глаза и я не могу далѣе читать.

Король Генрихъ. Дядя Уинчестэръ, пожалуйте, продолжайте.

Уинчестэръ. „А также, еще согласились они, что графства: Анжу и Мэнъ будутъ освобождены и отданы ея отцу, королю; а она сама будетъ послана за море на собственный счетъ короля англійскаго, безо всякаго приданого“.

Король Генрихъ. Намъ эти условія удобны. Милордъ маркизь, преклоните колѣни: мы жалуемъ васъ первымъ герцогомъ Сеффолькомъ и оныасываемъ васъ мечомъ. Кузенъ Йоркъ, до полного истеченія этихъ восемнадцати мѣсяцевъ, мы отставляемъ васъ отъ должности регента французскихъ владѣній. Благодаримъ васъ, дядя Уинчестэръ, Глостэръ, Йоркъ, Бекингэмъ, Сомерсетъ, Сольсбери и Уорикъ; благодаримъ за великую честь, оказанную приемомъ моей царственной королевы. Ну, пойдемъ-же скорѣе озаботиться о приготовленіяхъ къ ея коронаціи (*Уходятъ: король, королева и Сеффолькъ*).

Глостэръ. Храбрые пары Англии, столпы государства, вамъ я изолью свою скорбь, вашу скорбь, общую скорбь всей страны. Какъ? Развѣ не трогилъ братъ мой Генрихъ своей молодости, храбрости, своихъ денегъ и людей на войны? Развѣ не жилъ онъ зачастую въ открытомъ полѣ въ зимнюю стужу и въ лѣтній жгучій зной, чтобы завоевать Францію, свое прямое наслѣдіе? Развѣ не утруждалъ своего ума мой братъ Бедфордъ, чтобы политикой сохранить то, что приобрѣлъ Генрихъ? Развѣ вы сами, Сомерсетъ, Бекингэмъ, храбрый Йоркъ, Сольсбери и побѣдоносный Уорикъ, не получали глубокихъ шрамовъ во Франціи и въ Нормандіи? Или дядя мой, Бофортъ, и я самъ, развѣ мы, вмѣстѣ съ мудрымъ государственнымъ совѣтомъ, не трудились такъ долго, поутру и ввечеру, обсуждая за и противъ вопросъ: какъ-бы удержать въ повиновеніи Францію и французовъ? Развѣ его величество не былъ еще ребенкомъ коронованъ въ Парижѣ, на зло врагамъ? И неужели-же умрутъ эти труды и эта слава? Неужели умрутъ завоеванія Генриха и бдительность Бедфорда, ваши воинскіе подвиги и весь вашъ совѣтъ? О, пары Англии! Эта лига постыдна и роковой это

бракъ: они пятнають вашу славу, стирають ваши имена изъ книги памяти, низвергають изображенія вашей славы, уродуютъ памятники завоеваній во Франціи, разрушають все, какъ еще не бывало!

Кардиналъ. Племянникъ, что значитъ эта гнѣвная рѣчь съ такими подробностями? Вѣдь Франція — наша, и мы ее все-таки сохранимъ.

Глостэръ. Да, дядя: мы ее сохранимъ, если сможемъ. Но теперь это уже невозможно. Сеффолькъ, новоиспеченный герцогъ, по дудкѣ котораго пляшутъ, отдалъ герцогства Анжу и Мэна бѣдному королю Ренне, слогъ котораго такъ же пышетъ, какъ тощъ его кошелекъ.

Сольсбери. Клянусь смертью Того, Который умеръ за всѣхъ, эти герцогства были ключемъ къ Нормандіи. Но отчего плачешь Уорикъ, мой храбрый сынъ?

Уорикъ. Отъ горя, что они уже невозвратимы. Потому что, если-бъ была надежда снова ихъ завоевать, мой мечъ пролилъ-бы горячую кровь, а глаза не проливали-бы слезъ. Анжу и Мэнъ! Я самъ ихъ взялъ, мои собственныя руки завоевали эти земли. Такъ неужели-же города, которые я добылъ своими ранами, будутъ возвращены съ миролюбивыми рѣчами? Клянусь Богомъ!

Йоркъ. Потому что Сеффолькъ — герцогъ. Чтобы задохся онъ, омрачающій славу нашего воинственнаго острова! Скорѣе вырвали и разметали-бъ мое сердце французы, чѣмъ я согласился-бы на эту лигу. Мнѣ только и приходилось читать, что короли англійскіе получали за своими женами большія суммы золотомъ и приданымъ. А нашъ король Генрихъ отдаетъ свое собственное, чтобы надѣлать ту, которая не приноситъ ему никакихъ выгодъ.

Глостэръ. Неумѣстная и доселѣ неслыханная шутка: Сеффолькъ требуетъ пятнадцатую долю за продовольствіе и расходы по ея привозу. Пусть-бы себѣ оставалась во Франціи и умерла-бы тамъ съ голоду прежде, чѣмъ...

Кардиналъ. Милордъ Глостэръ, вы слишкомъ горячитесь. Такъ было угодно его величеству королю.

Глостэръ. Милордъ Уинчестэръ, я знаю ваши мысли: не рѣчи мои вамъ неприятны, а мое присутствіе смущаетъ васъ. Ненависть рвется наружу: гордый прелатъ, на лицѣ твоёмъ я вижу твой гнѣвъ. Если мнѣ долге остаться здѣсь, мы возобновимъ свою прежнюю ссору. — Прощайте, лорды. Когда-жъ меня не будетъ, вспомните мое предсказаніе, что Франція скоро будетъ потеряна (*Уходитъ*).

Кардиналь. Нашъ протекторъ уходить избѣженный. Вамъ извѣстно, что онъ мнѣ врагъ; нѣтъ, даже врагъ всѣмъ и, боюсь я, даже не особенный другъ королю. Разсудите, лорды: онъ ближайшій въ родѣ къ королю и прямой наслѣдникъ англійской короны. Хотя-бы Генрихъ приобрѣлъ своимъ бракомъ цѣлое государство и всѣ богатяя западныя королевства, и то онъ имѣлъ-бы поводъ быть этимъ недоволенъ. Замѣйте это, лорды, не дайте его льстивымъ рѣчамъ обворожить ваши сердца; будьте благоразумны и осмотрительны. Что изъ того, что простой народъ къ нему благоволяетъ, называя его: „Гемфри, добрый герцогъ Глостеръ“ и рукоплещетъ, громко восклицая: „Иисусе, сохрани его королевское высочество!“ и „храни, Боже, добраго герцога Гемфри!“ Боюсь я, лорды, что, не смотря на этотъ льстивый блескъ, онъ окажется опаснымъ покровителемъ.

Бекинггэмъ. Такъ чего жъ ему покровительствовать нашему государю, если онъ уже такихъ лѣтъ, что самъ можетъ управлять собою? — Кузень Сомерсетъ, присоединитесь ко мнѣ, и мы

всѣ вмѣстѣ съ герцогомъ Сеффолькомъ живо стонимъ герцога Гемфри съ мѣста.

Кардиналь. Это важное дѣло не терпитъ проволочки: я иду сейчасъ-же къ герцогу Сеффольку (*Уходитъ*).

Сомерсетъ. Кузень Бекинггэмъ, хоть и обидна намъ надменность Гемфри и величье его назначенія, все-таки будемъ наблюдать за свѣсивымъ кардиналомъ. Его дерзость невыносима, чѣмъ дерзость всѣхъ прищець сосѣдней страны. Если Глостера смѣстятъ, такъ онъ будетъ протекторомъ.

Бекинггэмъ. Или ты, Сомерсетъ, или я будемъ протекторами, вопреки герцогу Гемфри или кардиналу (*Уходятъ: Бекинггэмъ и Сомерсетъ*).

Сольсбюри. Гордость пошла впередъ, честолюбіе слѣдуетъ за нею. Въ то время, какъ они заботятся о своемъ собственномъ повышеніи, намъ подобаешь заботиться о государствѣ. Никогда не видалъ я, чтобъ Гемфри, герцогъ Глостеръ, поступалъ иначе, какъ благородный джентльменъ; но часто видѣлъ, какъ свѣсивый кардиналь скорѣе какъ солдатъ, нежели какъ служитель церкви, напыщенно и гордо, будто онъ всему хо-

зянивъ, ругался, какъ бродяга, и унижалъ себя, какъ не пристало правителю общеннаго блага. Сынъ мой, Уорикъ, утѣха моей старости! Твои подвиги, твое чистосердечіе и твоя домовитость приобрѣли тебѣ благосклонность всего населенія, за исключеніемъ добраго герцога Глостера. А твои дѣйствія въ Ирландіи, братъ Йоркъ, для возстановленія тамъ гражданского порядка, твои послѣдніе подвиги въ нѣдрахъ Франціи, когда ты былъ регентомъ, — представителемъ нашего государя, заставили народъ бояться и уважать тебя. — Соединимся-же для народнаго блага, чтобы, чѣмъ сумѣемъ, обуздать и подавить гордость Сеффолька, кардинала, а также и тщеславіе Сомерсета и Бекинггэма. И, насколько можемъ, будемъ покровительствовать дѣйствіямъ Глостера, пока онъ клонится ко благу государства.

Уорикъ. Ида поможетъ Богъ Уорикъ такъ-же, какъ онъ любитъ государство и общественное благо своего отечества.

Йоркъ. То-же говорить и Йоркъ, и по важнѣйшей причинѣ.

Сольсбюри. Пойдемъ-же прочь скорѣе и углубимся въ самое главное.

Уорикъ. Главное? О, отецъ, вѣдь Мэнъ потерявъ; тотъ самый Мэнъ, что Уорикъ завоевалъ съ большимъ трудомъ и продержалъ-бы до послѣдняго издыханія. Ты хотѣлъ сказать: главное дѣло? А я думалъ о Мэнѣ, который я верну отъ Франціи, а не то пусть буду убитъ (*Уходятъ: Уорикъ и Сольсбюри*).

Йоркъ. Анжу и Мэнъ отданы французамъ, Парижъ потерявъ; положеніе Нормандіи стало нетвердо теперь, когда ихъ нѣтъ. Сеффолькъ заключилъ условія, перы ихъ подтвердили, а Генрихъ съ удовольствіемъ промѣнялъ два герцогства на прекрасную дочь одного герцога. Я никого изъ нихъ не могу винить: не все-ли имъ равно? Они, вѣдь, отдають твое, а не свое. Пираты могутъ, какъ деньгами, сорить своей добычей, покупать себѣ друзей и раздавать все распутницамъ, покучивая, какъ господа, пока не растрачатъ всего. А между тѣмъ, глупый хозяинъ своего добра плачетъ по немъ и безпомощно ломаетъ руки, качаетъ головой и, дрожа, стоитъ въ сторонѣ въ то время, какъ его дѣлятъ и уносятъ прочь, а самъ готовъ умереть съ голода изъ боязни

прикоснуться къ своей-же собственности. Такъ-то и Юрку приходится сидѣть, грустить и кусать себѣ языкъ въ то время, какъ его земли торгуютъ и покупаютъ. Мнѣ кажется, что государства: Англія, Франція и Ирландія въ такой-же мѣрѣ связаны съ моею плотью и кровью, какъ роковая головня, зажженная Алтеей, съ сердцемъ Калдонскаго принца. Анжу и Мэнъ—оба отданы французамъ! Плохія вѣсти для меня, потому что я такъ же надѣялся на Францію, какъ и на плодоносную землю Англіи. Придетъ день, когда Юрку потребуетъ свое. Поэтому я приму сторону Невилей и выкажу любовь къ гордому Гемфри, а высмотрѣвъ удобный случай, я потребую себѣ корону,—ибо такова золотая цѣль, въ которую я хочу попасть. Не гордому Ланкастеру незаконно владѣть моими правами; не держать ему скипетра въ своей ребячьей пригоршнѣ; не носить ему вѣнца на головѣ, набожное настроеніе которой не пристало къ коронѣ. Такъ помолчи-же, Юркъ, пока время еще не приспѣло. Когда другіе спятъ, ты бодрствуй и стереги, чтобы попытаться до тайны правленія и чтобы Генрихъ, пресыщенный радостями любви, вмѣстѣ съ молодою женою,—дорого купленной авглійской королевою,—и Гемфри съ парами вступятъ въ раздоры. Тогда я высоко подниму млечно-бѣлую розу, и воздухъ будетъ благоухать ея вѣжнимъ ароматнымъ запахомъ. Въ знаменахъ своихъ я вознесу гербы Юрка на состязаніе съ домомъ Ланкастера, и волей-неволей заставлю его уступить мнѣ корону, подѣ княжнимъ управленіемъ которой ослабѣла прекрасная Англія (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Тамъ же. Комната въ домѣ герцога Глостэра

Герцогиня. Что склонилъ голову, мой повелитель, какъ перерзѣвшая рожь подѣ щедрымъ бременемъ Цереры? Что сводитъ брови великій герцогъ Гемфри, будто хмурясь на любовь къ нему всего міра? Отчего устремлены глаза твои на мрачную землю, будто видятъ нѣчто, омрачающее твои взоры? Что ты тамъ видишь? Не вѣнедъ-ли короля Генриха, осыпанный всѣми почестями міра? Если такъ, то продолжай смотрѣть, ползи ничкомъ, пока онъ не обойметъ головы твоей. Протяни руку, достань это величественное золото.—Что? Развѣ коротка? Я удлинню ее своею и, подыавъ вмѣстѣ вѣнецъ, мы оба, вмѣстѣ, поднимемъ головы наши къ небесамъ и никогда ужъ больше не уви-

зимъ своихъ взоромъ тѣмъ, что соблаговолимъ бросить хоть одинъ взглядъ на землю.

Глостэръ. О, Нелли, дорогая Нелли, если ты любишь своего господина, гони отъ себя червя честолюбивыхъ помысловъ. Пусть моя мысль, если что я задумаю дурное противъ моего короля и племянника,—добродѣтельнаго Генриха,—будетъ моимъ послѣднимъ вздохомъ въ этомъ смертномъ мѣрѣ. Меня печалитъ тревожный сонъ этой ночи.

Герцогиня. Что снилось моему господину? Скажи мнѣ, и я отплачу тебѣ приятнымъ рассказомъ моего утренняго сна.

Глостэръ. Мнѣ казалось, что этотъ жезль, знакъ моего сана при дворѣ, переломленъ пополамъ, не помню кѣмъ, но кажется, что кардиналомъ; а на концахъ сломанной палки были головы Эдмонда Семерсета и Уильяма де-ля Пуль,—перваго герцога Сеффолка. Такъвъ мой сонъ, и Богъ вѣсть, что онъ предвѣщаетъ.

Герцогиня. Полно! Онъ просто—доказательство того, что кто сломитъ хоть прутьикъ въ роцѣ Глостэра, тотъ заплатитъ головой за свою дерзость. Но послушай меня, мой Гемфри, дорогой мой герцогъ. Казалось мнѣ, что я сижу на королевскомъ мѣстѣ въ Уэстминстерскомъ соборѣ, на томъ самомъ креслѣ, на которомъ короновались короли и королевы, тамъ Генрихъ и госпожа Маргарита преклонили передо мной колѣни и возложили мнѣ на голову вѣнецъ.

Глостэръ. Ну, Элеонора, я просто долженъ побранить тебя. Самонадѣянная женщина! Невоспитанная Элеонора! Развѣ ты не вторая въ государствѣ, не жена протектора и не любима имъ? Развѣ не къ твоимъ услугамъ всѣ свѣтскія удовольствія, превыше всякихъ расчетовъ или помысловъ? И неужели ты все-таки хочешь ковать намѣну, чтобы низвергнуть себя и своего супруга съ вершины почестей къ ногамъ безчестья? Прочь отъ меня! Не хочу больше ничего слышать.

Герцогиня. Что это милордъ? Развѣ вы такъ разсердились на Элеонору за то, что она рассказала вамъ просто свой сонъ? Въ слѣдующій разъ меня не надо будетъ останавливать: я оставлю свои сны при себѣ.

Глостэръ. Ну, не сердись-же: я опять тобой доволенъ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ. Милордъ протекторъ, его величеству угодно, чтобы вы были готовы ѣхать въ Сент-Ольбэнсъ, гдѣ король и королева намѣрены охотиться съ соколами.

Глостэръ. Сейчасъ иду.—Пойдемъ-же, Нелли: вѣдь ты желаешь ѣхать съ нами?

Герцогиня. Да, дорогой мой господинъ; я тотчасъ-же послѣдую за вами (*Уходятъ*).

Глостэръ и гонецъ). Я должна слѣдовать, потому-что не могу идти впередъ, пока Глостэръ еще придерживается такихъ низкихъ и смиренныхъ возрѣній. Если-бы я была мужчиной, герцогомъ и ближайшимъ въ родѣ, то удалила-бы эти надоедливыя, мѣшающія мнѣ преграды, сравняла-бы путь свой по ихъ обезглавленнымъ плечамъ. Хотя я и женщина, а не замедлю разыграть свою роль въ пышномъ зрѣлищѣ счастья. Да гдѣ вы тамъ? Сэръ Джонъ! Не бойся-же, любезный, мы одни: здѣсь нѣтъ никого, кромѣ тебя, да меня.

Входитъ Юмъ.

Юмъ. Исусе сохрани ваше королевское величество.

Герцогиня. Какъ ты сказалъ? Величество? Я только высочество.

Юмъ. Но, милостью Божіей и совѣта-ми Юма, титулъ вашего высочества повысится.

Герцогиня. Что скажешь, любезный? Совѣтывался-ли ты съ хитрой колдуньей, Марджери Джордэнъ, и съ чародемъ Роджеромъ Болинброкомъ? Желаютъ-ли они взятъ мнѣ помочъ?

Юмъ. Вотъ, что они обѣщали: что покажутъ вашему высочеству духа, вызваннаго изъ нѣдръ земли, который будетъ отвѣчать на всѣ вопросы, какіе ваше высочество ему предложите.

Герцогиня. Хорошо; я подумаю объ этихъ вопросахъ, а когда мы возвратимся изъ Сент-Ольбэнса, тогда вполне осуществимъ это дѣло. Вотъ, Юмъ, возьми себѣ это въ награду. Повеселись, любезный, со своими соучастниками въ этомъ важномъ дѣлѣ (*Уходитъ*).

Юмъ. Юмъ долженъ веселиться на золото герцогини. Ну, что-жъ? Онъ и повеселится. Но какъ-же такъ, сэръ Джонъ Юмъ? Замкните ваши уста и не произносите ни слова, кромѣ: тсс! Это дѣло требуетъ безмолвной тайны. Госпожа Элеонора даетъ золота за то, чтобы привести колдунью; но золота не можетъ быть нектати, хотя-бы она была самимъ дьяволомъ. Однако, есть у меня и иное золото, перепавшее мнѣ съ другого берега; не смѣю сказать, что отъ богача-кардинала или отъ славнаго новояснеченнаго герцога Сеффолька, но знаю, что оно оттуда. Говоря проще, они, зная властолюбивый нравъ госпожи Элеоноры, подкупила меня, чтобы подкапаться подъ герцогиню, прожужжать ей голову про заговоры. Говорятъ: ловкій плутъ не нуждается въ посредникахъ; а между тѣмъ, я посредникъ Сеффолька и кардинала. Если ты, Юмъ, не остережешься, то скоро назовешь ихъ обоихъ парой ловкихъ плутовъ. Что-жъ, такъ оно и есть; итакъ,

боюсь я, что плутовство Юма будетъ гибелью для герцогини, а ея позоръ будетъ наденіемъ для Гемфри. Что бы тамъ ни вышло, а я получу золото за все (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ-же. Комната во дворцѣ.

Входятъ: Питеръ и другіе съ просьбами.

1-й проситель. Станемъ поближе, господа; милордъ протекторъ скоро здѣсь пройдетъ, и мы тогда можемъ вручить ему наши письменныя просьбы.

2-й проситель. Конечно! Господь его помилуй, онъ добрый человѣкъ! Исусе, благослови его!

Входятъ: Сеффолькъ и королева Маргарита.

1-й проситель. Вотъ онъ, кажется, идетъ, а съ нимъ и королева. Я стою здѣсь первымъ.

2-й проситель. Назадъ, дуракъ! Это герцогъ Сеффолькъ, а не протекторъ.

Сеффолькъ. Что тебѣ, малый? Что тебѣ отъ меня нужно?

1-й проситель. Прошу, милордъ, прощенья: я принялъ васъ за лорда протектора.

Королева Маргарита (*Читаетъ надпись*). „Милорду протектору“.—Вы просите его высочество? Дайте мнѣ посмотрѣть. Въ чемъ твоя просьба?

1-й проситель. Съ позволенія вашего величества, я жалуясь на Джона Гудмана, слугу милорда кардинала, въ томъ, что онъ отнял отъ меня мой домъ, мою землю, мою жеву и все мое.

Сеффолькъ. Такъ и жеву твою тоже? Это, дѣйствительно, дурно.—А твоя—въ чемъ? Это еще что? (*Читаетъ*). „Жалоба на герцога Сеффолька—въ томъ, что онъ огородилъ Мельфордскіе выгоны“. Что это значить, господинъ бездѣльникъ?

2-й проситель. Увы, сударь! Я лишь бѣдный проситель за всѣхъ нашихъ горожанъ.

Питеръ (*Подаяя просьбу*). Жалоба на моего хозяина, Томаса Хорнера, въ томъ, что онъ говорилъ, будто герцогъ Йоркъ—законный наслѣдникъ престола.

Королева Маргарита. Что ты говоришь? Развѣ герцогъ Йоркъ сказалъ, что онъ законный наслѣдникъ престола?

Питеръ. Кто? Мой-то хозяинъ? Нѣтъ, честное слово, не онъ; а мой хозяинъ говорить, что это Йоркъ сказалъ, и еще: что король—похититель престола.

Сеффолькъ. Кто тамъ есть? (*Входятъ слуги*). Возьмите этого человѣка и сейчасъ-

же пошлите съ констаблемъ за его хозяиномъ.—Мы еще услышимъ о твоёмъ дѣлѣ передъ королемъ (*Уходятъ: слуги и Питеръ*).

Королева МАРГАРИТА. Что-же касается васъ, такъ любящихъ защиту крыла милости нашего протектора, то ищите снова свои просьбы и снова обращайтесь къ нему (*Разрываетъ ихъ просьбы*). Вонъ, подлые негодяи! — Сеффолькъ, уберите ихъ.

Всѣ. Ну-же, пойдите! (*Уходятъ просители*).

Королева МАРГАРИТА. Скажите, милордъ Сеффолькъ, таковъ у васъ порядокъ, такой обычай при англійскомъ дворѣ? Такова-ли управленіе острова Британіи, такова-ли царственность короля Альбіона? Какъ? Развѣ все еще король Генрихъ будетъ ребенкомъ, подъ управленіемъ угрюмаго протектора? Развѣ я королева лишь по титулу да по виду, и должна жить подданою герцога? Говорю тебѣ, Пуль, когда ты въ городѣ Турѣ переломилъ копьё въ честь моей любви, и овладѣлъ сердцами французскихъ дамъ,—я вообразила, что король Генрихъ похожъ на тебя храбростью, любезностью и паружностью. Но его умъ склоненъ лишь къ благочестію, къ отсчитыванію своихъ Ave-Maria на четкахъ. Его герои—пророки и апостолы; его оружіе—святыя изрѣченія изъ священнаго писанія; наука для него ристалище, а его возлюбленныя—мѣдныя изображенія причисленныхъ къ лику святыхъ. Я-бы хотѣла, чтобы соборъ кардиналовъ избралъ его въ папы и увезъ въ Римъ, чтобы воздѣтъ тройственную корону на его главу. Это былъ-бы санъ, самый подходящій къ его набожности.

Сеффолькъ. Ваше величество, имѣйте терпѣніе. Какъ я былъ причиной прибытія вашего величества въ Англію, такъ и постараюсь въ Англии, чтобы вы были вполне довольны.

Королева МАРГАРИТА. Кромѣ высокопоставленнаго протектора, есть у насъ еще Бофортъ, властный служитель церкви, Сомерсетъ, Бекингэмъ и ворчливый Йоркъ; и малѣйшій изъ нихъ можетъ сдѣлать въ Англии больше, чѣмъ король.

Сеффолькъ. А тотъ изъ нихъ, который можетъ наибольше сдѣлать, все-же не можетъ сдѣлать въ Англии болѣе Невилей: Сольсбери и Йорикъ, вѣдь, не простые пэры.

Королева МАРГАРИТА. Но всѣ эти лорды и въ половину не такъ сильно досаждаютъ мнѣ, какъ эта горячка, жена лорда протектора: она выступаетъ себѣ при дворѣ, окруженная толпою дамъ, скорѣе какъ императрица, нежели какъ жена герцога Гемфри. При дворѣ иностранцы при-

нимаютъ ее за королеву. На ней надѣты всѣ доходы герцога, а въ сердцѣ своемъ она презираетъ нашу бѣдность. Неужели я не доживу до того, чтобы отомстить ей? Эта сѣбивая, мелкопомѣстная, низкорожденная трешотка, еще на-дняхъ, въ кругу своихъ любимцевъ, хвалилась тѣмъ, что даже шлейфъ худшаго изъ ея платьевъ стоитъ больше, чѣмъ стоили всѣ земли моего отца, прежде, чѣмъ Сеффолькъ отдалъ ему два герцогства за дочь.

Сеффолькъ. Ваше величество, я уже приготовился ловить ее и составилъ такой хоръ увлекательныхъ птицъ, что она сядетъ послушать ихъ пѣсенъ, да больше и не подумаетъ никогда, чтобы безпокоить ваше величество. Такъ оставьте-же ее, милэди, и послушайте меня, осмѣливающегося давать вамъ въ этомъ совѣты. Хоть мы и не любимъ кардинала, но должны быть въ союзѣ съ нимъ и съ лордами, пока не введемъ герцога Гемфри въ немилость. Что-же касается герцога Йорка, то эта недавняя жалоба на него мало принесетъ ему пользы. Итакъ, одного за другимъ, мы выполоемъ ихъ всѣхъ, а сами вы будете счастливо управлять кормиломъ государства.

Входятъ: король Генрихъ, Йоркъ и Сомерсетъ; герцогъ и герцогиня Глостаръ; кардиналъ Бофортъ, Бекингэмъ, Сольсбери и Уорикъ.

Король Генрихъ. Съ моей стороны, благородные лорды, мнѣ все равно: что Сомерсетъ, что Йоркъ, для меня все едино.

Йоркъ. Если Йоркъ дурно поступалъ во Франціи, такъ ему будетъ отказано отъ регенства.

Сомерсетъ. Если я недостоинъ этого мѣста, то пусть Йоркъ будетъ регентомъ: я ему уступаю.

Уорикъ. Достойны-ли ваша свѣтлость, или нѣтъ, не спорьте объ этомъ: Йоркъ все-таки достойнѣе.

Кардиналъ. Честолюбивый Уорикъ, дай говорить старшимъ.

Уорикъ. Кардиналъ мнѣ не старшій на полъ битвы.

Бекингэмъ. Всѣ здѣсь присутствующіе старшіе для тебя, Уорикъ.

Уорикъ. Уорикъ можетъ дожить до того, что будетъ старше всѣхъ.

Сольсбери. Сынь, молчи. А ты, Бекингэмъ, укажи мнѣ причину, почему въ этомъ надо отдать предпочтеніе Сомерсету.

Королева МАРГАРИТА. Конечно, потому, что такъ хочетъ король.

Глостаръ. Ваше величество, король достаточно великъ для того, чтобы самому высказать свое мнѣніе. Это не женское дѣло.

Королева Маргарита. Если онъ достаточно великъ, то для чего-же вашему высочеству быть протекторомъ его величества?

Глостэръ. Я, ваше величество, протекторъ государства и по его желанію могу оставить свой постъ.

Сэффолькъ. Такъ оставь-же его, оставь и свою дерзость. Съ тѣхъ поръ, какъ ты сталъ королемъ, — вѣдь, кто-же король, какъ не ты? — государство съ каждымъ днемъ ближе къ гибели. За моремъ, дофинтъ одер-

щечка, не можешь? (*Даетъ герцогинѣ пощечину*). Прощу прощенія, герцогиня: такъ это вы?

Герцогиня. Такъ, это я! Да, я, гордая французенка, и если-бъ я только имѣла возможность добраться съ ногтями до твоей красоты, то написала-бы свои десять заповѣдей на твоемъ лицѣ.

Король Генрихъ. Милая тетушка, успокойтесь! это она невольна.

Герцогиня. Невольно! Смотри, любезный король, спохватись во-время. Она опу-

жалъ верхъ надъ нами, а всѣ пэры и дворяне государства были рабами твоего величія.

Кардиналъ. Ты изнурилъ народъ налогами. Церковныя суммы отоцали и опустѣли твоими стараніями.

Сомерсетъ. Твои роскошныя зданія и наряды твоей жены стоили огромныхъ суммъ государственной казнѣ.

Бекингэмъ. Твоя жестокость въ наказаніи виновныхъ превзошла всякіе законы и сдѣлала тебя самого жертвою законовъ.

Королева Маргарита. Твой торгъ должностями и городами, если-бы онъ обнаружился, какъ это подозрѣваютъ, заставилъ-бы тебя поплясать безъ головы. (*Глостэръ уходитъ. Королева роняетъ свой вѣеръ*). Подайте-же мой вѣеръ. Что, ду-

таетъ тебя и будетъ нянчить, какъ ребенка. Но, хоть главный повелитель здѣсь и не носитъ штановъ, а всетаки Элеонора отомститъ ему за ударъ (*Уходитъ*).

Бекингэмъ. Лордъ кардиналъ, я послѣдую за Элеонорой и прислушаюсь къ тому, какъ поступитъ Гемфри. Она такъ уколота, что бѣшенство ея не нуждается въ шпорахъ: она сама далеко помчится на свою гибель (*Уходитъ*).

Слова входятъ Глостэръ.

Глостэръ. Теперь, милорды, когда мой гнѣвъ опалъ, вслѣдствіе прогулки вокругъ площади дворца, я пришелъ говорить о дѣлахъ государства. Что же касается вашихъ злобныхъ и невѣрныхъ обвиненій, то докажете ихъ, и я готовъ подлежать законамъ. А Богъ пусть будетъ такъ-же ми-

достивъ ко мнѣ, какъ я вѣренъ любви къ моему королю и отечеству. Но вернемся къ предстоящему намъ дѣлу. Я говорю, государь, что Йоркъ—самый подходящий человѣкъ для того, чтобъ быть вашимъ регентомъ во французскомъ государствѣ.

Сеффолькъ. Прежде, чѣмъ сдѣлать выборъ, позвольте мнѣ указать на нѣкоторыя довольно важныя причины, почему Йоркъ—самый неподходящій для этого человѣкъ.

Йоркъ. Я скажу тебѣ, Сеффолькъ, почему я неподходящій. Во-первыхъ, потому, что я не могу льстить твоей гордости. Во-вторыхъ, потому, что если буду назначенъ на эту должность, милордъ Сеффолькъ задержитъ меня здѣсь, безъ отпуска, безъ денегъ и безъ продовольствія до тѣхъ поръ, пока Франція не будетъ опять въ рукахъ дофина. Последний разъ я тоже плясалъ по его дудкѣ, пока Парижъ не былъ осажденъ, взятъ голодомъ и потерянъ.

Уорикъ. Я тому свидѣтель: ни одинъ измѣнникъ своей странѣ не сдѣлалъ бы столь гнуснаго поступка.

Сеффолькъ. Молчи, непокорный Уорикъ.

Уорикъ. Чего мнѣ молчать, олицетворенная гордость?

Входятъ слуги Сеффолька и вводятъ Хорнера и Питера.

Сеффолькъ. Вотъ человѣкъ, обвиняющій въ измѣнѣ; дай Богъ, чтобы герцогъ Йоркъ могъ оправдаться!

Йоркъ. Развѣ кто обвиняетъ Йорка въ измѣнѣ?

Король Генрихъ. Что ты хочешь сказать, Сеффолькъ? Скажи мнѣ, кто это такіе?

Сеффолькъ. Съ позволенія вашего величества, это слуга, который обвиняетъ своего господина въ государственной измѣнѣ. Вотъ его слова, — что Ричардъ герцогъ Йоркъ законный наследникъ англійскаго престола и что ваше величество—незаконный похититель власти.

Король Генрихъ. Скажи, любезный, это твои слова?

Хорнеръ. Съ позволенія вашего величества, я никогда не говорилъ и не думалъ ничего подобнаго. Богъ свидѣтель, что меня ложно обвиняетъ этотъ негодяй.

Питеръ. Милорды, клянусь этими десятью костями (указываетъ на свои пальцы), говорилъ мнѣ онъ это, когда мы однажды ночью, на чердакѣ, чистили латы милорда Йорка.

Йоркъ. Подлый мусорщикъ и хитрый негодяй! Я сниму съ тебя голову за твои предательскія рѣчи.—Я прошу ваше вели-

чество подвергнуть его всей строгости законовъ.

Хорнеръ. Увы, милордъ! Хотя повѣсьте меня, никогда я этого не говорилъ. Мой обвинитель—мой-же ученикъ. На дняхъ я проучилъ его за что-то, а онъ на колѣняхъ поклялся, что поквитается со мною. Я могу это доказать: поэтому, умоляю ваше величество, не губить честнаго человѣка по обвиненію негодяя.

Король Генрихъ. Дядюшка, что скажемъ мы на это дѣло по закону?

Глостеръ. Вотъ каковъ мой приговоръ, милордъ, насколько я могу судить. Пусть Сомерсетъ будетъ регентомъ французовъ, если на Йорка падаетъ подозрѣніе. А людямъ этимъ пусть назначатъ день для поединка въ подобающемъ мѣстѣ, потому что у хозяина есть доказательство, что его слуга жлетъ. Таковъ законъ и таковъ приговоръ герцога Гемфри.

Сомерсетъ. Благодарю покорно, ваше королевское величество.

Хорнеръ. А я охотно принимаю поединокъ.

Питеръ. Увы, милордъ! Я не могу драться. Ради Бога, скажитесь надо мною! Людская злоба оселила меня. О, Господи, помилуй меня! Я никогда не буду въ состояніи нанести ни одного удара. О, Господи, мое сердце...

Глостеръ. Или ты, мошенникъ, будешь драться, или тебя повѣсятъ!

Король Генрихъ. Ведите ихъ въ тюрьму, а день поединка пусть будетъ послѣдній въ будущемъ мѣсяцѣ. Пойдемъ, Сомерсетъ, озаботимся, какъ тебя отправить (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Тамъ-же. Садъ герцога Глостера.

Входятъ: Марджери Джорданъ, Юмъ, Саусуэль и Болингброкъ.

Юмъ. Идите, господа; говорю вамъ, что герцогиня ожидаетъ исполненія вашихъ обѣщаній.

Болингброкъ. Господинъ Юмъ, мы къ этому приготовились. Желаетъ-ли ея свѣтлость видѣть и слышать наши заклинанія?

Юмъ. Да; какъ-же иначе? Не сомфвайтесь въ ея храбрости.

Болингброкъ. Я слышалъ, про нее говорятъ, будто она женщина непоколебимаго, непреоборимаго духа; но всетаки было-бы удобнѣе, господинъ Юмъ, чтобъ

вы были при ней, наверху, пока мы будемъ работать внизу. Итакъ, идите съ Богомъ, оставьте насъ (*Юмъ уходитъ*). Ну, тетка Джордэнъ, ложись, скорчись на землѣ ничкомъ, а ты, Джонъ Саусуэль, читай и примемся за дѣло.

Иходитъ наверху герцогиня.

Герцогиня. Хорошо сказано, господа; добро пожаловать вамъ всѣмъ. За дѣло-же, и тѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Болингброкъ. Терпѣніе, добрая леди: чародѣи знаютъ свое время. Глубокая ночь, темная, черная ночь, безмолвная ночь, почное время, когда зажжена была Троя; то время ночи, когда кричатъ сычи, воютъ сторожевые псы, когда духи бродятъ, а привидѣнія развѣрзаютъ свои могилы,— вотъ самое подходящее время для дѣла, которое намъ предстоитъ. Садитесь, сударыня, и не бойтесь: мы замкнемъ въ священномъ кругу того, кого вызываемъ (*Тутъ они исполняютъ подобающія церемоніи и чертятъ кругъ; Болингброкъ или Саусуэль читаетъ: „Conjuro te“, и т. д. Страшный громъ и молнія; затѣмъ появляется духъ*).

Духъ. Adsum.

Марджери Джордэнъ. Азъмать! Именемъ вѣчнаго Бога, передъ именемъ и властью котораго ты трепещешь, отвѣчай на мои вопросы; ты не отойдешь отсюда, пока всего не скажешь.

Духъ. Спрашивай, что угодно.—Хоть бы скорѣе я отвѣтилъ и покончилъ!

Болингброкъ. Прежде всего король. Что съ нимъ будетъ?

Духъ. Еще живъ герцогъ, который свергнетъ Генриха; но тотъ его переживетъ и умретъ насильственной смертью (*По мѣрѣ того, какъ духъ говоритъ, Саусуэль записываетъ его отвѣты*).

Болингброкъ. Какая судьба ожидаетъ герцога Сеффолька?

Духъ. Отъ воды онъ умретъ, отъ нея приметъ свою кончину.

Болингброкъ. Что постигнетъ герцога Сомерсета?

Духъ. Пусть онъ избѣгаетъ замковъ: ему безопаснѣе въ песчаныхъ равнинахъ, нежели тамъ, гдѣ стоятъ возвышенные замки. Кончай-же; я больше не могу терпѣть.

Болингброкъ. Спустись-же во мракъ и въ огненное море. Злой духъ, удались! (*Громъ и молнія. Духъ спускается*).

Входятъ торопливо Йоркъ и Бекингэмъ со стражей.

Йоркъ. Возьмите этихъ измѣнниковъ и весь ихъ скарбъ. Красотка, мы за тобой слѣдили по пятамъ. Какъ, сударыня, и вы здѣсь? Король и государство вамъ глубоко обязаны за такіе труды. Я не сомнѣваюсь, что лордъ протекторъ озаботится хорошенько васъ наградить за такія добрыя дѣла.

Герцогиня. Онѣ и въ половину не такъ дурны, какъ твои относительно короля Англии, дерзкій герцогъ, угрожающій безъ причины.

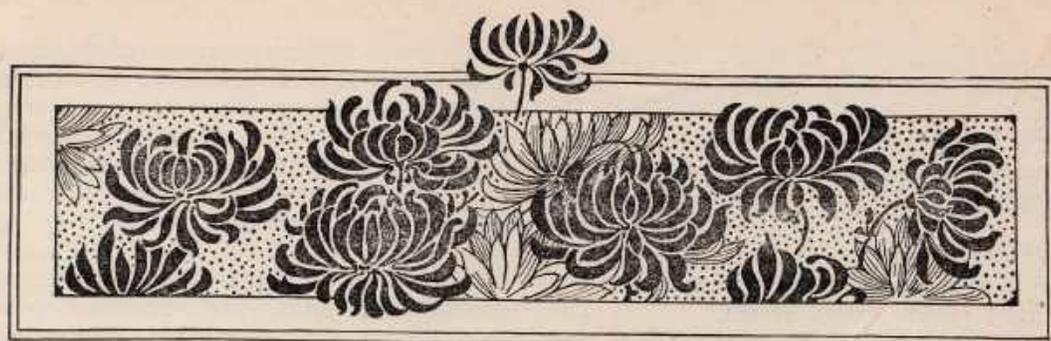
Бекингэмъ. Совершенно вѣрно, сударыня: безо всякой причины. А какъ это по вашему называется? (*Показываетъ ей бумаги*). А тѣхъ ведите прочь! Заприте ихъ покрѣпче и держите порознь. Вы, сударыня, отравитесь съ нами. Стаффордъ, бери ее съ собой (*Герцогиня уходитъ соверху*). Мы позаботимся, чтобы и бездѣлушки ваши были представлены на судъ. Уходите вы всѣ! (*Уходятъ: стража, Саусуэль, Болингброкъ и др.*).

Йоркъ. Лордъ Бекингэмъ, мнѣ кажется, вы выслѣдили ее хорошо. Прекрасная завязка, удачно выбранная для того, чтобы ее развить. А теперь, милордъ, пожалуйте, посмотримъ бѣсовскія письма. Что-то тамъ есть? (*Читаетъ*). „Еще живъ герцогъ, который свергнетъ Генриха; но онъ его переживетъ и умретъ насильственной смертью“. Ну, это точь въ точь, какъ: „Aio te, Æacida, Romanos vincere posse“. Ну, что-же дальше? „Скажи мнѣ, какая судьба ожидаетъ герцога Сеффолька?“— „Отъ воды онъ умретъ, отъ нея приметъ свою кончину“.—Что постигнетъ герцога Сомерсета? „Пусть онъ избѣгаетъ замковъ: ему безопаснѣе въ песчаныхъ равнинахъ, нежели тамъ, гдѣ стоятъ возвышенные замки“. Такъ-то, милорды: трудно добыты эти предсказанія и трудно онѣ понимаются. Король теперь на пути въ Сейнт-Ольбэнсъ, а съ нимъ и супругъ этой прелестной леди. Туда пойдутъ эти вѣсти, какъ только могутъ они скорѣе донести печальный завтракъ для лорда протектора.

Бекингэмъ. Милордъ Йоркъ, не разрѣшить-ли мнѣ ваша свѣтлость быть на этотъ разъ почтальономъ, въ надеждѣ получить отъ него награду?

Йоркъ. Если вамъ угодно, любезный лордъ. Эй, кто тамъ есть? (*Входитъ слуга*). Проси милордовъ Сольсбери и Уорика завтра вечеромъ ко мнѣ на ужинъ. Идемте! (*Уходятъ*).

Дѣйствіе второе.

СЦЕНА I.

Сентъ-Ольбэнсъ.

Входятъ: Король Генрихъ, королева Маргарита, Глостэръ, Кардиналъ и Сеффольтъ; сокольничіи перекликаются.

Королева Маргарита. Повѣрьте мнѣ, лорды, до сегодня я за послѣдніе семь лѣтъ еще не видала такой удачной охоты за водяными птицами. Однако, надо замѣтить, что вѣтеръ былъ очень силенъ и было десять шансовъ противъ одного, что старый Джонъ не взлетитъ.

Король Генрихъ. Но какой взмахъ, милордъ, сдѣлалъ вашъ соколъ и насколько выше остальныхъ онъ поднялся! Какъ Божьи дѣянія видны на всѣхъ его твореньяхъ! Да! какъ птицы, такъ и люди стремятся въ вышину.

Сеффольтъ. Ничего мудренаго, съ позволенія вашего величества, что сокола лорда протектора парятъ такъ высоко: они знаютъ, что господинъ ихъ любить вышину, и мысли свои возносятъ выше соколиного полета.

Глостэръ. Милордъ, лишь человекъ, низкій и подлый душою, не поднимется выше птичьяго полета.

Кардиналъ. Такъ я и думалъ: онъ хочетъ быть превыше облаковъ.

Глостэръ. Да, милордъ кардиналъ, какъ вамъ это покажется? Развѣ не хорошо-бы было для вашего высокопреподобія залетѣть на небо?

Король Генрихъ. Въ хранилище прѣвѣчнаго блаженства.

Кардиналъ. Твое небо—земля, глаза твои и мысли направлены къ коронѣ,—сокровищу твоей души. Ты зловредный протекторъ, опасный сэръ, который ластится къ королю и государству.

Глостэръ. Что это, кардиналъ? Развѣ ужъ ваше священство стало такъ догматично? *Tantaene animis coelestibus irae?* Развѣ служители Церкви такъ горячатся? Любезный дядя, припрятъте вашу злобу: можете-ли вы это сдѣлать при вашей святости?

Сеффольтъ. Это не злоба, сэръ; это не болѣе того, что пристало такой доброй ссорѣ и такому плохому перу.

Глостэръ. Какъ это, милордъ?

Сеффольтъ. Ну, какъ вы, милордъ, какъ ваше высокопротекторатство!

Глостэръ. Ну, Сеффольтъ, дерзость твоя извѣстна по всей Англіи.

Королева Маргарита. И твое честолюбіе также, Глостэръ.

Король Генрихъ. Молчи, прошу тебя, любезная королева; не подстрекай болѣе этихъ разъяренныхъ сэрровъ, ибо блаженны миротворцы на землѣ.

Кардиналъ. Да буду благословенъ за тотъ миръ, который я своимъ мечомъ водворю въ этомъ надменномъ протекторѣ.

Глостэръ. (*Въ сторону кардиналу*). Клянусь, любезный дядя, я-бы желалъ, чтобы до этого дошло!

Кардиналъ (*Въ сторону*). Что-жъ, пожалуй, коли посмѣешь.

Глостэръ (*Въ сторону*). Не обращай на это дѣло вниманія кучки мятежниковъ; своей собственной особой отвѣтъ за оскорбленіе.

Кардиналъ. (*Въ сторону*). Хорошо, но только тамъ, куда бы ты не смѣлъ заглянуть; а если осмѣлишься, такъ сегодня вечеромъ на восточной опушкѣ рощи.

Король Генрихъ. Чего вы, лорды?

Кардиналъ. Повѣрь мнѣ, кузень Глоустэръ, если-бъ слуга твой не поймалъ дичи такъ внезапно, мы еще поохотились-бы (*Въ сторону Глоустэру*). Приноси свой мечъ въ двѣ рукоятки.

Глоустэръ. Совершенно вѣрно, дядя.

Кардиналъ. (*Въ сторону*). Такъ что-жъ вы, разсудили? Съ восточной стороны рощи.

Глоустэръ. (*Въ сторону*). Кардиналъ, я съ вами согласенъ.

Король Генрихъ. Ну, что тамъ, дядя Глоустэръ?

Глоустэръ. Толкуемъ о соколиной охотѣ и ни о чемъ другомъ, ваше величество (*Въ сторону*). Ну, клянусь Матерью Господней, полъ, я за это выбрѣю тебѣ макушку или мое ратное искусство оплошаать.

Кардиналъ. (*Въ сторону*) *Medice, te ipsum, протекторъ; и ты*

также остерегайся. Оберегай также и себя.

Король Генрихъ. Вѣтеръ усиливается, и вашъ гнѣвъ также, лорды. Какъ докучная музыка отзывается онъ въ моемъ сердцѣ! Когда разрываются такія узы, какая можетъ быть надежда на согласіе? Прощу васъ, милорды, дайте мнѣ уладить эту ссору.

Входитъ горожанинъ Сентъ-Ольбэнса, крича: Чудо!

Глоустэръ. Что значить этотъ шумъ? Что за чудо ты провозглашаешь?

Горожанинъ. Чудо! Чудо!

Сеффолькъ. Подойди къ королю и разскажи ему, что это за чудо?

Горожанинъ. Кланусь вамъ, какой-то слѣпой, полчасу тому назадъ, прозрѣлъ у раки святого Ольбэнса, — слѣпой, никогда въ жизни прежде не видавшій свѣта.

Король Генрихъ. Хвала Господу, который даетъ душамъ вѣрующимъ свѣтъ въ потемкахъ и утѣшеніе въ отчаяніи.

Входятъ: мэръ Сентъ-Ольбэнса со своею братіей; Симпкоксъ, котораго двое людей несутъ на креслѣ; его жена и множество народа.

Кардиналъ. Вотъ горожане идутъ процессіей, чтобы представить этого чело-вѣка вашему величеству.

Король Генрихъ. Велика его отрада въ сей земной юдоли, хотя зрѣніемъ умножается его грѣхи.

Глоустэръ. Помогите, господа, поднесите его ближе къ королю. Его величеству угодно говорить съ нимъ.

Король Генрихъ. Разскажи намъ, добрый чело-вѣкъ, какъ было дѣло, чтобы и мы вмѣстѣ съ тобою могли воздать хвалу Богу. Какъ? Неужели ты уже давно былъ слѣпъ, а теперь прозрѣлъ?

Симпкоксъ. Родился слѣпымъ, съ позволенія вашего величества.

Жена. Да, именно, такъ точно.

Сеффолькъ. Что это за женщина?

Жена. Его жена, съ позволенія вашей свѣтлости.

Глоустэръ. Если-бъ ты была его матерью, ты могла-бы это сказать вѣрнѣе.

Король Генрихъ. Гдѣ ты родился?

Симпкоксъ. На сѣверѣ, въ Беруикѣ, съ позволенія вашего величества.

Король Генрихъ. Бѣдняга! велика милость Божія къ тебѣ. Пусть-же не проходитъ ни дня, ни ночи, неосвященными памятью о томъ, что сдѣлалъ для тебя Господь.

Королева Маргарита. Скажи мнѣ, добрый чело-вѣкъ, случайно-ли ты сюда пришелъ, къ этой святой рацѣ, или изъ благоговѣнія?

Симпкоксъ. Богу извѣстно, что изъ чистаго благоговѣнія. Разъ сто, или еще того чаще, меня звалъ святой Ольбэнсъ, говоря: — Иди, Симпкоксъ, иди къ моей рацѣ, и я тебѣ помогу!

Жена. Въ самомъ дѣлѣ, это вѣрно; а сама часто слышала, какъ голосъ его звалъ.

Кардиналъ. Какъ? Да ты еще и хромъ?

Симпкоксъ. Да; помоги мнѣ Всемогущій!

Сеффолькъ. Какъ это съ тобой случилось?

Симпкоксъ. При паденіи съ дерева.

Жена. Со сливы, господишь.

Глостэръ. Давно-ли ты ослѣпъ?

Симпкоксъ. О, я такъ, родился, господинь.

Глостэръ. Какъ? И все-таки хотѣлъ влѣзть на дерево?

Симпкоксъ. Но вѣдь это лишь въ юности, за всю мою жизнь.

Жена. Даже слишкомъ вѣрно: вотъ онъ и заплатилъ дорого за это лазанье.

Глостэръ. Клянусь всѣмъ святымъ, ты очень любилъ сливы, если вздумалъ такъ рисковать.

Симпкоксъ. Увы, господинь, женѣ моей хотѣлось дамаскихъ сливъ, и она заставила меня лѣзть съ опасностью жизни.

Глостэръ. Хитрый плутъ; но это ему, однако, не поможетъ.—Дай мнѣ посмотрѣть твои глаза. Теперь моргни; теперь открой ихъ.—По моему ты не хорошо видишь.

Симпкоксъ. Напротивъ, господинь: ясно, какъ днемъ, и благодарю Бога и святаго Ольбэнса

Глостэръ. И ты вѣрно говоришь? А какого цвѣта этотъ плащъ?

Симпкоксъ. Краснаго, господинь; краснаго, какъ кровь.

Глостэръ. Что-жъ это сказано прекрасно. Какого цвѣта моя одежда?

Симпкоксъ. Да чернаго, конечно;—чернаго, какъ уголь, какъ черный янтарь.

Король Генрихъ. Такъ ты, значить, знаешь, какого цвѣта черный янтарь?

Сеффолькъ. А между тѣмъ онъ, кажется, никогда не видалъ чернаго янтара.

Глостэръ. Но видѣлъ, до сегодня, много плащей и платьевъ.

Жена. Никогда, до сегодня, во всей своей жизни.

Глостэръ. Скажи мнѣ, малый: какъ его имя?

Симпкоксъ. Увы, господинь, я не знаю.

Глостэръ. А его?

Симпкоксъ. Право, господинь, не знаю.

Глостэръ. А какъ твое собственное?

Симпкоксъ. Саундеръ Симпкоксъ, съ дозволенія вашего, господинь.

Глостэръ. Ну, постой же, Саундеръ, самый лживый изъ плутовъ во всемъ христіанскомъ мірѣ! Если-бы ты родился слѣпымъ, ты все-таки могъ-бы знать наши имена, такъ же, какъ и назвать различные цвѣта нашихъ платьевъ. Зрѣніемъ можно различить цвѣта, но тотчасъ-же назвать ихъ всѣ невозможно. Милорды, святой Ольбэнсъ сдѣлалъ чудо, а какъ вамъ покажется искусство того, кто возвратитъ ноги этому калѣкѣ?

Симпкоксъ. О, господинь, если-бъ вы могли!

Глостэръ. Господа сентъ-ольбэнцы, итъ-ли у васъ въ городѣ караульныхъ и того, что называютъ кнутами?

Мэръ. Конечно, милордъ, къ вашимъ услугамъ.

Глостэръ. Ну, такъ пошлите сейчасъ-же за однимъ изъ нихъ.

Мэръ. Ступай, малый, и приведи караульнаго прямо сюда (*Уходитъ одинъ изъ служителей*).

Глостэръ. А теперь, пока, подайте мнѣ сюда скамейку. (*На сцену выносятъ скамейку*). Ну, малый, если хочешь спастись отъ кнута, перескочи мнѣ черезъ эту скамейку и бѣги прочь.

Симпкоксъ. Увы, господинь, я даже не могу стоять безъ поддержки, одинъ; вы хотите мучить меня понапрасну.

Возвращается слуга и караульный съ кнутомъ.

Глостэръ. Ну, сэръ, мы должны заставить васъ развѣсать ваши ноги. Бей его, служивый, пока онъ не перескочитъ черезъ эту самую скамейку.

Караульный. Слушаю, милордъ. Ну-ка, малый, живо долой рубаху!

Симпкоксъ. Увы, господинь! Что-же мнѣ дѣлать? Я не въ состоянн даже стоять. (*Послѣ того, какъ караульный хватилъ его одинъ разъ, онъ перескакиваетъ черезъ скамейку и убѣгаетъ прочь; за нимъ слѣдуетъ народъ, съ крикомъ: „Чудо!“*).

Король Генрихъ. О, Боже! Ты это видишь и терпишь такъ долго?

Королева Маргарита. Мнѣ было смѣшно смотрѣть, какъ побѣждалъ этотъ негодяй.

Глостэръ. Ступайте за кнутомъ и уберите прочь эту шлюху.

Жена. Увы, сэръ, мы это сдѣлали вѣдь просто отъ нужды.

Глостэръ. Пусть ихъ бьютъ кнутомъ въ каждомъ торговомъ городѣ, пока они не дойдутъ до Беруика, изъ котораго пришли (*Уходятъ: Мэръ, караульный, жена Симпкокса и др.*).

Кардиналъ. Герцогъ Гемфри совершилъ сегодня чудо.

Сеффолькъ. Это правда: онъ заставилъ хромого скакать и бѣгать.

Глостэръ. Но вы сдѣлали больше чудесъ, чѣмъ я: вы, милордъ, обратили въ бѣгство въ одинъ день цѣлые города.

Входитъ Бекингэмъ.

Король Генрихъ. Какія вѣсти привнесъ кузень нашъ Бекингэмъ?

Бекингэмъ. Такія, что сердце мое замираетъ ихъ открытъ. Кучка злыхъ людей, склонныхъ къ ненотребнымъ дѣламъ, подъ предводительствомъ и при сообщничествѣ леди Элеоноры, супруги протектора,—главы

и начальницы этого возмущенія, — злоумышляли противъ вашего государства, водились съ колдуньями и чародѣями, которыхъ мы и накрыли на мѣстѣ преступленія, когда они вызывали злыхъ духовъ изъ преисподней, вопрошая ихъ о жизни и смерти короля Генриха и другихъ частныхъ совѣтниковъ вашего высочества, о чемъ ваша свѣтлость знаете болѣе подробно.

Кардиналъ. Итакъ, милордъ протекторъ, вслѣдствіе этого, ваша супруга предстанетъ въ Лондонѣ на судъ. Эта вѣсть, я думаю, направила иначе остріе вашего оружія. Весьма вѣроятно, милордъ, что вы не соблюдете своего часа.

Глостэръ. Честолюбивый служитель

этихъ гнусныхъ оскорбителей и взвѣсить это дѣло на безпристрастныхъ вѣсахъ правосудія, господство которыхъ непоколебимо для того, чья правда сильнѣе (*Трубы. Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Садъ герцога Йорка.

Входятъ: Йоркъ, Сольсбери и Уорикъ

Йоркъ. Теперь, любезные лорды Сольсбери и Уорикъ, когда нашъ скромный ужинъ оконченъ, дозволейте мнѣ узнать, въ

церкви, перестань огорчать мое сердце. Горе и тоска одолѣли всѣ мои силы, и — побѣжденный (какимъ я и есть) — я уступаю тебѣ, какъ уступилъ-бы и подлѣйшему изъ рабовъ.

Король Генрихъ. О, Боже! Какія бѣды творятъ злые и тѣмъ самымъ навлекаютъ посрамленіе на свою же голову!

Королева Маргарита. Видишь, Глостэръ, какое пятно на твоемъ гнѣздѣ; смотри же, чтобъ ты самъ былъ лучше, безупречнѣе.

Глостэръ. Ваше величество, что касается меня, я призываю Небо въ свидѣтели, какъ я любилъ своего короля и государство. Что же касается моей жены, я не знаю, что это таксе. Мнѣ грустно слышать то, что я услышалъ. Она благородна; но если она забыла честь и добродѣтель и звалась съ тѣми, которые, какъ сажа, мараютъ дворянство, — я изгоняю ее отъ своего ложа и общества и отдаю ее въ добычу законамъ и позору, который обезславилъ честное имя Глостэра.

Король Генрихъ. Ну, на эту ночь мы отдохнемъ здѣсь, а завтра снова направимся обратно въ Лондонъ рассмотреть то дѣло основательно, призвать къ отвѣту

этихъ укромныхъ аллеяхъ, для моего собственнаго удовлетворенія, ваше мнѣніе о томъ, что мои права на англійскій престолъ неоспоримы.

Сольсбери. Милордъ, мнѣ не терпится услышать о нихъ подробно.

Уорикъ. Милый Йоркъ, начинай-же; и если твои права вѣрны, то Невиллы готовы быть твоими послушными подданными.

Йоркъ. Такъ вотъ оно какъ. У Эдуарда Третьяго, милорды, было семеро сыновей. Первый — Эдуардъ, Черный принцъ, принцъ Уэльскій; второй — Уильямъ Хетфильдскій; третій — Лионель, герцогъ Кларенскій, а за нимъ слѣдующимъ былъ Джонъ Гаунтъ, герцогъ Ланкастеръ; пятый — Эдмондъ Лэнгли, герцогъ Йоркскій; шестой — Томасъ Уустокъ, герцогъ Глостэръ; Уильямъ Уиндзорскій былъ седьмой и послѣдній. Эдуардъ, Черный принцъ, умеръ прежде своего отца и оставилъ послѣ себя единственнаго сына, Ричарда, который, по смерти Эдуарда Третьяго, царствовалъ, пока Генрихъ Болиброкъ, герцогъ Ланкастеръ, старшій сынъ и наслѣдникъ Джона Гаунта, коронованный подъ именемъ Генриха Четвертаго, не завладѣлъ правленіемъ, не свергнулъ законнаго короля и не отпра-

вилъ его бѣдную супругу во Францію, откуда она и прибыла, а его самого въ Помфреть,—гдѣ, какъ вамъ всѣмъ извѣстно, безобидный Ричардъ былъ предательски убитъ.

Уорикъ. Отецъ, герцогъ говорить правду: такимъ-то образомъ Ланкастерскій домъ добылъ себѣ корону...

Йоркъ. Которую и удерживаетъ теперь за собой силой, но не правомъ, потому-что по смерти Ричарда, наслѣдника перваго сына, надлежало царствовать потомкамъ слѣдующаго сына.

Сольсбери. Но Уильямъ Хэтфильдскій умеръ, не оставивъ наслѣдника.

Йоркъ. Третій сынъ, герцогъ Кларенсъ, по линіи котораго я требую короны, имѣлъ потомство:—дочь Филиппу, которая вышла за Эдмонда Мортимера, графа Марча; Эдмондъ имѣлъ потомство:—Роджера Марча; Роджеръ имѣлъ потомство: Эдмонда, Анну и Элеонору.

Сольсбери. Этотъ Эдмондъ, въ царствованіе Болинброка, какъ я читалъ объ этомъ, предъявилъ свои права на корону и былъ бы королемъ, если-бъ не Оуэнъ Глендауэръ, который продержалъ его въ заточеніи, пока онъ не умеръ. Но вернемся къ остальнымъ.

Йоркъ. Его старшая сестра, Анна, моя мать, наслѣдница короны, вышла за графа Кэмбриджа, который былъ сыномъ Эдмонда Лэнгли, пятаго сына Эдуарда Третьяго. По ней я и требую себѣ королевства: та была наслѣдницей Роджера, графа Марча, который былъ сыномъ Эдмонда Мортимера, женатаго на Филиппѣ, единственной дочери Лиеалея, герцога Кларенса. Итакъ, если потомкамъ старшаго сына подобаетъ наслѣдовать прежде младшаго, то я король.

Уорикъ. Какой ясный выводъ можетъ быть еще яснѣе? Генрихъ требуетъ корону черезъ Джона Гаунта, четвертаго сына; Йоркъ требуетъ ее черезъ третьяго. Пока не порвется линія Лиеалея, онъ не долженъ царствовать; а она еще не прервалась, но процвѣтаетъ въ тебѣ, въ твоихъ сыновьяхъ, прекрасныхъ отпрыскахъ этого древа. Ну, отецъ мой, Сольсбери, преклонимъ-же колѣна и, въ этомъ уединенномъ мѣстѣ, пусть мы первые привѣтствуемъ своего законнаго государя, съ почестью, подобающей его родовому праву на корону.

Она. Да здравствуетъ нашъ государь Ричардъ, король англійскій!

Йоркъ. Благодаримъ васъ, лорды! Но я не король вамъ, пока не коронованъ и пока мечъ мой еще не обогрѣнъ живой еще кровью Ланкастерскаго дома; а сдѣлать это надо не сразу, но разсудительно и въ таинственномъ молчаніи. Въ эти опасныя вре-

мена дѣлайте, какъ я: закрывайте глаза на дерзость герцога Сеффолька, на гордость Бофорта, на честолюбіе Сомерсета, Бекингема и на всю ихъ клику, пока они не поймаютъ въ западню пастуха всего стада—добродѣтельнаго принца, добраго герцога Гемфри. Они этого ищутъ и, ища, найдутъ себѣ смерть, если Йоркъ можетъ быть пророкомъ.

Сольсбери. Милордъ, оставимъ это: мы уже знаемъ ваше мнѣніе подробно.

Уорикъ. Мое сердце говоритъ мнѣ, что графъ Уорикъ нѣкогда сдѣлаетъ герцога Йорка королемъ.

Йоркъ. А я, Невиль, вотъ въ чемъ увѣренъ: Ричардъ доживетъ до того, что сдѣлаетъ графа Уорика величайшимъ въ Англии человекомъ, послѣ короля (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тамъ-же. Зала суда.

Трубы. Входятъ: Король Генрихъ, королева Маргарита, Глостэръ, Йоркъ, Сеффолькъ и Сольсбери; герцогиня Глостэръ, Марджерия Джордэнъ, Саусуаль, Юмъ и Блинброкъ подъ стражей

Король Генрихъ. Подойдите, Элеонора Кобэмъ, супруга Глостэра. Предъ лицомъ Божиимъ и моимъ ваша вина велика; прими-же возмездіе, надлежащее по закону за грѣхи, которые въ писаніи Божиимъ караются смертью (*къ Марджерия Джордэнъ и др.*). Вы, четверо, отсюда опять вернетесь въ тюрьму, а оттуда—на мѣсто казни; колдунью въ пепель сожгутъ въ Смиффилдѣ, а васъ троихъ удавятъ на висѣлицѣ.—А вы, сударыня, такъ какъ вы благороднаго происхожденія, послѣ трехдневнаго наказанія передъ народомъ, будете на всю жизнь лишены почестей и поселитесь съ сэромъ Джономъ Стэнли на родинѣ, въ изгнаніи, на островѣ Мэнѣ.

Герцогиня. Я довольна изгнаніемъ, но была-бы довольнѣе смертью.

Глостэръ. Элеонора, ты видишь, что законъ осудилъ тебя: я не могу оправдывать тѣхъ, кого осуждаетъ законъ (*Уходятъ: герцогиня и другіе заключенные подъ стражей*). Глаза мои полны слезъ, а сердце—горя. Ахъ, Гемфри! Такой позоръ въ твои годы съ горя наклонить твою голову къ землѣ.

Глостэръ. Умоляю ваше величество отпустить меня: печаль моя требуетъ утешенія, а мои годы—спокойствія.

Король Генрихъ. Постой, Гемфри, герцогъ Глостэръ. Прежде, чѣмъ уйти, от-

дай мнѣ свой жезлъ. Генрихъ самъ будетъ себѣ протекторомъ, а Богъ будетъ моею опорой, моимъ проводникомъ, фонаремъ, освѣщающимъ шаги мои. Иди съ миромъ, Гемфри, не менѣе любимый, чѣмъ когда ты былъ протекторомъ твоего короля.

Королева Маргарита. Я не вижу причины, почему-бы совершеннолѣтній король пуждался въ протекторствѣ, какъ ребенокъ. Богъ и король Генрихъ пусть правятъ кормиломъ Англiи! Отдайте, сэръ, вашъ жезлъ, а королю — его государство.

Глостэръ. Мой жезлъ? Благородный Генрихъ, вотъ мой жезлъ: я отдаю его такъ-же охотно, какъ Генрихъ, твой отецъ, отдалъ его мнѣ; я даже также охотно оставляю его у ногъ твоихъ, какъ другiе изъ

готовы вступить въ борьбу; такъ не угодно-ли будетъ вашему величеству посмотрѣть на нихъ поединокъ?

Королева Маргарита. Конечно, любезный лордъ: я для того и оставила дворецъ, чтобы видѣть разбирательство этой ссоры.

Король Генрихъ. Ради Бога, посмотрите, чтобы арена и все остальное было въ порядкѣ: пусть ссора тутъ и кончится, и да защитить правого Господь!

Горкъ. Никогда еще не видалъ я человека болѣе трусливаго и не подготовленнаго къ битвѣ, какъ истецъ, — слуга этого оружейника, милорды.

Входятъ съ одной стороны: Хорнеръ и его сосѣди, пьющiе за его здоровье столько,

честолюбiя принялъ-бы его. Прощай, добрый король: когда меня не будетъ, пусть отраднiй миръ охраняетъ твой тронъ (*Уходитъ*).

Королева Маргарита. Вотъ теперь Генрихъ король, а Маргарита королева, и Гемфри, герцогъ Глостэръ — самъ не свой, вынесши такой сильный ударъ, — два удара сразу: жена въ изгнанiи и одинъ изъ его членовъ оторванъ отъ него — этотъ жезлъ, дающiй власть. Пусть онъ теперь остается тамъ, гдѣ ему скорѣе всего подобаешь быть, — въ рукѣ Генриха.

Сеффолькъ. Какъ склоняется величественная сова, опуская свои вѣтви, такъ гордость Элеоноры кончается въ своемъ младенчествѣ.

Горкъ. Лорды, будетъ о немъ. Съ позволенiя вашего величества, сегодня день, назначенный для поединка; отвѣтчикъ и истецъ, — оружейникъ и его работникъ, —

что онъ даже пьянъ. Онъ входитъ съ дубинкой, на которой виситъ мяшокъ съ пескомъ; передъ нимъ идетъ барабанщикъ. Съ другой стороны: Питеръ, тоже съ барабанникомъ и съ подобной-же дубинкой; съ нимъ мастеровые, пьющiе за его здоровье.

1-й сосѣдъ. Вотъ, сосѣдъ Хорнеръ, пью чарку хереса за твое здоровье. Не бойся-же, сосѣдъ, все тебѣ удется.

2-й сосѣдъ. А я, сосѣдъ, чарку шарнеко.

3-й сосѣдъ. А я, сосѣдъ, чарку добраго двойнаго пива. Пей и не бойся своего работника.

Хорнеръ. За дѣло-же, и я, ей-Богу, не ударю передъ вами въ грязь лицомъ, а Питеру — фигу.

1-й мастеровой. Вотъ, Питеръ, пью за твое здоровье; не грусъ-же!

2-й мастеровой. Радуйся, Питеръ, и

не бойся хозяина: дерись-же во славу мастеровыхъ.

Питеръ. Благодаримъ васъ всѣхъ. Пейте и, прошу васъ, молитесь за меня: сдается мнѣ, что я ужъ выпилъ послѣдній свой глотокъ на землѣ. Тебѣ, Робинъ, если умру, отдаю свой передникъ; а ты, Уиль, получишь мой молотокъ, а тебѣ, Томъ, воть всѣ деньги, сколько у меня есть. О, Господи, благослови меня! Я прибѣгаю къ Богу, потому что ни за что не смогу справиться съ хозяиномъ, который уже много обучался фехтованью.

Сольсбери. Ну, будетъ вамъ пить, принимайтесь за драку. Какъ твое имя, малый?

Питеръ. Ну, Питеръ, конечно.

Сольсбери. Питеръ! А дальше какъ?

Питеръ. Тузилка.

Сольсбери. Тузилка? Ну, смотри-же, тузи своего хозяина хорошенько.

Хорнеръ. Господа, я пришелъ сюда, такъ сказать, по подстрекательству моего мастерового, чтобы доказать, что онъ плутъ, а я—честный человекъ. Что-же касается герцога Йорка, пусть я умру, а не желалъ я никакого зла ни ему, ни королевѣ. А потому, Питеръ, приготовься къ настоящему удару.

Йоркъ. Отправляйтесь! у этого плута ужъ и языкъ не ворочается. Играйте, трубачи, тревогу состоящимся (*Тревога. Они дерутся; Питеръ убиваетъ хозяина наповаль*).

Хорнеръ. Стой, Питеръ, стой! Я признаюсь, я признаюсь въ измѣнѣ (*Умираетъ*).

Йоркъ. Возмите у него орудіе драки. —Благодари, любезный, Бога и доброе вино, помѣшавшее твоему господину.

Питеръ. О, Боже! Неужели я одолѣлъ своихъ враговъ передъ такимъ собраньемъ? О, Питеръ, ты восторжествовалъ по праву!

Король Генрихъ. Ступайте, унесите этого измѣнника съ нашихъ глазъ долой: изъ его смерти мы познаемъ его вину. Въ правосудіи своемъ Богъ намъ открылъ правоту и невинность этого бѣдняги, котораго тотъ думалъ несправедливо умертвить. —Иди, любезный, слѣдуй за нами, чтобы получить награду (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Тамъ-же. Улица.

Входятъ: Глостэръ и его слуги въ траурной одеждѣ.

Глостэръ. Такъ-то, порой, облако омрачаетъ самый ясный день, а за лѣтомъ, во

вѣки вѣчныя слѣдуетъ бесплодная зима съ жестокими, колючими морозами. Какъ времена года, протекаютъ многочисленныя радости и горести. Который часъ, господа?

Слуга. Десять часовъ, милордъ.

Глостэръ. Десять—тотъ самый часъ, который назначенъ мнѣ, чтобы ожидать прихода моей наказуемой герцогини. Врядли вынесутъ ея нѣжныя ноги ходьбу по этимъ кремнистымъ дорогамъ. Милая Нелли! Плохо придется твоей благородной душѣ свосить, что этотъ подлый народъ будетъ смотрѣть тебѣ въ лицо, смѣясь надъ твоимъ позоромъ, когда онъ-же, еще недавно, завистливыми взглядами провожалъ тебя у колесъ твоей гордой колесницы, въ которой ты торжественно ѣхала по улицѣ. Но тише! Кажется, она идетъ; я подготовлю свои заплаканные глаза къ тому, чтобы они увидѣли ея позоръ.

Входитъ герцогиня Глостэръ въ бѣлой простыни; у нея на спинѣ приколоты бумага; ноги—босы, въ рукахъ зажженная свѣча. Съ нею сэръ Джонъ Стэнли, шерифъ и стража.

Слуга. Съ позволенія вашей свѣтлости мы отобьемъ ее отъ шерифа.

Глостэръ. Нѣтъ ни съ мѣста, коли жизнь вамъ дорога: пусть ее идетъ мимо!

Герцогиня. Вы пришли, милордъ, посмотреть на мое всенародное посрамленіе? Теперь и ты приносишь покаяніе. Смотри, какъ они глядятъ. Видишь, какъ указываетъ на насъ пальцами обезумѣвшая толпа, какъ киваютъ они головою, какъ мечутъ взоры на тебя? О, Глостэръ, скройся отъ ихъ злобныхъ взглядовъ и, въ своемъ замкнутомъ жилищѣ, кайся въ моемъ позорѣ и кляни твоихъ враговъ, — вмѣстѣ твоихъ и моихъ.

Глостэръ. Будь терпѣлива, кроткая Нелли; забудь про это горе.

Герцогиня. Ахъ, Глостэръ, дай ты мнѣ забыть о самой себѣ. Пока я еще твоя супруга, а ты принцъ и протекторъ этой страны, мнѣ кажется, что не слѣдовало-бы меня такъ вести, покрытую позоромъ, съ бумагой на спинѣ, въ сопровожденіи этой сволочи, которая радуется моимъ слезамъ, прислушивается къ моимъ глубокимъ стонамъ. Безпощадный камень рѣжетъ мои нѣжныя ноги, а когда я вздрогнула, злобный народъ смѣется и совѣтуетъ мнѣ осторожнѣе ступать. О, Гемфри! Могу-ли я снести такое позорное иго? Можешь-ли ты повѣрить, чтобы я когда-нибудь смотрѣла въ лицо всему свѣту, или считала-бы счастливыми тѣхъ, которые наслаждаются солнцемъ? Нѣтъ, мракомъ будетъ мнѣ свѣтъ, а день—ночью; думы о моемъ величій будутъ мнѣ адомъ. Порою, скажу тебѣ:—Я

жена герцога Гемфри; онъ принцъ, правитель всей страны; однако, такъ онъ управлялъ и былъ такимъ принцемъ, что стоялъ въ сторонѣ, пока я, его несчастная герцогиня, была сдѣлана позорищемъ и пугаломъ для каждаго подлаго тунеядца. Ну, ты будь кротокъ и не краснѣй за мой позоръ; не смущайся ничѣмъ, пока не замахнется надъ тобой сѣкира смерти,—какъ это, навѣрно, скоро случится. Въдъ всемогущій Сеффолькъ, вмѣстѣ съ тою, которая ненавидитъ тебя и всѣхъ насъ, съ Йоркомъ и [нечестивымъ Бофортомъ, — этимъ живымъ попомъ,—всѣ они разставили сѣти, чтобы лишитъ тебя крыльевъ; и, какъ-бы ты не сумѣлъ взлетѣть, они все-таки опутаютъ тебя. Но ты не бойся, пока не увязнетъ нога твоя, и не предупреждай враговъ твоихъ.

Глостэръ. Ахъ, полно, Нелли: ты не туда мѣтишь. Я самъ долженъ обидѣть ихъ прежде, чѣмъ они до меня доберутся. Если-бъ у меня было въ двадцать разъ больше враговъ и если-бы каждый изъ нихъ имѣлъ въ двадцать разъ больше власти, все это не сдѣлало-бы мнѣ никакого вреда, пока я честенъ, вѣренъ и невиненъ. Ты-бы хотѣла, чтобы я спасъ тебя отъ этого позора? Но, въдъ, твой срамъ все-таки не былъ-бы смытъ, а я-бы подвергъ себя нарушенію законовъ. Самая главная твоя помощь въ спокойствіи, моя кроткая Нелли. Прошу тебя, подчини сердце свое терпѣнію: ужасы этихъ немногихъ дней скоро прекратятся.

Входитъ герольдъ.

Герольдъ. Призываю вашу свѣтлость въ парламентъ его величества, созданный въ Бери на первое число слѣдующаго мѣсяца.

Глостэръ. А мое согласіе на это не испрошено предварительно? Вотъ такъ скрытничанье.—Хорошо, я тогда буду (*Герольдъ уходитъ*). Моя Нелли, я прощаюсь съ тобою. Господинъ шерифъ, пусть наказаніе ея не превышаетъ королевскаго приказанья.

Шерифъ. Съ позволенія вашей свѣтлости, моя обязанность тутъ и кончается; теперь сэръ Джонъ Стэнли увезетъ ее съ собою на островъ Мэнъ.

Глостэръ. Такъ вы, сэръ Джонъ, должны теперь охранять мою супругу!

Стэнли. Такъ точно: мнѣ это поручено, съ позволенія вашей свѣтлости.

Глостэръ. Не обходитесь-же съ ней хуже оттого, что я прошу васъ обходиться съ ней получше. Можетъ случиться, что свѣтъ еще посмѣется, а я могу еще дожить до того, чтобы оказать вамъ любезность, если вы ее окажете ей. Итакъ, сэръ Джонъ, прощайте.

Герцогиня. Какъ? Вы уходите, милордъ, и не прощаетесь со мной?

Глостэръ. Будь свидѣтельница моихъ слезъ; я не могу остаться говорить съ тобою (*Уходятъ: Глостэръ и слуги*).

Герцогиня. И ты ушелъ? Все утѣшеніе ушло съ тобою, мнѣ ничего ужъ больше не осталось. Моя отрада — смерть; смерть, названія которой я прежде пугалась, потому что желала, чтобы земная жизнь была вѣчна. Стэнли, прошу тебя: уведи меня отсюда,—мнѣ все равно куда; я этого прошу не какъ милости, а только, чтобы ты доставилъ меня, куда тебѣ приказано.

Стэнли. Такъ, значить, сударыня, на островъ Мэнъ? Тамъ съ вами будутъ обращаться согласно вашему положенію.

Герцогиня. Такъ, значить, очень дурно, потому что оно позорно. И неужели со мной будутъ обращаться позорно?

Стэнли. Какъ подобаешь относиться къ герцогинѣ, супругѣ герцога Гемфри; такъ съ вами и будутъ поступать.

Герцогиня. Шерифъ, прощай, и будь благополучнѣе, чѣмъ я, хоть ты и былъ моимъ вожатымъ при позорѣ.

Шерифъ. Такова моя обязанность; простите меня, сударыня.

Герцогиня. Хорошо, хорошо, прощай; обязанность твоя окончена.—Ну, что-же, Стэнли, мы идемъ?

Стэнли. Сударыня, окончивъ покаяніе, скиньте съ себя эту простыню и пожалуйте одѣться въ дорогу.

Герцогиня. Но позоръ мой не будетъ сброшенъ вмѣстѣ съ этой простыней. Нѣтъ, онъ повиснетъ на моихъ самыхъ дорогихъ платьяхъ, и будетъ видѣнъ, какъ-бы я ни разодралась. Иди впередъ: я хочу скорѣе видѣть свою темницу (*Уходятъ*).

Дѣйствіе третье.

СЦЕНА I.

Аббатство въ Бери.

Трубы. Входятъ въ залу парламента: король Генрихъ, королева Маргарита, кардиналъ Бофортъ, Сеффолькъ, Горкъ, Бекингэмъ и другіе.

Король Генрихъ. Я удивляюсь, что милордъ Глостэръ еще не пришелъ: не въ его привычкѣ быть послѣднимъ. Что бы могло его теперь задержать?

Королева Маргарита. Развѣ вы не видите или не хотите замѣчать за нимъ странной перемѣны въ обращеніи? Какъ величаво онъ держится, какъ дерзокъ онъ сталъ за послѣднее время, какъ гордъ, какъ повелителенъ, какъ не похожъ на себя? Мы помнимъ время, когда онъ былъ кротокъ и любезенъ; когда мы лишь издали на него взглянемъ, а онъ немедленно ужъ на колѣняхъ, такъ-что весь дворъ восхищался его покорностью. Но встрѣтите его теперь, —хоть даже утромъ, когда всякій желаетъ добраго дня, —онъ нахмуритъ брови, посмотритъ сердито и пройдетъ прямо, не сгибая колѣна, презирая долгъ, которымъ намъ обязанъ. На щенять не обращаютъ вниманія, когда они скалятъ зубы; но и великіе люди дрожатъ, когда левъ рычитъ; а Гемфри, вѣдь, не маленький человѣкъ въ Англій. Во-первыхъ, замѣтите, что онъ ближайшій къ вамъ въ родѣ, и если-бы вы пали, онъ-бы первый поднялся. Поэтому мнѣ кажется, что неблагоразумно, по отношенію къ злобѣ, которую онъ питаетъ, чтобъ онъ вращался около вашей королевской особы или былъ допущенъ въ

совѣтъ вашего величества. Лестью завоевалъ онъ себѣ народныя сердца и можно опасаться, что они все послѣдуютъ за нимъ, если ему угодно будетъ произвести возмущеніе. Теперь весна, — корни у бурьяна еще не глубоки; но оставьте его теперь, и онъ переростетъ весь садъ и заглушитъ растенія за недостаткомъ ухода. Благогоговѣнная забота, которую я питаю къ своему повелителю, заставила меня сосредоточить эти опасности въ герцога. Если это напрасно, назовите это бабьей трусостью, — трусостью, съ которой я соглашусь, если вы можете ее побѣдить лучшими доказательствами. Милорды Сеффолькъ, Бекингэмъ и Горкъ, опровергайте мое обвиненіе, если можете, или-же заключите мои слова чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ.

Сеффолькъ. Ваше величество хорошо провидѣли этого герцога. И если-бы мнѣ первому было дозволено высказать свое мнѣніе, мнѣ кажется, я-бы сказалъ то-же, что и ваше величество. Клянусь жизнью, герцогиня по его наущенію начала свои бѣсовскія продѣлки. И если онъ не участвовалъ въ ея проступкахъ, то все-таки, почитая свое высокое происхожденіе, потому-что онъ первый, по коронѣ, наслѣдникъ, и хватаясь своимъ благородствомъ, онъ подстрекалъ гондую въ сумасшедшій домъ герцогиню преступными средствами подготовить гибель нашему государю. Вода течетъ ровно тамъ, гдѣ потокъ глубже; а подъ своей безобидной виѣшностью онъ кроетъ измѣну. Лиса не рычитъ, когда хочетъ подкрасться къ овцѣ. Нѣтъ, нѣтъ, мой государь, Глостэръ еще неизвѣданный человѣкъ и полный глубокаго притворства!

Кардиналь. Развѣ онъ, вопреки статьямъ закона, не установилъ смертной казни за небольшія преступленія?

Йоркъ. Развѣ онъ, въ бытность свою протекторомъ, не собиралъ большихъ денежныхъ суммъ со всего государства для того, чтобы платить солдатамъ во Франціи, и никогда не пересылалъ ихъ? Благодаря ему, ежедневно города возмущались.

Бэкингэмъ. Довольно! Эти проступки еще ничтожны въ сравненіи съ тѣми, которые неизвѣстны, но современемъ выяснятся въ лъстивомъ герцогѣ Гемфри.

Король Генрихъ. Вотъ что, милорды: ваша заботливость о насъ, чтобъ уничтожить шпны, которые могутъ потревожить наши ноги, достойна похвалы; но сказать ли по совѣсти? Нашъ родственникъ Глостэръ такъ же повиненъ въ намѣреніи измѣнить нашей королевской особѣ, какъ агненокъ или безобидный голубь. Герцогъ добродѣтеленъ, кротокъ и слишкомъ хорошо настроенъ, чтобы мечтать о злѣ и подготавливать мнѣ паденіе.

Королева Маргарита. Ахъ, есть ли что опаснѣе такого пристрастнаго довѣрія? Такъ онъ кажется голубемъ? Перья его лишь заняты у другихъ. Такъ онъ агненокъ? Эта шкура у него чужая, потому что у него скорѣе наклонности хищнаго волка. Что же значить притворство для того, кто не можетъ принять на себя личину? Берегитесь же, милорды: наше общее благо зависитъ отъ укрощенія этого коварнаго чловѣка.

Входитъ Сомерсетъ.

Сомерсетъ. Да здравствуетъ мой милостивый государь!

Король Генрихъ. Добро пожаловать, лордъ Сомерсетъ. Какія вѣсти изъ Франціи?

Сомерсетъ. Всѣ ваши интересы въ ея территоріи совершенно отняты у васъ: все потеряно.

Король Генрихъ. Неласковыя вѣсти, лордъ Сомерсетъ; но да будетъ воля Господня!

Йоркъ. *(Въ сторону)*, Особенно неласковыя для меня: я такъ же твердо надѣялся на Францію, какъ надѣюсь на плодоносную Англію. Такъ-то цвѣты мои поблекли еще въ бутылкахъ, а гусеницы объѣдаютъ мои листья. Но я скоро эти дѣла поправлю, или продамъ свой санъ за славную могилу.

Входитъ Глостэръ.

Глостэръ. Всѣхъ благъ моему королю и повелителю! Простите, государь, что я такъ запоздалъ.

Сеффолькъ. Нѣтъ, Глостэръ, знай, что ты пришелъ еще слишкомъ рано, если не сталъ преданнѣе, чѣмъ ты есть. Я тутъ-

же арестую тебя за государственную измѣну.

Глостэръ. Ну, герцогъ Сеффолькъ, ты не заставишь меня ни покраснѣть, ни измѣниться въ лицѣ отъ этого ареста: не легко устрашить ничѣмъ незапятнанное сердце. И чистѣйшій источникъ не такъ свободенъ отъ грязи, какъ я отъ измѣны моему государю. Кто можетъ меня обвинять? Въ чемъ я виновенъ?

Йоркъ. Думаютъ, милорды, что вы брали отъ французовъ взятки и, будучи протекторомъ, задерживали жалованье солдатъ, благодаря чему его величество лишился Франціи.

Глостэръ. Такъ только думаютъ? Да кто же они такіе, что такъ думаютъ? Никогда не отбиралъ я жалованья у солдатъ, никогда ни одного пени взятки не бралъ отъ французовъ. Да поможетъ мнѣ Богъ такъ же, какъ я проводилъ ночь за ночью въ бдѣніи надъ благомъ Англіи! Пусть каждая полушка, каждый грошъ, который я вырвалъ у короля и себѣ присвоилъ, будетъ предъявленъ мнѣ въ осужденіе въ судный день. Нѣтъ, много фунтовъ изъ моего собственнаго капитала, не желая налагать ихъ на нуждающійся народъ, вытрясъ я изъ своего кошелька гарнизонамъ и никогда не просилъ, чтобы ихъ мнѣ вернули.

Кардиналь. Вамъ на-руку, милорды, говорить такъ много.

Глостэръ. Я говорю не болѣе, какъ правду, помогай мнѣ Боже!

Йоркъ. Во время своего протекторства, вы придумывали для виновныхъ такія страшныя, неслыханныя пытки, что англичанъ обвиняли въ тиранствѣ.

Глостэръ. Однако, хорошо извѣстно, что, пока я былъ протекторомъ, всѣ мои пороки заключались въ жалости: я трогался слезами виновнаго и слова смиренія были искупленіемъ его вины. Если только это не былъ кровавый убійца, или гнусный и подлый разбойникъ, обиравшій бѣдныхъ путниковъ, я никогда не воздавалъ ему подобающей кары. Убійца я, дѣйствительно, пыталъ больше, чѣмъ разбойниковъ или какихъ другихъ преступниковъ.

Сеффолькъ. Милорды, это проступки, на которые отвѣтить недолго; но васъ обвиняютъ въ болѣе сильныхъ преступленіяхъ, отъ которыхъ не легко вамъ очиститься. Именемъ его величества, я арестую васъ и тутъ же отдаю подъ охрану лорда кардинала на будущее время, до суда.

Король Генрихъ. Милорды Глостэръ, я особенно надѣюсь на то, что вы выясните все подозрительное: совѣсть говоритъ мнѣ, что вы невинны.

Глостэръ. О, милостивый повели-

тель! Опасны эти дни. Добродѣтель душать гнуснымъ честолюбіемъ, а милосердіе гонять прочь рукою ненависти. Гнусные проски преобладаютъ, а безпристрастіе изгоняютъ изъ земель вашего величества. Я знаю: ихъ цѣль — лишить меня жизни. Но, если смерть моя можетъ дать этому острову счастье и закончить періодъ ихъ тиранства, я приму ее охотно. Но моя смерть служить лишь предлогомъ къ ихъ игрѣ, потому-что и тысячи людей, которые пока не подозреваютъ объ опасности, не заключать собою сочиняемой ими трагедіи. Сверкающіе глаза Бофорта выдаютъ его сердечную злобу, а отуманенное число Сеффолька — его бурную ненависть. Рѣзкій Бекингемъ языкомъ облегчаетъ бремя зависти, лежащее у него на сердцѣ, а мрачный Йоркъ, который тянется къ лунѣ, — котораго дерзкую руку я отдернулъ прочь, — направляетъ противъ моей жизни ложныя обвиненія. А вы, моя царственная госпожа, вмѣстѣ съ остальными, безпричинно взгромозили на мою голову немилость и съ самымъ лучшимъ стараніемъ побудили моего государя быть моимъ врагомъ. Да, вы всѣ обдумали это вмѣстѣ; я и самъ замѣчалъ ваши тайныя сходбища и все другое, чтобы отнять у меня безупречную жизнь. Не нужно будетъ ни ложныхъ свидѣтелей, чтобы осудить меня, ни массы предательствъ, чтобы увеличить мою вину; на мнѣ оправдается старинная пословица: — была-бъ собака, будетъ и палка.

Кардиналъ. Государь мой, его злословіе невыносимо. Если тѣхъ, кто старается охранить вашу королевскую особу отъ скрытаго ножа измѣны и отъ ярости предателей, будутъ такъ поносить, ругать и издѣваться надъ ними, а виновному будетъ дозволено такъ много говорить, — это остудитъ ихъ усердіе къ вашему величеству.

Сеффолькъ. Развѣ онъ не попрекнулъ сейчасъ-же нашу повелительницу въ гнусныхъ, хоть и хитро сложенныхъ выраженіяхъ, что она будто-бы заставила нѣкоторыхъ людей клятвенно принести ложныя обвиненія, чтобы лишить его сана?

Королева Маргарита. Но я могу разрѣшить проигрывающему браниться.

Глостэръ. Это вѣрнѣе сказано, нежели задумано: я, дѣйствительно, проигрываю, и горе выигрывающимъ, потому-что они слутовали! Конечно, такимъ проигрывающимъ можно разрѣшить говорить.

Бекингемъ. Онъ будетъ искажать смыслъ и продержитъ насъ здѣсь цѣлый день. — Лордъ кардиналъ, онъ вашъ плѣнникъ.

Кардиналъ. Господа, берите герцога и крѣпко его стерегите.

Глостэръ. Ахъ, такъ-то бросаетъ прочь король Генрихъ свой костыль прежде, чѣмъ его ноги достаточно окрѣпнутъ, чтобы поддерживать его тѣло! Это — пасть твоя отрывають отъ себя, и уже рычатъ между собою волки, которые сгрызутъ перваго тебя. О, если-бы мой страхъ былъ напрасенъ! О, если-бы такъ было! Добрый король Генрихъ, боюсь я, что ты погибнешь (*Уходитъ: стража и Глостэръ*).

Король Генрихъ. Милорды, дѣлайте, что по вашему разумнію будетъ наилучшимъ, какъ если-бы мы сами были здѣсь.

Королева Маргарита. Какъ? Развѣ ваше величество желаетъ оставить парламентъ?

Король Генрихъ. Да, Маргарита. Сердце мое утопаетъ въ горѣ, потокъ котораго хлынулъ къ моимъ очамъ. Тѣло мое охвачено кругомъ ужасомъ, потому-что можетъ-ли что быть ужаснѣе недовольства? О, дядя Гемфри! въ лицѣ твоемъ, я вижу, начертаны доблесть, и честность, и правдивость. А между тѣмъ, добрый Гемфри, неужели придетъ часъ, когда я найду тебя обманщикомъ, или усомнюсь въ твоей вѣрности? Какая-же ненавистная звѣзда завидуетъ твоему сану, что и эти знатные лорды, и королева наша Маргарита ищутъ погибели твоей невинной жизни? Ты ни имъ, никому другому не дѣлалъ зла. Они увели его отсюда такъ-же безжалостно, какъ мясникъ уводитъ теленка и связываетъ его, несчастнаго, и бьетъ его, когда онъ отшатнется на пути въ кровавую бойню. И, какъ мать его, которая съ воемъ бросается туда и сюда, поглядывая въ ту сторону, куда пошло ея невинное дѣтище, и не можетъ ничего подѣлать, какъ только оплакивать потерю своего любимца, — такъ я самъ оплакиваю случай съ Глостэромъ грустными, безпомощными слезами, смотрю ему во слѣдъ отуманенными очами и не могу быть ему полезнымъ, — такъ сильны его заклятые враги. Я буду оплакивать его судьбу и говорить между вздохами: — Кто измѣнникъ? Только не Глостэръ (*Уходитъ*).

Королева Маргарита. Прекрасные лорды, холодный снѣгъ таетъ подъ горячими лузами солнца. Мой повелитель Генрихъ холоденъ къ важнымъ дѣламъ и слишкомъ полонъ безразсудной жалости. Наружность Глостера его обманываетъ, какъ мрачный крокодилъ вызываетъ жалость въ сострадательныхъ путешественникахъ, или какъ змѣя съ пестрой, блестящей шкурой, свернувшаяся на цвѣтущемъ берегу, жалитъ ребенка, который по ея красотѣ думаетъ, что она хороша. Повѣрьте мнѣ, ми-

лорды, если-бы даже никого не было умнѣй меня (а я въ данномъ случаѣ считаю себя очень разумной), свѣтъ скоро-бы освободился отъ этого Глостера, а мы — отъ страха, который чувствуемъ передъ нимъ.

Кардиналъ. Стоитъ раскинуть умомъ для того, чтобы онъ умеръ, а между тѣмъ, намъ нужна какая-либо окраска его смерти. Слѣдуетъ осудить его по закону.

Сеффолькъ. Но, по моему мнѣнію, это не было бы хитростью: король будетъ стараться спасти ему жизнь, народъ возстанетъ, чтобы спасти ему жизнь. А между тѣмъ у насъ есть лишь простая доказательства его виновности или скорѣе подозрѣнія, по которымъ видно, что онъ достоинъ смерти.

Йоркъ. Такъ значитъ, судя по этому, вы-бы не желали его смерти?

Сеффолькъ. Ахъ, Йоркъ, никто въ мірѣ не желаетъ этого такъ сильно, какъ я.

Йоркъ. У Йорка болѣе всего причинъ желать его смерти. Но, милордъ кардиналъ, и вы, милордъ Сеффолькъ, скажите, какъ вы думаете, и скажите отъ души: оставить герцога Гемфри протекторомъ короля развѣ не то-же, что поставить отоцалаго орла охранять цыпленка отъ голоднаго коршуна?

Королева Маргарита. Такимъ образомъ бѣдный цыпленокъ можетъ быть увѣренъ въ своей смерти.

Сеффолькъ. Совершенно вѣрно, сударыня. А развѣ не было-бы сумасшествіемъ сдѣлать лису надсмотрщикомъ за стадомъ? Если кого обвиняютъ въ коварномъ убійствѣ, неужели попусту спустить тому вину, потому-что его намѣреніе еще не исполнено? Нѣтъ, пусть онъ умретъ: онъ вѣдь лиса, по природѣ отъявленный врагъ стада, и умретъ прежде, чѣмъ его пасть обогрится кровью, какъ это случилось съ Гемфри относительно моего государя. И не мудруйте лукаво, какъ его убить: капканомъ, сѣтями или хитростью, соннаго или бодрствующаго, — все равно, лишь-бы онъ умеръ, потому-что всякій обманъ хорошъ для того, кто первый намѣревался обмануть.

Королева Маргарита. Вотъ такъ рѣшительно сказано, трижды благородный Сеффолькъ!

Сеффолькъ. Не рѣшительно, потому что еще ничего не сдѣлано; вѣдь часто высказываютъ свое мнѣніе, но рѣдко его исполняютъ. Но тутъ сердце мое согласно съ моими словами въ виду того, что это похвальный подвигъ и что надо оградить моего государя отъ врага. Скажи только слово, и я буду его напугивать.

Кардиналъ. Но я-бы желалъ, милордъ Сеффолькъ, чтобы онъ былъ мертвъ,

прежде чѣмъ вы наложите на себя священнической обѣты. Скажите, что вы согласны и одобряете это дѣло, и я достану вамъ исполнителя его, — до того я забочусь о безопасности моего государя.

Сеффолькъ. Вотъ моя рука: этотъ подвигъ стоитъ того, чтобы его совершить.

Королева Маргарита. То-же говорю и я.

Йоркъ. И я. Теперь, когда мы все высказали это, немного значитъ, кто опровергнетъ нашъ приговоръ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ. Знатные лорды, я прямо изъ Ирландіи, чтобы объявить вамъ: бунтовщики возстали, и англичане падаютъ отъ ихъ мечей. Пришлите подкрѣпленіе, лорды, и во-время остановите ихъ ярость, прежде чѣмъ рана станетъ неизлѣчима. Пока она еще свѣжа, есть надежда на спасеніе.

Кардиналъ. Это поврежденіе, требующее немедленной поправки. Какой совѣтъ дадите вы въ этомъ важномъ дѣлѣ?

Йоркъ. Чтобы послать туда регентомъ Сомерсета: этимъ дѣломъ подобаетъ заняться умѣлому правителю; свидѣтель тому благополучіе, которое онъ намъ принесъ во Франціи.

Сомерсетъ. Если-бы Йоркъ, со своей дальновидной политикой, былъ тамъ регентомъ вмѣсто меня, но никакъ не остался бы во Франціи такъ долго.

Йоркъ. Да, конечно, не дожидаясь-бы, пока все потеряно, какъ это сдѣлалъ ты. Я-бы скорѣе во-время лишился жизни, нежели принесъ-бы на родину бремя позора, оставшись тамъ до тѣхъ поръ, пока не потерялъ всего. Покажи мнѣ хоть одинъ шрамъ, запечатлѣнный у тебя на кожѣ: люди у которыхъ тѣло такъ сохранны, рѣдко побѣждаютъ.

Королева Маргарита. Нѣтъ, эта некра обратится въ яростный огонь, если вѣтеръ и топливо дадутъ ей пищу. Довольно, добрый Йоркъ; милый Сомерсетъ, молчи. Твоя судьба, Йоркъ, въ смыслѣ счастья, если-бы ты былъ регентомъ, могла-бы оказаться хуже, чѣмъ его.

Йоркъ. Какъ? Хуже, чѣмъ ничто? О, тогда прахъ все побори!

Сомерсетъ. Въ томъ числѣ и тебя, желающаго позора.

Кардиналъ. Милордъ Йоркъ, попытайте счастья. Необузданные керны Ирландіи вооружились и мѣшаютъ глину съ кровью англичанъ. Желаете-ли вы вести въ Ирландію отрядъ старательно выбранныхъ людей, по нѣскольку изъ каждаго графства, и попробовать счастье противъ ирландцевъ?

Йоркъ. Желая, милордъ, если его величеству будетъ угодно.

Сеффолькъ. Ну, въ нашемъ авторитетѣ его согласіе, и что мы рѣшаемъ, то онъ подтверждаетъ. Такъ бери-же это дѣло въ руки, благородный Йоркъ.

Йоркъ. Я доволенъ. Доставьте мнѣ солдатъ, лорды, пока я приведу въ порядокъ мои собственныя дѣла.

Сеффолькъ. Это — порученіе, лордъ Йоркъ, за выполненіемъ котораго я присмотрю. Но теперь, вернемся къ коварному герцогу Гемфри.

Кардиналъ. Довольно о немъ: я съ нимъ такъ управлюсь, что онъ больше не будетъ васъ беспокоить. Итакъ, разойдемся: день почти оконченъ. Лордъ Сеффолькъ, я долженъ въ вами переговорить объ этомъ дѣлѣ.

Йоркъ. Милордъ Сеффолькъ, черезъ четырнадцать дней я буду ожидать въ Бристолѣ моихъ солдатъ, такъ какъ оттуда я переправлю ихъ въ Ирландію.

Сеффолькъ. Я присмотрю за тѣмъ, чтобы это было исполнено въ точности, милордъ Йоркъ (*Уходятъ все, кромѣ Йорка*).

Йоркъ. Теперь, Йоркъ, или никогда, закали свои боязливыя мысли и обрати сомнѣніе въ рѣшимость. Или будь тѣмъ, чѣмъ ты надѣешься быть, или предай смерти то, чѣмъ ты теперь: этимъ не стоитъ пользоваться. Пусть блѣднолицый страхъ остается въ людяхъ низкаго происхожденія и не находитъ убѣжища въ королевскомъ сердцѣ. Чаше весеннихъ дождей слѣдуютъ мысль за мыслью, и нѣтъ ни одной, которая не думала-бъ о власти. Моя мозги дѣятельнѣе, чѣмъ трудолюбивые муравьи, плетутъ хитрыя сѣти, чтобы поймать моихъ враговъ. Хорошо, вельможи, хорошо: политичный поступокъ послать меня прочь съ толпой людей. Боюсь я, что вы лишь отогрѣете отощалую змѣю, которая, обласканная у васъ на груди, укуситъ васъ въ сердце. Мнѣ не хватило людей, — вы мнѣ дадите ихъ. Я ихъ любезно принимаю; однако, будьте увѣрены, что вы даете острое оружіе въ руки безумнаго. Въ то время, какъ въ Ирландіи я буду кормить сильный отрядъ людей, въ Англіи я подыму черную бурю, которая унесетъ десять тысячъ душъ на небо или въ адъ. И эта жестокая буря не перестанетъ свирѣпствовать, пока золотой вѣнецъ на головѣ моей, подобно свѣтлымъ лучамъ величественнаго солнца, не усмирить ярость ея бѣшеннаго вихря. Для осуществленія своего намѣренія, я подкунилъ упрямаго кентскаго жителя, Джона Кэда изъ Ашфорда, чтобы онъ произвелъ возмущеніе подъ титуломъ Джона Мортимера. Въ Ир-

ландіи я видѣлъ, какъ этотъ упрямецъ Кэдъ сопротивлялся цѣлому отряду керновъ. Онъ отбивался такъ долго, что въ бедрахъ его торчали стрѣлы, — почти какъ острия иглы у ежа. А подъ конецъ я видѣлъ, какъ онъ, освобожденный, завертѣлся подобно дикому мавру, потрясая окровавленными стрѣлами, какъ колокольчиками. Какъ часто, подъ видомъ лукаваго косматого керна, бесѣдовалъ онъ съ врагами и неузнаннымъ возвращался ко мнѣ, чтобы дать мнѣ знать о ихъ подлостяхъ. Этотъ чертъ и будетъ моимъ замѣстителемъ здѣсь, потому что и лицомъ, и поступкомъ, и разговоромъ онъ похожъ на этого, уже умершаго, Джонъ Мортимера. Такимъ способомъ я увижу, какого настроенія народъ и какъ онъ привязанъ къ дому и къ правамъ Йорка. Скажемъ, что Кэда схватятъ, стануть пытать и мучить: я знаю, что никакое страданіе, которое они могутъ причинить ему, не заставитъ его сказать, что я побудилъ его взяться за оружіе. Скажемъ, что онъ преуспѣетъ, что весьма вѣроятно; ну, такъ я вернусь изъ Ирландіи со своимъ войскомъ и соберу жатву, которую этотъ негодяй посеялъ. Вѣдь, разъ Гемфри умретъ (какъ это и будетъ), а Генрихъ будетъ устраненъ, я — наслѣдникъ (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Бери. Комната во дворцѣ.

Входятъ поспѣшно нѣсколько убійцъ.

1-й убійца. Бѣги къ милорду Сеффольку; доложи ему, что мы спровадили герцога, какъ онъ приказывалъ.

2-й убійца. О, если-бы это еще только предстояло! — Что мы надѣлали? Слышались ли ты, чтобы человѣкъ былъ такой покаявшийся?

1-й убійца. Вотъ идетъ милордъ.

Входитъ Сеффолькъ.

Сеффолькъ. Ну, господа, обдѣлали вы это дѣло?

1-й убійца. Да, мой добрый лордъ, онъ умеръ.

Сеффолькъ. Ну, вотъ, прекрасно сказано. Ступайте-же ко мнѣ на домъ: я награжу васъ за этотъ отважный подвигъ. Король и всѣ пэры здѣсь по близости. Оправили-ли вы постель? Все-ли въ порядкѣ, согласно моимъ указаніямъ?

1-й убійца. Такъ точно, мой добрый милордъ.

Сеффолькъ. Такъ уходите-же прочь. (*Убійцы уходятъ*).

Играютъ трубы. Входятъ: король Генрихъ, королева Маргарита, кардиналъ Бофортъ, Сомерсетъ, лорды и другіе.

Король Генрихъ. Подите, сейчасъ же позовите предъ наше лицо нашего дя-дюшку: скажите, что мы намѣрены опросить сегодня его свѣтлость, такъ-ли онъ виновенъ, какъ это разглашаютъ.

Сеффолькъ. Я тотчасъ позову его, мой благородный повелитель (*Уходитъ*).

Король Генрихъ. Лорды, займите свои мѣста, и прошу васъ всѣхъ, не принимайте строгихъ мѣръ противъ нашего дяди Глостера, иначе, какъ по вѣрнымъ и

герцогу были нѣтъ и не могъ сказать ни слова (*Король падаетъ въ обморокъ*).

Королева Маргарита. Какъ чувствуетъ себя мой господинъ? Помогите, лорды! Король умеръ.

Сомерсетъ. Приподымите его тѣло; потрясите за носъ.

Королева Маргарита. Бѣгите, идите, помогите, помогите! О, Генрихъ! Открой глаза!

Сеффолькъ. Онъ оживетъ, ваше величество, имѣйте терпѣніе!

Король Генрихъ. О Господь небесный!

значительнымъ доказательствомъ, если онъ будетъ уличенъ въ преступныхъ дѣлахъ.

Королева Маргарита. Боже избави, чтобы восторжествовало лукавство, чтобы осудили невиннаго вельможу! Молю Бога, чтобы Онъ очистилъ его отъ подозрѣній!

Король Генрихъ. Благодарю тебя, Маргарита. Очень мнѣ пріятны твои слова (*Возвращается Сеффолькъ*). Что это? Отчего ты блѣденъ? Чего дрожишь? Гдѣ-же нашъ дядя? Что случилось, Сеффолькъ?

Сеффолькъ. Онъ мертвый, у себя въ постели, милордъ. Глостеръ умеръ.

Королева Маргарита. Что вы? Не дай Боже!

Кардиналъ. Неповѣдимъ судъ Божій! Я видѣлъ во снѣ сегодня ночью, что

Королева Маргарита. Какъ чувствуетъ себя мой милостивый повелитель?

Сеффолькъ. Успокойся, мой государь! Милостивый Генрихъ, успокойся!

Король Генрихъ. Какъ? Развѣ лордъ Сеффолькъ меня успокаиваетъ? Развѣ не онъ только-что пришелъ и прошѣлъ мнѣ пѣснь ворона, зловѣщій звукъ которой лишилъ меня жизненныхъ силъ. Неужели онъ думаетъ, что щебетанье крапивника, съ крикомъ объ унокоеніи, который вырывается изъ пустой груди, можетъ разсвѣять сперва раздавшіеся звуки? Не скрывай своего яда подъ сладкими рѣчами; не касайся меня: оставь, я говорю. Твое прикосновеніе пугаетъ меня больше, чѣмъ змѣиное жало. Вѣстникъ гибели, съ глазъ

моихъ долой! Въ твоихъ зрачкахъ отражается смертоносное тиранство, звѣрская сила котораго пугаетъ всѣхъ на свѣтъ. Не смотри на меня: глаза твои наносятъ раны. Впрочемъ, не уходи: подойди, василискъ, и убей невиннаго зрителя видомъ своимъ! Подъ сѣнью смерти я найду отраду, а въ жизни лишь двойную смерть, теперь, когда умеръ Глостаръ.

Королева Маргарита. Зачѣмъ вы такъ браните милорда Сеффолька? Хоть герцогъ и былъ его недругомъ, однако онъ въ высшей степени по христіански горюетъ о его кончинѣ. Что-же касается меня, такъ, несмотря на то, что онъ былъ мнѣ врагомъ, я-бы готова ослѣпнуть отъ слезъ, ослабить отъ стenanій и поблѣднѣть, какъ подсиѣжникъ, отъ унивающихся вадоховъ, — если-бы текучія слезы, раздражающіе душу стоны и унивающіеся кровью вздохи могли вернуть его къ жизни. Почему я знаю, что могутъ думать въ свѣтъ обо мнѣ? Извѣстно, вѣдь, что мы были не особенно дружны. Могутъ порѣшнить, что я устранила герцога, и мое имя будетъ истерзано молвою клеветы, а царскіе дворцы наполнятся моимъ позоромъ. Вотъ, что мнѣ даетъ его смерть. Ахъ я, несчастная! Быть королевой и вѣнчанной безчестьемъ!

Король Генрихъ. Увы мнѣ! Глостаръ, несчастный человекъ!

Королева Маргарита. Увы мнѣ! Я несчастіе его. Какъ, ты отвернулся и скрываешь лицо свое отъ меня? Я не отвратительная прокаженная: взгляни на меня. Что? Или ты оглохъ, какъ ехидина? Такъ будъ же ядовитъ и убей покинутую тобою королеву. Неужто вся твоя отрада сокрыта въ могилѣ Глостара? Что-жъ, такъ, значить, леди Маргарита никогда не была тебѣ отрадой? Такъ воздвигни-же его статую и поклоняйся ей, а изъ моего изображенія сдѣлай лишь вывѣску къ пивной. Для того-ли я едва не погибла на морѣ и противнымъ вѣтромъ дважды была отогнана обратно отъ Англии къ своей родной землѣ? Развѣ это не означало, что доброжелательные вѣтры какъ-бы говорили мнѣ: — Не стремись въ гнѣздо скорпионовъ, не становись ногами на этотъ непріязненный берегъ. — Что-же я сдѣлала тогда, какъ не прокляла эти нѣжныя вѣянія и того, кто выпустилъ ихъ изъ своихъ знойныхъ пещеръ? Я просила ихъ дуть къ благословеннымъ берегамъ Англии или-же опрокинуть наше судно на какой-нибудь ужасный утесъ. Однако, Эоль не захотѣлъ быть убійцей, но предоставилъ эту ненавистную обязанность тебѣ. Красиво-вздывавшееся море отказывалось потопить меня, зная, что ты, своимъ жестокосердіемъ, потопишь меня на землѣ въ

слезахъ соленыхъ, какъ море. Разсѣвшіяся скалы углубились въ зыбучій песокъ, не желая разбить меня объ свои острые бока, чтобы твое кремнистое сердце могло во дворцѣ твоёмъ погубить Маргариту. Когда буря отбила насъ отъ берега, я стояла подъ вихремъ, на палубѣ, до тѣхъ поръ, пока могла различать мѣловые утесы; а когда мутное небо начало скрывать отъ моихъ пристальныхъ взоровъ видъ твоей земли, — я сняла съ шеи дорогое украшеніе (это было сердце, оправленное въ брилліанты) и бросила его по направленію къ твоей землѣ. Море приняло его, и я пожелала, чтобы грудь твоя такъ-же приняла мое сердце. Но, несмотря на это, я потеряла изъ виду прекрасную Англию и все просила свои очи послѣдовать за моимъ сердцемъ и называла ихъ слѣпными и мутными очками за то, что они потеряли изъ виду желанный берегъ Альбіона. Какъ часто побуждала я съѣсть Сеффолька передо мною и рѣчами (этимъ орудіемъ твоего коварнаго непостоянства) очаровывать меня, подобно Асканію, когда онъ раскрывалъ передъ обезумѣвшей Дидоной дѣянія ея отца, начатія въ пылающей Троѣ! Развѣ я не безумна, какъ она? Или ты не коваренъ, какъ онъ? Увы! Не могу болѣе терпѣть. Уми, Маргарита; Генрихъ плачетъ, что ты еще такъ долго жива.

Шумъ за сценой. Входятъ: Уорикъ и Сольсбери. Народъ тѣснится къ дверямъ.

Уорикъ. Могушественный государь, ходятъ слухи, что добрый герцогъ Гемфри предательски убитъ происками Сеффолька и кардинала Бофорта. Народъ, какъ улей разъяренныхъ пчелъ, лишенныхъ своей матки, сиуетъ туда и сюда, не заботясь о томъ, кого ужалитъ въ своей мести. Я самъ усмирилъ ихъ гнѣвный бунтъ, пока они не узнаютъ порядкомъ о его смерти.

Король Генрихъ. Что онъ умеръ, добрый Уорикъ, это слишкомъ вѣрно; но какъ онъ умеръ, о томъ знаетъ Богъ, — не Генрихъ. Войди въ его комнату, осмотри его бездыханное тѣло и затѣмъ опредѣли его внезапную кончину.

Уорикъ. Исполню все, мой государь. Останься, Сольсбери, съ буйной толпою, пока я не вернусь.

Уорикъ уходитъ во внутренніе покои; Сольсбери удаляется.

Король Генрихъ. О Ты, Который судишь всѣхъ и вся, поддержи мои мысли! Мысли, которыя стараются увѣрить мою душу, что руки насилія были наложены на жизнь Гемфри. Если подозрѣніе мое ложно, прости мнѣ, Боже; право судить принадлежитъ, вѣдь, одному Тебѣ. Хотѣлъ-бы я пойти согрѣть его блѣдныя губы двадцатью ты-

сичами поцѣлуевъ и оросить лицо его океаномъ соленыхъ слезъ, чтобъ высказать любовь мою его нѣмому и глухому трупу и въ пальцахъ моихъ почувствовать его безчувственную руку. Но напрасны были-бы эти скудные сѣтованія, а увидѣть его мертвый земной обликъ развѣ не значить лишь усилить мою печаль?

Двери внутреннихъ покоевъ распахиваются настежь; виднѣя Глостэръ, мертвый, на своей постели. Уорикъ и другіе стоятъ подлѣ.

Уорикъ. Подойдите сюда, милостивый повелитель, посмотрѣть на это тѣло.

Король Генрихъ. Это то-же, что посмотреть, какъ глубока мнѣ вырыта могила: съ его душою отлетѣла вся моя земная отрада, потому что при видѣ его я вижу мою жизнь въ опасности смерти.

Уорикъ. Какъ душа моя твердо намѣрена ожить у грознаго Царя, Который взялъ на Себя наши грѣхи, чтобъ освободить насъ отъ страшнаго проклятія Своего Отца, такъ я убѣжденъ, что руки насилія были наложены на жизнь этого трижды славнаго герцога.

Сеффолькъ. Ужасная клятва, принесенная въ торжественныхъ рѣчахъ! Какое доказательство своей клятвы дать лордъ Уорикъ?

Уорикъ. Смотрите, какъ кровь прилила къ его лицу. Часто видалъ я умершихъ въ свое время: лица ихъ пепельно-сѣры, худы, блѣдны, безкровны, — вся кровь спустилась къ усиленно-работавшему сердцу, которое, въ борьбѣ со смертью, призывало ее на помощь противъ врага. Она остываетъ вмѣстѣ съ сердцемъ и уже никогда больше не возвращается румянить и украшать щеки. Но взгляните: его лицо черно и полно крови; глаза болѣе выпучены, нежели при жизни, и широко, испуганно вытаращены, какъ у задушеннаго человѣка; волосы его стоятъ дыбомъ, ноздри усиленно раздуты; руки широко раскрыты, какъ у того, кто-бы хватался и боролся за свою жизнь, но усмиренъ силой. Смотрите: къ простыни прилипли его волосы; его окладистая борода всклокочена и спутана, какъ лѣтняя жатва бурей. Лишь одно вѣроятно, что онъ былъ здѣсь убитъ: малѣйшій изъ этихъ признаковъ вполне вѣроятенъ.

Сеффолькъ. Однако, кто-же могъ умертвить герцога? Мы сами съ Бофортомъ охраняли его; а мы, надѣюсь, сэръ, — не убійцы.

Уорикъ. Но вы оба были заклятыми врагами герцога Гемфри и вамъ-же, дѣйствительно, поручили его стеречь. Похоже на то, что вы не уощали его, какъ дру-

га, и очевидно, онъ здѣсь нашелъ себя врага.

Королева Маргарита. Такъ вы, повидимому, подозреваете, что эти вельможи виновны въ безвременной кончинѣ герцога Гемфри?

Уорикъ. Кто-же, вида, что теленокъ мертвъ и еще истекаетъ свѣжей кровью, и около стоитъ мясникъ съ топоромъ, не заподозрить, что онъ совершилъ убійство? Кто, найдя куропатку въ гнѣздѣ коршуна, не пойметъ, отчего умерла эта птичка, хоть-бы коршунъ и парилъ съ неокровавленнымъ клювомъ? Такъ точно подозрительна и эта трагедія.

Королева Маргарита. Не ты-ли, мясникъ, Сеффолькъ? Гдѣ-же твой ножъ? Если Бофорта величаютъ коршуномъ, — гдѣ-же его когти?

Сеффолькъ. Я не пошу ножа, чтобъ убивать сиящихъ; но вотъ мстительный мечъ, заржавѣвшій въ покоѣ; онъ вычистится въ ненавистномъ сердцѣ того, кто меня клеймитъ багровымъ клеймомъ убійства. Скажи, коли посмѣешь, гордый лордъ Уорикъ, что я виновенъ въ смерти герцога Гемфри (*Уходятъ: кардиналъ, Сомерсетъ и другіе*).

Уорикъ. Чего не посмѣетъ Уорикъ, если живой Сеффолькъ смѣетъ вызывать его?

Королева Маргарита. Онъ не посмѣетъ утолить свой оскорбительный духъ, ни продолжать быть дерзкимъ порицателемъ, хотя-бы Сеффолькъ вызывалъ его двадцать тысячъ разъ.

Уорикъ. Сударыня, замолчите! Дозвольте мнѣ почтительно сказать вамъ это. Вѣдь каждое слово, которое вы произносите въ его защиту, клеймитъ ваше королевское достоинство.

Сеффолькъ. Грубаго ума и подлаго обращенія лордъ, если когда супруга оскорбляла своего лорда, такъ это мать твоя: она приняла на свое позорное ложе какого-нибудь грубаго, невоспитаннаго мужлана, и къ благородному стволу привила отпрыскъ дичка, плодомъ чего явился ты, который вовсе не потомокъ благороднаго рода Невилей.

Уорикъ. Если-бъ тебя не ограждалъ отъ меня грѣхъ убійства, если-бъ я не боялся отнять у палача его заработокъ и освободить тебя такимъ образомъ отъ десяти тысячъ посрамленій, и если-бы присутствіе моего государя не смягчало меня, — я-бы заставилъ тебя, лживый трусъ и убійца, на колѣняхъ просить прощенья за твои пошлыя рѣчи, и сказать, что ты подразумѣвалъ свою мать, такъ какъ ты рожденъ отъ незаконной связи. А послѣ того, какъ

эта дань страху была бы отдана, я отдалъ бы тебѣ твое вознагражденіе и отправилъ бы въ адъ твою душу, ядовитый вампиръ сонныхъ людей!

Сеффолькъ. Ты проснешься, когда я буду лить твою кровь, если ты осмѣлишься выйти изъ этого собранія вмѣстѣ со мною.

Уорикъ. Такъ выйдемъ сейчасъ-же, или я вытащу тебя отсюда. Какъ ты ни есть недостойнъ, я все-же сражусь съ тобою и окажу хоть эту услугу духу герцога Гемфри (*Уходятъ Сеффолькъ и Уорикъ*).

Король Генрихъ. Какія латы крѣпче незапятнаннаго сердца? Трижды вооруженъ тотъ, кто правъ въ своей ссорѣ; а тотъ, чья совѣсть запятнана неправдой, все равно что нагъ, будь онъ замкнутъ хоть въ сталь (*Шумъ за сценой*).

Королева Маргарита. Что это за шумъ?

Возвращаются: Сеффолькъ и Уорикъ съ обнаженными мечами.

Король Генрихъ. Ну, что-же это, лорды? Ваши ярые мечи обнажены въ нашемъ присутствіи? Смѣете-ли вы быть такъ дерзки?—Ну, что-же тутъ за буйный шумъ?

Сеффолькъ. Могущественный государь, вѣроломный Уорикъ напалъ на меня вмѣстѣ съ жителями Берн

Шумъ толпы за сценой. Возвращается Сольсбери.

Сольсбери (*Говоритъ тѣмъ, которые за сценой*). Господа, стойте въ сторонѣ; король узнаетъ ваше мнѣніе. Великій повелитель, народъ прислалъ меня вамъ передать, что если коварный Сеффолькъ не будетъ тотчасъ же казненъ или высланъ изъ территоріи прекрасной Англии, то онъ силой вырветъ его изъ вашего дворца и замучитъ его тяжелой, медленной смертью. Они говорятъ, что чрезъ него умеръ герцогъ Гемфри; они говорятъ, что въ лицѣ его боятся смерти вашего величества и что лишь простой инстинктъ любви и преданности,—свободный отъ лукаваго намѣренія противрѣчить, а также и отъ мысли воспрепятствовать вашимъ желаніямъ,—заставляетъ ихъ требовать его изгнанія. Они говорятъ, въ заботахъ о вашей царственной особѣ, что если-бы ваше величество, намѣреваясь уснуть, приказали, чтобы никто не мѣшалъ вамъ отдыхать, подъ страхомъ вашего неудовольствія или смертной казни, и тутъ-бы оказалась змѣя съ раздвоеннымъ жаломъ, которая исподтишка ползла бы къ вашему величеству,—то вамъ необходимо было бы проснуться, иначе, неостановленный вашимъ невиннымъ сномъ, этотъ смертоносный червь можетъ обратить вашъ сонъ въ вѣчный. Потому то они

и кричатъ (хоть вы имъ и запрещаете), что они будутъ васъ охранять,—желаете-ли вы этого, или нѣтъ,—отъ такихъ опасныхъ змѣй, какою является и есть коварный Сеффолькъ. Отъ его ядовитаго и рокового укушенія, какъ они говорятъ, вашъ любящій и въ двадцать разъ стоящій его дядя предательски лишенъ жизни.

Народъ (*За сценой*). Отвѣтъ короля, милордъ Сольсбери!

Сеффолькъ. Весьма вѣроятно, что народъ,—грубое, необразованное холопство,—шлетъ такое посланіе своему государю, но вы, милордъ, сами рады имъ услужить, чтобы показать, какой вы ловкій ораторъ. Но вся честь, которая досталась Сольсбери, это—быть посломъ къ королю отъ кучки какихъ то мѣдниковъ.

Народъ (*За сценой*). Отвѣтъ короля, или мы все къ нему ворвемся!

Король Генрихъ. Ступай, Сольсбери, и скажи имъ всемъ отъ меня, что я благодарю ихъ за ихъ нѣжныя обо мнѣ заботы. Хоть бы они меня объ этомъ не просили, я все-таки намѣревался поступить такъ, какъ они просятъ. И въ самомъ дѣлѣ, мысли мои ежечасно пророчатъ мнѣ, что моему государству грозитъ несчастіе черезъ Сеффольку. Поэтому, клянусь величіемъ Того, чей я недостойный представитель, что Сеффолькъ не будетъ еще долѣе трехъ дней заражать воздухъ, подъ страхомъ смертной казни (*Сольсбери уходитъ*).

Королева Маргарита. О, Генрихъ, дозвожь мнѣ ходатайствовать за благороднаго Сеффольку.

Король Генрихъ. Неблагородная королева, что называетъ его благороднымъ Сеффолькомъ? Довольно, говорю тебѣ: если ты будешь заступаться за него, ты лишь увеличишь мой гнѣвъ. Если-бы я только сказалъ, то сдержалъ-бы свое слово; но если я поклялся, то это уже непоколебимо.—Если, по истеченіи трехъ дней, ты будешь замѣченъ въ какомъ-бы то ни было мѣстѣ, мнѣ подвластномъ, весь міръ не будетъ выкупомъ за твою жизнь. Пойдемъ, Уорикъ, пойдемъ, добрый Уорикъ, со мною, я имѣю сообщить тебѣ много важнаго.

Уходятъ: король Генрихъ, Уорикъ, лорды и др.

Королева Маргарита. Пусть вамъ сопутствуютъ неудачи и горести! Пусть сердечное неудовольство и злобная печаль будутъ неразлучными товарищами вашихъ игръ! Гдѣ васъ двое, пусть тамъ дьяволъ будетъ третьимъ и тройная месть пусть стережетъ вашъ каждый шагъ!

Сеффолькъ. Благородная королева, оставь эти проклятыя и дозвожь Сеффольку съ грустью проститься съ тобою.

Королева Маргарита. Фу, трусливая баба, слабодушное творенье! Неужели у тебя не хватает духа клясть своихъ враговъ?

Сеффолькъ. Чума ихъ побери! Къ чему мнѣ ихъ клясть? Если-бы клятвы убивали, какъ стоны мандрагоры, я бы придумалъ такія ѣдки, заклятія, грубыя и страшныя на слухъ выраженія, такъ сильно произносишь-бы ихъ сквозь стиснутые зубы, съ такимъ множествомъ знаковъ моей смертельной ненависти, какъ испитая, осунувшаяся ненависть въ своемъ омерзительномъ логовищѣ. Языкъ запинался-бы въ моихъ грозныхъ рѣчахъ; глаза метали-бы искры, какъ зажженный кремь; волосы стали-бы дыбомъ, какъ у ѣшеннаго; даже каждый суставъ мой кричалъ-бы порицанія и проклятія. Да и теперь мое удрученное сердце разбилось-бы, если-бы я не проклиналъ ихъ. Пусть ядъ будетъ имъ питьемъ! Желчь, или что-либо еще худшее, пусть будетъ ихъ вкуснѣйшимъ, тончайшимъ кушаньемъ! Сладчайшая для нихъ сѣнь — роца кипарисовъ! Ихъ главные виды — смертоносные василиски! Нѣжнѣйшее для нихъ прикосновеніе — кошко, какъ жало ящерицы! Ихъ музыка — страшна, какъ змѣиное шипѣнье, и зловѣщія смычи пусть дополняютъ концерты! Пусть всѣ отвратительные ужасы адской преисподней...

Королева Маргарита. Довольно, милый Сеффолькъ: ты мучишь себя. А эти страшныя проклятія, какъ солнечныя лучи отъ стекла или какъ слншкомъ сильно заряженное орудіе, отскакиваютъ и силу свою направляютъ противъ тебя-же.

Сеффолькъ. Ты приказывала мнѣ проклинять, и ты-же приказываешь мнѣ перестать? Клянусь землею, изъ которой меня изгоняютъ, я могъ-бы цѣлую зимнюю ночь проклинять, хотя-бы простоялъ нагой на горной вершинѣ, гдѣ колючій морозъ вовсе не даетъ расти травѣ, — и мнѣ эта ночь показалась-бы одной минутой, проведенной въ забавахъ.

Королева Маргарита. О, дай мнѣ упросить тебя! Перестань! Дай мнѣ твою руку, чтобы я могла оросить ее моими грустными слезами: пусть дождь небесный не орошаетъ это мѣсто, чтобы не смыть этихъ памятниковъ моего горя, моей грусти. О, если-бы этотъ поцѣлуй могъ отпечататься на рукѣ твоей, чтобы ты, глядя на этотъ отпечатокъ, могъ вспоминать о той, которая вздыхаетъ по тебѣ тысячью вздоховъ. Итакъ уходи-же, чтобы я могла познать свое горе: оно лишь отсрочено, пока ты стоишь около меня, какъ насыщающійся, когда думаетъ о голодѣ. Я призову тебя обратно, или, будь увѣренъ, сама под-

вернусь ссылкѣ. А для меня разлука съ тобою — уже ссылка. Ступай, не говори со мною. Уходи-же! О нѣтъ, не уходи еще. Такъ точно двое осужденныхъ друзей цѣлуются, обнимаются и прощаются десять тысячъ разъ, во сто кратъ болѣе затрудняясь разстаться, неужели умереть. Однако, теперь прощай! прощай, жизнь съ тобою!

Сеффолькъ. Такъ-то десять разъ изгнанъ бѣдный Сеффолькъ: одинъ разъ королемъ и трижды три раза — тобою. Я не пожалѣлъ бы о родинѣ, если-бы тебя тамъ не было: для Сеффолька и пустыня была-бы достаточно населена, если-бы ты была его небесною подругой. Гдѣ ты, тамъ цѣлый міръ со всѣми различными мірскими радостями, а гдѣ тебя нѣтъ, — тамъ пустыня. Довольно. Живи, чтобы наслаждаться жизнью; мнѣ-же самому ни въ чемъ не будетъ радости, кромѣ той, что ты жива.

Входитъ Во.

Королева Маргарита. Куда Во такъ спѣшитъ? Пожалуйста, скажи, какія вѣсти?

Во. Я присланъ доложить его величеству, что кардиналъ Вофорть при-смерти: его внезапно охватываетъ тяжкій недугъ, отъ котораго онъ задыхается, таращитъ глаза и ловить воздухъ, богохульствуетъ и проклиняетъ всѣхъ людей на землѣ. Порой онъ разговариваетъ, какъ будто-бы около него находится духъ герцога Гемфри: порой зоветъ онъ короля, и подушка какъ будто-бы ему шепчетъ тайны своей обремененной души. Я посланъ передать его величеству, что онъ какъ разъ теперь зоветъ его громко.

Королева Маргарита. Иди, передай королю эту тяжелую вѣсть (*Во уходитъ*). Увы! И это — свѣтъ? И что это за вѣсти? Но отчего-же я сожалею о потерѣ какого-нибудь жалкаго часа, забывая о ссылкѣ Сеффолька, сокровища души моей? Но отчего-же, Сеффолькъ, я горюю не объ одномъ тебѣ, не спорю съ тучами юга слезами? Ихъ слезы питаютъ землю, а мое — мое горе. Иди-же прочь отсюда: ты знаешь, король сейчасъ придетъ, а если онъ найдетъ тебя со мною, — ты мертвый чловѣкъ.

Сеффолькъ. Разставшись съ тобою, я не могу уже жить, но умереть на твоихъ глазахъ было-бы для меня не болѣе, какъ приятною дремотой у тебя на колѣнчѣхъ. Тамъ могъ-бы предать я духъ свой небесамъ такъ-же тихо и кротко, какъ грудной младенецъ, умирающій съ материнской грудью во рту. Тамъ, при видѣ короля, я-бы обезумѣлъ и крикомъ просилъ-бы тебя смежить мнѣ очи, и устами твоими замкнуть мнѣ уста. Такимъ образомъ ты или вернула-бы мою отлетающую душу, или я

вдохнулъ-бы ее въ твое тѣло, и тогда она жила-бы въ прекрасномъ Элизіумѣ. Умереть при тебѣ—значитъ умереть шута; умереть вдали отъ тебя, значить мучиться болѣе, чѣмъ умирая. О, дозвожь мнѣ остаться: пусть будетъ, что будетъ.

Королева Маргарита. Уходи! Хоть прощаніе и сильно развѣдающее средство, но оно примѣняется къ смертнымъ ранамъ. Во Францію, милый Сеффолькъ! Дай мнѣ знать о себѣ; въ какой-бы части свѣта ты ни находился, у меня найдется Ириса, которая отыщетъ тебя.

Сеффолькъ. Я иду.

Королева Маргарита. И уносишь мое сердце съ собою.

Сеффолькъ. Это сокровище, замкнуто въ самой жалкой шкатулкѣ, которая когда-либо содержала цѣнныя вещи. Мы расстаемся, какъ расщепленная ладья. Въ эту сторону иду и къ смерти.

Королева Маргарита. А я—въ эту. *(Уходятъ въ разныя стороны).*

СЦЕНА III.

Лондонъ. Спальня кардинала Бофорта.

Входятъ: король Генрихъ, Сольсбери, Уорикъ и другіе. Кардиналь лежитъ въ постели, при немъ его слуги.

Король Генрихъ. Какъ поживаете, милордъ? Скажи, Бофортъ, твоему государю.

Кардиналь. Если ты—смерть, я отдамъ тебѣ казну Англій, достаточную для того, чтобы купить еще другой такой островъ,—лишь-бы ты оставилъ меня жить и не чувствовать боли.

Король Генрихъ. О, что за признакъ дурной жизни, если приближеніе смерти такъ ужасно видѣть!

Уорикъ. Бофортъ, это твой государь говорить съ тобою.

Кардиналь. Судите меня, когда вамъ угодно. Развѣ онъ умеръ не въ своей постели? Гдѣ-жъ ему больше умирать? Могу-ли я заставить людей жить волей-неволей?—О, не пытайте меня больше; я признаюсь. Снова ожилъ? Такъ покажите-же мнѣ, гдѣ онъ? Я дамъ тысячу фунтовъ за то, чтобы увидѣть его! У него нѣтъ глазъ: ихъ засорила пыль. Пригладьте его волосы: смотрите! смотрите! Они стоятъ дыбомъ, какъ вѣтки, обмазанныя смолою, чтобы поймать мою окрыленную душу. Дайте мнѣ попить и прикажите аптекарю принести тотъ сильный ядъ, который я у него купилъ.

Король Генрихъ. О ты, вѣчный Двигатель небесъ, взгляни милостивымъ окомъ на этого несчастнаго! О, отгони усерднаго и докучнаго врага, который упорно осаждаетъ душу несчастнаго, а изъ груди его—это мрачное отчаяніе!

Уорикъ. Смотрите, какъ предсмертныя муки заставляютъ его скрежетать зубами.

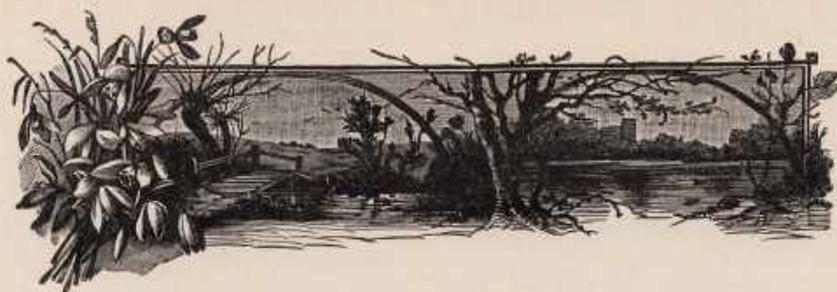
Сольсбери. Не тревожьте его, пусть онъ отойдетъ съ миромъ.

Король Генрихъ. Миръ душѣ его, если такъ благоугодно Богу. Лордъ кардиналь, если ты думаешь о небесномъ блаженствѣ, подними руку въ знакъ надежды. Онъ кончается и не подаетъ никакого знака. О Боже! Прости ему!

Уорикъ. Такая дурная смерть доказываетъ чудовищную жизнь.

Король Генрихъ. Воздержись отъ осужденій: все мы грѣшники. — Закройте ему глаза и плотно спустите пологъ, а мы пойдемъ предаться размышленіямъ *(Уходятъ).*

Дѣйствіе четвертое.

СЦЕНА I.

Кентъ. Берегъ моря близъ Дувра.

Надъ моремъ раздается пальба. Затѣмъ выходятъ изъ шлюпки: капитанъ, скиперъ, штурманъ, Уольтеръ, Уитморъ и другіе. Съ ними передѣтый Сеффолькъ и другіе джентльмены, плѣнники.

Капитанъ. Пышный, откровенный и жалкій день скользнулъ въ нѣдра моря; вотъ и громко воюющіе волки будятъ драконовъ, несущихъ трагически-грустную ночь. Сонными, вялыми, отвисшими крыльями ласкаютъ они могилы умершихъ и изъ своей туманной пасти выдыхаютъ въ воздухъ отвратительныя заразныя потемки. Приведите-же военныхъ, которыхъ мы забрали, и, пока наша пивасса стоитъ на якорѣ въ Дуврѣ, они тутъ на песокъ отдадутъ за себя выкупъ или кровью своей расцвѣтятъ этотъ безцвѣтный берегъ. — Скиперъ, этого плѣнника я охотно отдаю тебѣ, а ты, его, штурманъ, вотъ этого возьми себѣ въ добычу. А тотъ (*указывая на Сеффолька*) пусть будетъ твоей долей, Уольтеръ Уитморъ.

1-й джентльмэнъ. Какой за меня выкупъ, скиперъ? Позволь мнѣ узнать.

Скиперъ. Тысяча кронъ, а не то — подставляй голову!

Штурманъ. Столько-же дашь и ты, а не то — долой и твою.

Капитанъ. Какъ? Неужели по вашему много двухъ тысячъ кронъ? А еще носите имя и осанку джентльменовъ? Перерѣзайте горло обоимъ негодямъ! Вы должны уме-

реть. Такую ничтожную сумму нельзя противопоставить жизни тѣхъ, которыхъ мы лишились въ схваткѣ.

1-й джентльмэнъ. Я дамъ ее вамъ, сэръ; оставьте мнѣ жизнь.

2-й джентльмэнъ. Я — также и сейчас-же напишу объ этомъ домой.

Уитморъ. Я лишился глаза во время абордажа, и потому (*къ Сеффольку*) ты долженъ умереть, въ отмщеніе за это.

Капитанъ. Не будь такъ безразсуденъ: возьми съ него выкупъ и оставь ему жизнь.

Сеффолькъ. Взгляните на моего св. Георгія: я джентльмэнъ. Цѣни меня во сколько угодно, тебѣ будетъ уплачено.

Уитморъ. И я тоже: мое имя Уольтеръ Уитморъ. Что, это? Чего ты вздрогнулъ? Какъ? Неужели тебѣ смерть страшна?

Сеффолькъ. Мнѣ страшно твое имя, въ которомъ звучитъ смерть. Одинъ ученый составилъ мой гороскопъ и сказалъ, что я умру отъ „воды“. Однако, пусть это не дѣлаетъ тебя кровожаднымъ: вѣдь твое имя „Гольтиръ“, если его правильно проанести.

Уитморъ. „Гольтиръ“ или Уольтеръ, мнѣ все равно, какое-бы ни было. Но никогда еще не оскверняло нашего имени гнусное оскорбленіе безъ того, чтобы мы не смыли этого пятна. И если я, какъ торгошъ, продамъ свою мечь, пусть переломать надо мной мое копые, а доспѣхи перервутъ и опозорятъ и ославятъ меня негодяемъ по всей вселенной! (*Хватаетъ Сеффолька*)

Сеффолькъ. Постой, Уитморъ! Вѣдь твой плѣнникъ принцъ, онъ герцогъ Сеффолькъ, Уильямъ де-ля-Шуль.

Уитморъ. Герцогъ Сеффолькъ, укутанный въ лохмотья!

Сеффолькъ. Да, но эти лохмотья не составляютъ принадлежности герцога. Вѣдь и Юпитеръ иногда ходилъ переодѣтымъ; такъ почему-жь бы и мнѣ не дѣлать то-же?

Капитанъ. Но Юпитеръ никогда не былъ убитъ, а ты будешь.

Сеффолькъ. Подлый, ничтожный мужикъ! Кровь короля Генриха, благородная кровь дома Ланкастеровъ, не можетъ быть пролита такимъ порочнымъ рабомъ. Не посылалъ-ли ты мнѣ воздушныхъ поцѣлуетъ и не держалъ-ли ты мнѣ стремя? Съ непокрытой головою шелъ ты рядомъ съ моимъ муломъ въ богатой попонѣ и почиталъ себя счастливымъ, если я тебѣ кивалъ головою. Какъ часто подавалъ ты мнѣ чашу и кормился моими объѣдками, когда я пировалъ съ королевой Маргаритой? Вспомни, и пусть это сдѣлаетъ тебя смирише и уменьшить твою пустую гордость! Какъ ты дождался въ нашей прихожей моего выхода? И та-же самая рука моя, которая не разъ писала въ твою пользу, можетъ, вслѣдствіе этого, заворожить твой дерзновенный языкъ.

Уитморъ. Капитанъ, скажи: не прихлопнуть-ли мнѣ этого подлаго мужика?

Капитанъ. Пусть я сначала прихлопну его словами, какъ онъ меня.

Сеффолькъ. Низкій рабъ, слова твои тупы, какъ и ты самъ.

Капитанъ. Уведите его отсюда и отрубите ему голову надъ бортомъ нашего барказа.

Сеффолькъ. Ты не посмѣешь, изъ боязни за свою собственную.

Капитанъ. Посмѣю, Пуль.

Сеффолькъ. Пуль?

Капитанъ. Пуль? Сэръ Пуль или лордъ? Ну, грязный стокъ, лужа, или поймавшая яма, чье зловоніе и грязь мутятъ серебристые ручьи, изъ которыхъ пьютъ англичане. Теперь-то я замкну твой зѣвъ за то, что онъ поглотилъ государственную казну. Губы твои, цѣловавшія королеву, пусть лижутъ землю, а ты самъ, усмѣхавшійся смерти добраго герцога Глостера, тщетно будешь скалить зубы на безжалостный вѣтеръ, который съ презрѣніемъ будетъ продолжать на тебя свистѣть. И пусть ты сочетаешься съ вѣдьмами ада за то, что дерзнулъ сочетать могущественнаго повелителя съ дочерью ничтожнаго короля, не имѣвшаго ни поданныхъ, ни владѣній, ни короны. Благодаря дьявольскимъ хитростямъ, ты повысился и, какъ честолюбивый Цялла, пресытился кусками окровавленнаго сердца своей матери. Черезъ тебя проданы французамъ Анжу и Мэнъ; черезъ тебя-же лукавые бунтовщики норманцы съ презрѣ-

ніемъ отказываются называть насъ своими господами. Пикардійцы перерѣзали правителей, захватили наши крѣпости и отправили во-своихъ нашихъ раненыхъ, оборванныхъ солдатъ. Царственный Уорикъ и всѣ Невилы, грозные мечи которыхъ никогда не подымались понапрасну, изъ ненависти къ тебѣ встаютъ, вооружаясь. И вотъ теперь, домъ Юрка, — отторгнутый отъ короны позорнымъ убійствомъ безвиннаго короля и властной, гордой, хищной тиранией, — возгорѣлся мстительнымъ огнемъ и на своихъ отрядныхъ знаменахъ несетъ впереди наше полу-солнце, стремящееся засіять надъ изрѣченіемъ: *Invitis nubibus*. Народъ здѣсь, въ Кентѣ, возсталъ и, въ заключеніе всего, позоръ и нищета закрались во дворецъ нашего короля, а все черезъ тебя-же. Прочь! уведите его отсюда.

Сеффолькъ. О, если-бъ я былъ богомъ, чтобъ разразиться громомъ надъ этимъ ничтожнымъ, подлымъ, отвратительнымъ мужичьемъ! Мелочами гордятся лишь подлецы; и этотъ негодяй, будучи капитаномъ пинассы, грозитъ сильше, нежели Баргуль, могучій иллирійскій пиратъ. Шмели не сосутъ орлиной крови, но грабятъ пчелиные ульи. Невозможно, чтобъ я умеръ отъ руки такого подлаго вассала, какъ ты. Твои слова поднимаютъ во мнѣ гнѣвъ, но не раскаяніе. Я ѣду во Францію съ порученіемъ отъ королевы. Приказываю тебѣ доставить меня невредимо на тотъ берегъ пролива.

Капитанъ. Уольтеръ!

Уитморъ. Ступай, Сеффолькъ, я долженъ доставить тебя на смерть.

Сеффолькъ. *Gelidus timor occipat artus*: я боюсь только тебя.

Уитморъ. У тебя будутъ еще причины для страха, прежде чѣмъ я оставлю тебя. Ну что-же? Теперь ты покорился? Теперь хочешь смириться?

1-й джентльмэнъ. Мой милостивый лордъ, умоляйте его, говорите съ нимъ ласково.

Сеффолькъ. Повелительный языкъ Сеффолька твердъ и суровъ; привыкшій повелѣвать, онъ не умѣетъ просить милости. Тѣмъ болѣе мы не почтимъ такихъ людей, какъ эти, смиренными просьбами. Нѣтъ, скорѣе склонится моя голова на плаху, нежели колѣни мои передъ кѣмъ-либо, кромѣ Бога небесъ и моего короля. Ужь лучше торчать на окровавленной рогатицѣ, нежели стоять съ непокрытой головою передъ грубымъ рабомъ. Настоящее благородство чуждо страха: я могу вынести больше, чѣмъ вы осмѣлитесь мнѣ сдѣлать.

Капитанъ. Тащите его прочь и не давайте ему больше говорить.

Сеффолькъ. Ну, покажите-же, войны, на какую жестокость вы способны, чтобы смерть моя никогда не забылась. — Нерѣдко умирали великіе мужи отъ руки подлыхъ византійцевъ. Римскій боецъ и разбойникъ умертвили прекраснаго Туллія; отъ руки пригулка Брута палъ Юлій Цезарь; отъ дикихъ островитянъ — Великій Помпей, а отъ пиратовъ — Сеффолькъ (*Уходятъ: Сеффолькъ съ Уитморомъ и другіе*).

Капитанъ. Что-же касается тѣхъ, чей выкупъ мы уже назначили, намъ угодно, чтобы одинъ изъ нихъ отплавился обратно. Поэтому ты пойдешь съ нами, а онъ будетъ отпущенъ.

Входитъ опять Уитморъ съ трупомъ Сеффолька.

Уитморъ. Пусть тутъ лежать и голова его, и безжизненное тѣло, пока его не похоронитъ королева, его любовница. (*Уходитъ*).

1-й джентльмэнъ. О, жестокое и кровавое зрѣлище! Я увезу его тѣло къ королю: если не онъ, такъ друзья отомстятъ за него, равно какъ и королева, которой онъ былъ такъ дорогъ при жизни (*Уноситъ тѣло*).

СЦЕНА П.

Блэкхисъ.

Входятъ: Джорджъ Бевисъ и Джонъ Голландъ.

Джорджъ. Ступай, добудь себѣ мечъ, хотя-бы изъ дранокъ. Вотъ ужъ два дня, какъ они поднялись.

Джонъ. Значитъ, теперь имъ тѣмъ нужнѣе сонъ.

Джорджъ. Говорю тебѣ, что сукноваль, Джонъ Кэдъ, намѣренъ пообчистить государство, вывернуть его и поднять на немъ новый ворсъ.

Джонъ. Оно въ этомъ нуждается, потому что потерто. Говорю-же тебѣ, не бывало въ Англии веселья съ тѣхъ поръ, какъ явились эти джентльмены.

Джорджъ. О злополучное время! Въ ремесленникахъ не признаютъ добродѣтели.

Джонъ. Дворяне думаютъ, что ходить въ кожаномъ передникѣ позорно.

Джорджъ. Нѣтъ, и еще того больше: совѣтники короля плохіе работники.

Джонъ. Это правда. Однако, говорятъ: работай каждый на своемъ поприщѣ. Это то-же, что сказать-бы: пусть правителями будутъ работники, и потому намъ-бы слѣдовало быть правителями.

Джорджъ. Ты какъ-разъ попалъ въ цѣль: вѣрнѣйшій признакъ честнаго чловѣка — закрубѣлыя руки.

Джонъ. Я знаю кто! Я знаю кто! Вотъ сынъ Веста, бочаръ изъ Уингхэма.

Джорджъ. Ему пусть будутъ кожи нашихъ враговъ, чтобы выдѣлать изъ нихъ кожу.

Джонъ. И Дикъ, мясникъ.

Джорджъ. Ну, такъ грѣхъ будетъ драпъ, какъ волъ, а неправда зарѣзана, какъ теленокъ.

Джонъ. И ткачъ Смисъ.

Джорджъ. Егго — нить ихъ жизни окончена.

Джонъ. Пойдемъ, пойдемъ: примкнемъ же къ нимъ.

Барабаны. Входятъ: Кэдъ, мясникъ Дикъ, ткачъ Смисъ и множество другіихъ.

Кэдъ. Мы, Джонъ Кэдъ, названные такъ по имени мнимаго отца нашего.

Дикъ (*Въ сторону*). Или скорѣе за украденную бочку сельдей.

Кэдъ. Наши враги падутъ передъ нами, вдохновленными стремленьемъ низвергать королей и принцевъ. Прикажи молчать.

Дикъ. Молчать!

Кэдъ. Мой отецъ былъ Мертвмеръ.

Дикъ (*Въ сторону*). Честный чловѣкъ и хорошій каменьщикъ.

Кэдъ. Мать — изъ рода Плантадженетовъ.

Дикъ (*Въ сторону*). Я зналъ ее хорошо: она была повивальной бабкой.

Кэдъ. Жена моя — изъ потомства Леси.

Дикъ. И въ самомъ дѣлѣ: она дочь разносчика и продавала много кружевъ.

Смисъ (*Въ сторону*). Но за послѣднее время она ужъ не можетъ странствовать со своимъ мѣховымъ тюкомъ и бучить свое бѣлье дома.

Кэдъ. Слѣдовательно, я — благороднаго рода.

Дикъ (*Въ сторону*). Да, конечно. Поле — благородная мѣстность, а онъ тамъ и родился, подъ тыномъ, такъ-какъ у отца его, кромѣ тюрьмы, и дому-то никогда не бывало.

Кэдъ. Я храбръ.

Смисъ (*Въ сторону*). Поневоля: вѣдь нищія всѣ храбрецы.

Кэдъ. Я могу много вынести.

Дикъ (*Въ сторону*). Объ этомъ не можетъ быть вопроса: я видѣлъ, какъ его стегали кнутомъ три базарные дня подрядъ.

Кэдъ. Я не боюсь ни огня, ни меча.

Смисъ (*Въ сторону*). Ему нечего бояться меча: его одежда непроницаема.

Дикъ. Но, мнѣ кажется, онъ долженъ бояться огня, потому-что у него сожжена рука за кражу овецъ.

Кэдъ. Будьте-же храбры, потому-что предводитель вашъ храбръ и клянется все преобразить. Въ Англии будутъ продаваться хлѣбы въ семь съ половиной пенсовъ за одинъ пенни; въ трехмѣрномъ ведрѣ будетъ десять мѣръ, и я за преступленіе буду считать пить полииво. Все государство будетъ общимъ достояніемъ, а въ Чисайдѣ я буду пасти своего коня. Когда-же я буду королемъ, а я имъ буду. —

Всѣ. Спаси, Боже, ваше величество!

Кэдъ. Благодарю васъ, добрые люди. — Денегъ вовсе не будетъ: всѣ будутъ пить и ѣсть на мой счетъ. Я всѣхъ одѣну въ одинаковыя платья, чтобы всѣ ладили между собой, какъ братья, и почитали-бы меня, какъ своего повелителя.

Дикъ. Первое, что мы сдѣлаемъ, переберемъ всѣхъ законовѣдовъ.

Кэдъ. Нѣтъ, это я намѣренъ сдѣлать. Не жалость-ли что изъ шкуры какого-нибудь невиннаго ягненка сдѣлаютъ пергаментъ. Что этотъ пергаментъ, когда его весь испишутъ, губить человѣка? Иные говорятъ, что пчела кусается, но я говорю, что это пчелиный воскъ, такъ-какъ я лишь однажды припечаталъ одну вещь, и съ тѣхъ поръ я самъ не свой. Что это? Кто тамъ? *Входятъ нѣсколько человѣкъ, ведя за собою писца чатэмскаго.*

Смисъ. Писецъ чатэмскій. Онъ умѣетъ читать, писать и подсчитывать.

Кэдъ. О, безобразіе!

Смисъ. Мы забрали его, когда онъ поправлялъ прописи мальчишекъ.

Кэдъ. Вотъ такъ негодяй!

Смисъ. Въ карманѣ у него книга съ красными буквами.

Кэдъ. Нѣтъ! Значить, онъ колдунъ.

Дикъ. Нѣтъ, онъ даже можетъ составлять контракты и писать по-судейски.

Кэдъ. Мнѣ это очень жаль: онъ толковый человѣкъ, честное слово, и не умретъ, если я не найду его виновнымъ. Поди-ка сюда, малый, я долженъ допросить тебя какъ твое имя?

Писецъ. Эммануилъ.

Дикъ. Это пишутъ на заголовкахъ писемъ. Тебѣ плохо придется.

Кэдъ. Отстань! — Обыкновенно ты пишешь свое имя или у тебя есть какой-либо особый знакъ, какъ у всякаго честнаго простолюдина?

Писецъ. Благодаря Бога, сэръ, я настолько хорошо образованъ, что умѣю писать свое имя.

Всѣ. Такъ онъ сознался: долой его! Онъ злодѣй и предатель!

Кэдъ. Я говорю: долой его! Повѣсьте его съ перомъ и чернильницей на шею

*(Нѣсколько человѣкъ уходятъ съ писцомъ).
Входитъ Михаилъ.*

Михаилъ. Гдѣ нашъ предводитель?

Кэдъ. Я тутъ, странный ты человѣкъ.

Михаилъ. Кэдъ, бѣги! Бѣги, сэръ Гемфри Стаффордъ и его братъ съ королевскимъ войскомъ близко отсюда!

Кэдъ. Стой, негодяй, стой! Или я прихвачу тебя. Онъ будетъ встрѣченъ человѣкомъ не хуже его самого; онъ вѣдь только рыцарь, не такъ-ли?

Михаилъ. Да.

Кэдъ. Чтобы сравняться съ нимъ, я сейчасъ-же посвящу себя въ рыцари. Встань, сэръ Джонъ Мортимеръ. Ну, теперь онъ только держись!

Входитъ сэръ Гемфри Стаффордъ и его братъ Уильямъ съ войскомъ и съ барабанами.

Стаффордъ. Мятужные холопы, пѣна и грязь Кента, отмѣченные для висѣлицы, сложите оружіе. Возвращайтесь въ свои коттеджи, оставьте этого презрѣннаго! Король будетъ къ вамъ милостивъ, если вы отступитесь отъ него.

Уильямъ Стаффордъ. Но грозенъ, яростенъ и склоненъ къ кровопролитію, если вы заупрямитесь. Поэтому покоритесь, или умрите.

Кэдъ. Что-же касается этихъ разодѣтыхъ въ шелкъ рабовъ, я на нихъ не обращаю вниманія. Я съ вами говорю, добрые люди, надъ которыми я въ будущемъ надѣюсь царствовать, такъ какъ я законный наследникъ престола.

Стаффордъ. Негодяй! Отецъ твой былъ маляръ, а ты самъ стригунъ, — не такъ-ли?

Кэдъ. А Адамъ былъ сановникъ.

Уильямъ Стаффордъ. Ну, такъ что-же изъ-того?

Кэдъ. Ну, понятно, вотъ что: Эдмондъ Мортимеръ, графъ Марчъ, женился на дочери герцога Кларенса; не такъ-ли?

Стаффордъ. Такъ точно, сударь.

Кэдъ. Отъ нея онъ имѣлъ двойниковъ.

Уильямъ Стаффордъ. Это ложно.

Кэдъ. Ну, это еще вопросъ, но я говорю, что это вѣрно. Старшій изъ нихъ, отданный на вскормленіе, былъ украденъ нищей и, въ невѣдѣніи о своемъ рожденіи и родствѣ, сдѣлался каменщикомъ. Я его сыщъ; отрицай это, если можешь.

Дикъ. Нѣтъ, это слишкомъ вѣрно, и потому онъ будетъ королемъ.

Смисъ. Сэръ, онъ сложилъ трубу въ домъ отца моего и еще по сей день живы кирпичи, чтобъ засвидѣтельствовать это; поэтому лучше вамъ не отрицать.

Стаффордъ. И неужели вы повѣрите словамъ этого холопа, который самъ не знаетъ, что говоритъ?

Всѣ. Ну да, понятно, вѣримъ, а потому убирайтесь!

Уильямъ Стаффордъ. Джекъ Кэдъ, тебя подлучилъ герцогъ Йоркъ.

Кэдъ (*Въ сторону*). Онъ вретъ: я самъ это выдумалъ.—Ладно, любезный; скажи-ка отъ меня королю, что ради его отца, Генриха Пятаго, при которомъ мальчишки играли въ лунку на французскія кроны, я согласенъ, чтобы онъ царствовалъ, но пусть я буду его протекторомъ.

Дикъ. А сверхъ того, мы требуемъ голову лорда Сэ за то, что онъ продалъ Манское герцогство.

Кэдъ. И выполнѣ резонно: этимъ, вѣдь, искалѣчена Англія и можетъ даже ходить съ палкой, если только я не поддержу ее своею властью. Собратья-короля, говорю вамъ, что этотъ лордъ Сэ изуродовалъ государство и обратилъ его въ евнуха. Мало того: онъ даже говоритъ по-французски, а слѣдовательно онъ измѣнникъ.

Стаффордъ. О грубое и подлое невѣжество!

Кэдъ. Нѣтъ, отвѣчай, если можешь: французы наши враги? Ну и ладно, а я вотъ о чемъ только спрашиваю: можетъ ли тотъ, который говоритъ языкомъ враговъ, быть добрымъ совѣтникомъ,—или нѣтъ?

Всѣ. Нѣтъ, нѣтъ! И потому мы требуемъ его голову.

Уильямъ Стаффордъ. Ну, какъ видно, ласковыми рѣчами ихъ не одолѣешь: такъ нападайте-же на нихъ съ войскомъ короля.

Стаффордъ. Ступай, герольды! Въ каждомъ городѣ провозглашай измѣнниками тѣхъ, которые возстали вмѣстѣ съ Кэдомъ: что даже тѣ, которымъ удастся бѣжать до

окончанія сраженія, будутъ повѣшены на глазахъ у ихъ женъ и дѣтей, примѣра ради, передъ своими-же дверями. А тѣ, кто другъ королю, пусть идутъ за мною. (*Уходятъ: оба Стаффорда и войско*).

Кэдъ. А тѣ, кто любитъ народъ, пусть слѣдуютъ за мною.—Докажите-же теперь, свободы ради, что вы мужчины.—Мы не оставимъ ни одного лорда, ни одного джентльмена: не шадите никого, кромѣ тѣхъ, что ходятъ въ заплатанныхъ башмачкахъ, потому-что они-то и есть настоящіе расчетливые и честные люди, которые привяли бы нашу сторону, да не смѣютъ.

Дикъ. Но они все въ порядкѣ и наступаютъ на насъ.

Кэдъ. Ну, такъ и мы въ порядкѣ, даже когда у насъ наибольшій беспорядокъ. Идемъ; маршъ! Впередъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Другая часть Блэкхиса.

Тревога. Обѣ партіи сходятъ и дерутся; оба Стаффорда убиты.

Кэдъ. Гдѣ-же Дикъ, мясникъ изъ Ашфорда?

Дикъ. Здѣсь, сэръ.

Кэдъ. Враги падали передъ тобой, какъ волю, бараны, или и ты обращался съ ними, какъ если-бы ты былъ у себя на бойнѣ. Поэтому я награжу тебя: постъ будетъ еще на столько-же длиннѣе, чѣмъ теперь, а ты получишь разрѣшеніе бить для ста человѣкъ безъ одного.

Дикъ. Я больше ничего и не желаю.

Кэдъ. А правду сказать, такъ ты этого стоишь. Я буду носить этотъ знакъ побѣды, а тѣла будутъ волочиться у копытъ моего коня, пока я не прибуду въ Лондонъ, гдѣ мечъ мэра понесутъ предъ нами.

Дикъ. Если мы сами намѣрены благоденствовать и дѣлать добро, такъ отворимъ темницы и выпустимъ заключенныхъ.

Кэдъ. Не бойся, я это тебѣ обещаю. Идемъ, направимся въ Лондонъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: король Генрихъ, читающій прошеніе, Бекингемъ и съ нимъ лордъ Сэ. Нѣсколько поодаль—королева Маргарита сокрушается надъ головой Сеффолька.

Королева Маргарита. Я часто слышала, что горе смягчаетъ мысли, дѣлаетъ

ихъ боязливими и перерождаетъ ихъ. Думай, поэтому, о мести и перестань плакать. Но кто-же можетъ перестать плакать, глядя на это? Пусть лежитъ его голова тутъ, на моей трепетной груди; но-гдѣ-же тѣло, которое я-бы желала обнять?

Бекингэмъ. Какой отвѣтъ дастъ ваше величество на прошеніе бунтовщиковъ?

Король Генрихъ. Я пошлю какого-нибудь благочестиваго епископа ихъ увѣщевать: упаси Боже, чтобы столько христіанскихъ душъ погибло отъ меча! А я самъ скорѣе, нежели подавить ихъ кровавою войною, готовъ вести переговоры съ Джекѣмъ Кэдомъ, ихъ предводителемъ. — Но постой, я перечту прошеніе.

Королева Маргарита. О, жестокосердые негодяи! Неужели это прелестное лицо, управлявшее мною, какъ путеводная звѣзда, не могло принудить къ жалости тѣхъ, которые были недостойны на него смотрѣть?

Король Генрихъ. Лордъ Сэ! Джекъ Кэдъ поклялся, что добудетъ твою голову.

Сэ. Да, но я надѣюсь, что ваше величество добудете его.

Король Генрихъ. Ну, что-жъ, сударыня? Вы все еще горюете, оплакиваете смерть Сеффольба? Боюсь я, дорогая, что если-бы я умеръ, ты не такъ-бы сильно горевала по мнѣ.

Королева Маргарита. Нѣтъ, мой дорогой, я-бы не горевала: я-бы умерла.

Входитъ гонецъ.

Король Генрихъ. Ну что, какія вѣсти? Чего ты такъ сѣбшишь?

Гонецъ. Бунтовщики въ Саусеркѣ. Вѣдите, мой повелитель! Джекъ Кэдъ разглашаетъ, что онъ лордъ Мортимеръ, потомокъ рода герцога Кларенса, открыто называетъ ваше величество похитителемъ престола и клянется, что коронуется въ Уэстминстерѣ. Его войска — толпа оборванцевъ, холоповъ и мужиковъ, грубыхъ и безжалостныхъ; смерть сэра Гемфри Стаффорда и его брата дала имъ храбрость идти дальше. Всѣхъ ученыхъ, законниковъ, придворныхъ и джентльменовъ они называютъ подлыми гусеницами и намѣреваются ихъ умертвить.

Король Генрихъ. О, люди безъ стыда! Они не вѣдаютъ, что творять.

Бекингэмъ. Мой милостивый повелитель, удалитесь въ Кенельуерсъ, пока будетъ собрано войско противъ нихъ.

Королева Маргарита. Ахъ, если-бы герцогъ Сеффолькъ еще былъ живъ, эти кентскіе бунтовщики скоро были-бы усмирены!

Король Генрихъ. Лордъ Сэ, измѣнники тебя ненавидятъ, а потому отправляйся съ нами въ Кенельуерсъ.

Сэ. Тогда особа вашего величества будетъ въ опасности. Видъ мой противенъ ихъ взорамъ, и потому я лучше останусь здѣсь въ городѣ и буду жить одинъ, какъ только можно тайно.

Входитъ другой гонецъ.

2-й гонецъ. Джекъ Кэдъ взялъ Лондонскій мостъ. Жители бѣгутъ, бросая свой дома; гнусная чернь, жаждущая добычи, соединяется съ измѣнникомъ, и они всѣ сообща клянутся разграбить городъ и вашъ королевскій дворецъ.

Бекингэмъ. Не медлите-же, мой повелитель: уѣзжайте хоть верхомъ.

Король Генрихъ. Пойдемъ, Маргарита! Господь, наша надежда, намъ поможетъ.

Королева Маргарита. Моя надежда погибла, когда Сеффолькъ скончался.

Король Генрихъ. (*лорду Сэ*). Прощайте, милордъ; не довѣряйтесь кентскимъ бунтовщикамъ.

Бекингэмъ. Не довѣряйтесь никому, изъ боязни, чтобы васъ не предали.

Сэ. Моя надежда въ моей невинности, и потому я храбръ и рѣшителенъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Тамъ же. Тоуэръ.

Входятъ: лордъ Скэльзъ и другіе и ходятъ по стѣнѣ. Внизу входятъ нѣсколько горожанъ.

Скэльзъ. Ну что? Джекъ Кэдъ убитъ? 1-й горожанинъ. Нѣтъ, милордъ, и не похоже на то, что его убьютъ, Бунтовщики завладѣли мостомъ и убиваютъ всѣхъ, кто имъ противится. Лордъ мэръ проситъ у вашей милости подкрѣпленія изъ Тоуэра, чтобы защитить городъ отъ бунтовщиковъ.

Скэльзъ. Вы можете располагать подкрѣпленіемъ, безъ какого только я могу обойтись, такъ какъ меня самого они здѣсь безнокоятъ: бунтовщики уже пробовали взять Тоуэръ. Но вы отправляйтесь въ Смесфильдъ, соберите народъ, и я пришлю вамъ туда Мэттью Гау. Бейтесь за короля, за родину и за свою жизнь. Итакъ, прощайте: мнѣ опять надобно уйти (*Уходятъ*).

С Ц Е Н А VI.

Тамъ-же. Пушечная улица.

Ехдятъ: Джэкъ Кэдъ и его приверженцы. Онъ ударяетъ жезломъ по Лондонскому камню.

Кэдъ. Вотъ Мортимеръ и повелитель этого города! И тутъ-же, сидя на Лондонскомъ камнѣ, я постановляю и приказываю, чтобы въ этотъ первый годъ нашего царствования пожелобамъ не текло ничего, кромѣ краснаго вина, на счетъ города. А затѣмъ, будетъ измѣной, если кто-либо назоветъ меня иначе, чѣмъ лордомъ Мортимеромъ.

Вбѣгаетъ солдатъ.

Солдатъ. Джэкъ Кэдъ! Джэкъ Кэдъ! Кэдъ. Вали его! *(Его убиваютъ).*

Смисъ. Если этотъ малый умель, такъ никогда ужъ больше не назоветъ васъ Джэккомъ Кэдомъ: мнѣ кажется, его достаточно предупредили.

Дикъ. Милордъ, въ Смисфильдѣ собрано войско.

Кэдъ. Идемъ-же: сразимся съ ними. Но сперва отдайте и подожгите Лондонскій мостъ, а если можете, сожгите также и Тоуэръ. Ну, идемъ-же! *(Уходятъ).*

С Ц Е Н А VII.

Тамъ-же. Смисфильдъ.

Тревога. Входятъ съ одной стороны: Кэдъ и его приверженцы; съ другой: горожане и королевское войско, подъ предводительствомъ Мэттью Гау. Стычка. Горожане смяты. Мэттью Гау убитъ.

Кэдъ. Такъ-то, господа. Теперь ступайте нѣсколько человекъ и разрушайте Савойскій дворецъ! другіе — въ коллегіи: все уничтожайте!

Дикъ. У меня есть просьба къ вашей свѣтлости.

Кэдъ. Если-бъ вы просили титула свѣтлости, такъ и тотъ получилъ-бы за это слово.

Дикъ. Лишь-бы законы Англии исходили изъ вашихъ устъ.

Джонъ *(Въ сторону)*. Нечего сказать, плачевные-же это будутъ законы: его когда-то хватили въ ротъ копьемъ и онъ не зажалъ.

Смисъ *(Въ сторону)*. Нѣтъ, Джонъ, это будетъ вонючій законъ: у него изо рта еще воняетъ поджареннымъ сыромъ.

Кэдъ. Я уже это обдумалъ: такъ оно и будетъ. Ступайте, сожгите все правив-

тельственыя бумаги: мои уста будутъ англійскимъ парламентомъ.

Джонъ *(Въ сторону)*. Ну, такъ значить фдкн-же будутъ наши постановленія, если ему не вырвутъ зубы.

Кэдъ. А впредь все будетъ общимъ достояніемъ.

Входитъ гонецъ.

Гонецъ. Милордъ, добыча! Вотъ лордъ Сэ, продававшій французамъ наши города. Онъ тотъ, что заставлялъ насъ платить двадцать одну пятнадцатыхъ долей и по одному шиллингу съ фунта, въ послѣдній налогъ.

Входятъ: Джорджеъ Бевисъ съ лордомъ Сэ.

Кэдъ. Ну, такъ за это онъ будетъ десять разъ обезглавленъ. — Ахъ ты, шелковый, саржевый, — нѣтъ, крашенный лордъ! Теперь ты сдѣлался мишенью для нашего царственного суда. Что можешь ты отвѣчать моему величеству за сдачу Нормандіи господину Безимекю—дофину Франціи? Да будетъ тебѣ извѣстно, въ ихъ присутствіи и въ присутствіи лорда Мортимера, что я метла, которая до-чиста вымететъ со двора такую нечисть, какъ ты. Ты самымъ предательскимъ образомъ развратилъ юношество въ государство, основавъ школу грамотности. И, въ то время, какъ наши предки не имѣли другихъ книгъ, кромѣ бирки и намѣтокъ на биркѣ, ты ввелъ въ употребленіе книгопечатаніе, выстроилъ бумажную мельницу, вопреки королю, его коронѣ и достоинству. Тебѣ въ лицо будетъ доказано, что ты себя окружаешь людьми, которые обыкновенно говорятъ о существительныхъ и глаголахъ и произносятъ такія гнусныя слова, какихъ не снесетъ ни одно христіанское ухо. Ты поставилъ мировыхъ судей, которые призывали бѣдняковъ къ отвѣту въ такихъ дѣлахъ, за которыя они не могутъ отвѣчать. Кромѣ того, ты ихъ отправлялъ въ тюрьмы и вѣшалъ ихъ за то, что они не умѣли читать, когда именно, по этой только причинѣ, они и были-бы достойны жить. Ты, вѣдь, фдншь на лошадяхъ въ попонахъ, не такъ-ли?

Сэ. Такъ что-жъ изъ этого?

Кэдъ. Понятно, что тебѣ не слѣдовало-бы водить свою лошадь въ платьѣ, въ то время, когда люди почестіе тебя ходятъ въ штанахъ и курткѣ.

Дикъ. И работаютъ въ одной рубахѣ, какъ я, напримѣръ, потому что я мясникъ.

Сэ. Вы—жители Кента.

Дикъ. Ну, что-то скажешь ты о Кентѣ? Сэ. Только вотъ что: онъ „bona terra, mala gens“.

Кэдъ. Долой его! Долой его! Онъ говорить по-латыни.

Сэ. Только выслушайте, что я скажу,

а тамъ отправляйте меня, куда хотите. Въ Комментаріяхъ, написанныхъ Цезаремъ, Кентъ названъ самою образованной землей на островѣ; мѣстность его прелестна, потому что полна богатствъ; народъ великодушень, храбръ, дѣтеленъ и богатъ; это мнѣ даетъ надежду на то, что вы не чужды жалости. Не продавалъ я Мэна, не терялъ я Нормандіи; однако, чтобы вернуть ихъ, я готовъ лишиться жизни. Я всегда творилъ милость и правосудіе; мольбы и слезы меня трогали, но приношенія — никогда. Требовалъ-ли я когда чего изъ вашихъ рукъ, какъ не для поддержки короля, государства и васъ самихъ? Я щедрости свои расточалъ ученымъ писцамъ, потому что за мою образованность меня отличалъ король. А если невѣжество — Божье наказанье, такъ наука — крыло, на которомъ мы летимъ на небеса. Если вы только не одержимы злымъ духомъ, вы не согласитесь убить меня. Этотъ языкъ велъ съ иностранными королями переговоры въ вашу пользу.

Кэдъ. Будетъ! Когда бывало, чтобы ты нанесъ хоть одинъ ударъ на полѣ битвы?

Сэ. У высокыхъ особъ — долгиа руки: я часто разилъ тѣхъ, которыхъ никогда не видѣлъ, и разилъ на смерть.

Джорджъ. О, безобразный трусъ! Какъ? Ты нападалъ на людей сади?

Сэ. Эти щеки поблѣднѣли въ заботахъ о нашемъ благѣ.

Кэдъ. Дерните его за ухо и это заставитъ ихъ покраснѣть.

Сэ. Долгое сидѣнье за разрѣшеніемъ дѣлъ бѣдняковъ совершенно изнурило меня и обременило болѣзнями.

Кэдъ. Такъ мы напоимъ тебя бульономъ изъ пеньки и полечимъ топоромъ.

Дикъ. Ты отчего дрожишь, малый?

Сэ. Не страхъ, а параличъ меня тревожитъ.

Кэдъ. Нѣтъ, это онъ киваетъ намъ, чтобы сказать: „Я хочу съ вами сравняться“. Я посмотрю, будетъ-ли его голова крѣпче держаться на рогагинѣ, или нѣтъ? Уведите его в казнитъ.

Сэ. Скажите мнѣ, чѣмъ я васъ болѣе всего обидѣлъ? Развѣ я домогался богатства или почестей? Говорите! Развѣ мои сундуки полны награбленнымъ золотомъ? Развѣ мой нарядъ роскошенъ на видъ? Кому я навредилъ, что вы ищете моей смерти? Эти руки неповинны въ пролитіи крови безвинныхъ, а эта грудь — въ томъ, что пріютала лукавые помыслы. О, оставьте мнѣ жизнь!

Кэдъ. Я самъ чувствую жалость отъ его рѣчей, но я преодолѣю ее: онъ умретъ, хотя бы за то, что такъ хорошо защища-

етъ свою жизнь. Долой его! у него домовой подъ языкомъ: онъ говоритъ не отъ имени Господня. Ступайте, тащите его и сейчасъ-же отрубите ему голову, затѣмъ ворвитесь въ домъ его зятя, сэра Джамса Кронмера, снесите ему голову и принесите ихъ обѣ сюда, на рогагинахъ.

Всѣ. Все будетъ сдѣлано.

Сэ. Ахъ, соотечественники! Если Богъ, когда вы Ему молитесь, будетъ такъ жестокъ, неумолимъ, какъ вы, каково придется вашимъ отошедшимъ, отлетѣвшимъ душамъ? Такъ хоть поэтому смягчитесь, спасите мнѣ жизнь.

Кэдъ. Долой его и сдѣлайте, какъ я приказалъ (*Нѣсколько человекъ и лордъ Сэ уходятъ*). Самый знатный, гордый изъ пэровъ не сноситъ головы на плечахъ, если не заплатитъ мнѣ выкупа дани. Ни одна дѣвушка не выйдетъ замужъ, не заплативъ мнѣ своей дѣвственностью, прежде чѣмъ она имъ достанется. Мужчины будутъ зависѣть отъ меня *in capite*, и мы постановляемъ и приказываемъ, чтобы жены ихъ были свободны, какъ только душѣ угодно или какъ только можно выразить словами.

Дикъ. Когда-же, милордъ, пойдемъ мы въ Чипсайдъ и своими алебардами заплатимъ за добычу?

Кэдъ. Понятно, сейчасъ-же.

Всѣ. Молодцомъ!

Возвращаются бунтовщики съ головами лорда Сэ и его зятя.

Кэдъ. Но развѣ это не еще молодцаваѣе? Пусть они поцѣлуются: вѣдь они любили другъ друга при жизни. Теперь разлучите ихъ снова, чтобы они не согласились между собою отдать французамъ еще нѣсколько городовъ. Солдаты! Отложите грабежъ до ночи: съ этими головами впереди вмѣсто жезловъ, мы хотимъ проѣхать по улицамъ и заставить ихъ цѣловаться на каждомъ перекресткѣ. Идемъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА VIII.

Саусуеркъ.

Тревога. Входятъ; Кэдъ и вся его свора.

Кэдъ. Вверхъ по Рыбной улицѣ! Внизъ къ углу Святого Магнуса! Бейте и валите! Бросайте ихъ въ Темзу! (*Трубятъ переговоры, а затѣмъ отбой*). Что это за шумъ я слышу? Смѣетъ-ли кто быть такъ дерзокъ, чтобы трубить отбой или переговоры, когда я приказываю бить?

Входятъ: Бекингэмъ и старикъ Клиффордъ съ войскомъ.

Бекингэмъ. Да, они тутъ и есть, тѣ, которые дерзаютъ и желаютъ тебя тревожить. Знай же, Кэдъ, что мы посланы отъ короля къ народу, котораго ты ввелъ въ заблужденіе, и тутъ-же объявляемъ прощеніе всѣмъ тѣмъ, которые тебя оставляютъ и съ миромъ разойдутся по домамъ.

Клиффордъ. Что скажете вы, соотечественники? Смягчитесь-ли вы и поддадитесь жалости, которую вамъ предлагаютъ, или дадите этой сворѣ вести васъ на смерть? Кто любитъ короля и желаетъ принять его прощеніе, пусть броситъ въ воздухъ свою шапку и скажетъ: Боже, храни его величество! А кто его ненавидитъ и не почитаетъ его отца, Генриха Пятаго, передъ которымъ вся Франція трепетала, — тотъ пусть заманется на насъ мечомъ и проходить мимо.

Всѣ. Боже, храни короля! Боже, храни короля!

Кэдъ. Какъ?

Бекингэмъ и Клиффордъ, неужели вы такъ храбры? — А вы, подлое мужичье, неужели вы ему вѣрите? Неужели вы непременно хотите быть повѣшены со всѣми своими прощеніями на шею? Для того развѣ пробила мой мечъ въ

лондонскія ворота, чтобы вы оставили меня при Уайт-Хартѣ въ Соусеркѣ? Я думалъ, что вы уже низачто не положите оружія, пока не вернете своей прежней свободы. Но вы все невѣрные, трусы, вамъ нравится жить въ рабствѣ у дворянъ. Пусть они тяжелыми ношами ломаютъ вамъ спины, пусть отнимаютъ у васъ изъ подъ носу ваши дома, похищаютъ у васъ на глазахъ вашихъ женъ и дѣтей. Что-же касается меня, то я и одинъ постою за себя. Итакъ, пусть Божье проклятіе будетъ вамъ легкой ношей!

Всѣ. Мы пойдемъ за Кэдомъ! Мы пойдемъ за Кэдомъ!

Клиффордъ. Развѣ Кэдъ сынъ Генриха Пятаго, что вы такъ кричите, что пойдете за нимъ? Развѣ онъ поведетъ васъ въ нѣдра Франціи и одѣлаетъ ничтожнѣйшихъ изъ васъ графами и герцогами? Увы! У него нѣтъ даже своего дома, нѣтъ мѣста, куда-бы убѣжать: онъ даже не знаетъ, какъ и чѣмъ жить, исключая грабежа, обирания

вашихъ друзей и насъ. Не будетъ развѣ позоромъ, если въ то время, которое вы проводите въ раздорахъ, грозные французы, которыхъ вы недавно побѣждали, вдругъ нахлынутъ съ моря и побѣдятъ васъ? Среди этой гражданской распри, мнѣ уже кажется, что я вижу, какъ они хозяйничаютъ на лондонскихъ улицахъ, крича: Villageois каждому, кого ни встрѣтятъ. Пусть лучше пропадутъ десять тысячъ подлыхъ Кэдовъ, нежели вы попадете подъ власть французовъ. Во Францію! во Францію! Вернемъ то, что потеряли! Пощадите Англiю, вѣдь она — родная вамъ земля. У Генриха есть деньги, у васъ — сила и мужество. Богъ за васъ, не сомнѣвайтесь-же въ побѣдѣ.

Всѣ. Клиффордъ! Клиффордъ! Мы пойдемъ за королемъ и за Клиффордомъ!

Кэдъ. Было-ли когда такъ легко слушать перышко туда и сюда, какъ эту толпу? Имя Генриха Пятаго влечетъ ихъ къ сотнѣ бѣдъ и заставляетъ оставить меня одинокимъ. Я вижу, что они сговариваются схватить меня. Мой мечъ долженъ положить мнѣ дорогу; здѣсь оставаться не годится. На зло аду и чертямъ, пробьюсь сквозь самую вашу середину и пусть небо и честь будутъ мнѣ свидѣ-

телями, что не недостатокъ рѣшимости съ моей стороны, а подлая и безстыдная измена моихъ приверженцевъ заставляетъ меня бѣжать со всѣхъ ногъ (*Уходитъ*).

Бекингэмъ. Какъ! онъ бѣжалъ? Бѣгите велѣдъ за нимъ и тотъ, кто принесетъ его голову королю, получитъ тысячу кронъ въ награду (*Нѣсколько человекъ уходитъ*). За мной, солдаты! мы обсудимъ средство примирить васъ съ королемъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА IX.

Замокъ Кенельуерсъ.

Глубинный звукъ. На террасу замка входятъ: король Генрихъ, королева Маргарита и Сомерсетъ.

Король Генрихъ. Былъ-ли когда король, который-бы владѣлъ престоломъ и могъ повелѣвать, и былъ-бы этимъ менѣе

доволенъ, чѣмъ я? Едва вышелъ я изъ колыбели, какъ девяти мѣсяцевъ уже былъ сдѣланъ королемъ. Никогда еще не бывало подданнаго, который такъ желалъ-бы сдѣлаться королемъ, какъ я—поданнымъ.

Входятъ: Бекингэмъ и Клиффордъ.

Бекингэмъ. Здравья и отрадныхъ вѣстей вашему величеству!

Король Генрихъ. Неужели, Бекингэмъ, пойманъ предатель Кэдъ? Или онъ только отступилъ, чтобы подкрѣпиться?

*Внизу входятъ нѣсколько присерженцевъ
Када съ веревками на шеѣ.*

Клиффордъ. Онъ бѣжалъ, мой повелитель, а всѣ его войска сдаются и вотъ какъ, смиренно, съ веревками на шеѣ, ожидаютъ рѣшенія вашего величества:—жизни или смерти.

Король Генрихъ. Ну, такъ разверзните, о небеса, ваши предвѣчныя врата, чтобы принять мои обѣты хвалы и благодаренія!—Солдаты! Вы этотъ день вы спасли свою жизнь и доказали, какъ вы преданы вашему государю и отечеству; продолжайте же быть всегда такихъ добрыхъ намѣреній и будьте увѣрены, что Генрихъ, какъ-бы онъ ни былъ злополученъ, никогда не будетъ немилостивъ. Итакъ, поблагодаривъ и простивъ васъ всѣхъ, я отпускаю васъ по вашимъ различнымъ землямъ.

Всѣ. Боже, храни короля! Боже, храни короля!

Входитъ гонецъ.

Гонецъ. Дозвольте доложить вашему величеству, что герцогъ Йоркъ только что прибылъ изъ Ирланди и, съ обширнымъ могучимъ войскомъ геллогласовъ и керновъ, шествуетъ сюда въ статномъ порядкѣ. И все провозглашаетъ по мѣрѣ своего шествія впередъ, что вооружился единственно съ цѣлью, чтобы удалить отъ тебя герцога Сомерсета, которого называетъ предателемъ.

Король Генрихъ. Такимъ образомъ, мое государство, между Кэдомъ и Йоркомъ, подобно кораблю, который, избѣгнувъ бури, потомъ застигнутъ затишьемъ и взятъ на abordажъ пиратомъ. Но Кэдъ теперь прогнанъ, люди его разсѣяны, и вотъ Йоркъ вооружился, чтобы поддержать его. Прошу тебя, Бекингэмъ, иди къ нему навстрѣчу и спроси, что за причина его вооруженія? Скажи ему, что я пришаю въ Тоузъръ герцога Эдмонда, а тебя, Сомерсетъ, мы отправимъ туда-же, пока его войско не будетъ имъ распушено.

Сомерсетъ. Мой повелитель, я покоришься-бы охотно заключенію, или даже смерти, чтобы только быть полезнымъ моему отечеству.

Король Генрихъ. Во всякомъ случаѣ, не будь слишкомъ рѣзокъ въ выраженіяхъ,

такъ какъ онъ горячъ и не переноситъ грубыхъ рѣчей.

Бекингэмъ. Слушаю, государь, и не сомнѣваюсь, что поведу дѣло такъ, что все обратится къ вашему благополучію.

Король Генрихъ. Пойдемъ, жена, въ покои и поучимся управлять получше, а пока Англія лишь можетъ проклинать мое царствованіе (*Уходятъ*).

СЦЕНА X

Кэнтъ. Садъ Айдена.

Входитъ Кэдъ.

Кэдъ. Позоръ честолюбію! Позоръ мнѣ самому, имѣющему мечъ и между тѣмъ готовому умереть съ голоду! Пять дней я прятался въ этихъ лѣсахъ, не осмѣливаясь выгнаться изъ нихъ, такъ какъ вся страна меня подстерегаетъ; но теперь я ужъ такъ голоденъ, что больше-бы не выдержалъ, если-бы даже получилъ обѣщаніе прожить еще хоть тысячу лѣтъ. Поэтому я перебѣзъ черезъ кирпичную стѣну въ этотъ садъ, чтобы посмотреть, не могу-ли я поѣсть травы или перехватить гдѣ-нибудь салата, что недурно для прохлажденія людскихъ желудковъ въ эту жаркую погоду. Мнѣ кажется, что самое слово „салатъ“ нарочно рождено мнѣ во благо. Какъ часто, если-бы не „шлемъ или салатъ“, чашка съ моими мозгами была-бы скрѣплена темными заплатами; какъ часто, когда меня томила жажда, а я храбро шелъ впередъ, она мнѣ служила вмѣсто кружки, а теперь слово „салатъ“ должно послужить мнѣ на пропитаніе.

Входитъ Айденъ, а за нимъ слуги.

Айденъ. Боже! Да кто-же можетъ жить въ придворной суматохѣ и наслаждаться такими тихими прогулками, какъ эти? Это маленькое наслѣдство, оставленное мнѣ отцомъ, вполне меня удовлетворяетъ и стоитъ цѣлаго государства. Я не стремлюсь возвыситься паденіемъ другихъ; я коплю деньги, не заботясь о зависти; довольно и того, что мнѣ хватаютъ на содержаніе хозяйства и что бѣдняковъ отсылаютъ отъ моихъ воротъ вполне довольными.

Кэдъ. Это владѣлецъ земли пришелъ схватить меня за мое своеволие въ томъ, что я вошелъ безъ спросу въ его обитель.—А, негодяй! Ты хочешь меня выдать и получить тысячу кронъ за то, что принесешь королю мою голову? Но я заставлю тебя пожевать клинокъ, какъ устрицу, и проглотить мой мечъ, какъ булавку, прежде, чѣмъ мы съ тобой разстанемся.

Айденъ. Кто-бы ты ни былъ, грубиянъ, я тебя не знаю: такъ зачѣмъ-же мнѣ выдавать тебя? Развѣ не довольно того, что ты ворвался ко мнѣ въ садъ, какъ воръ, пришедшій обокрасть мои владѣнья и влѣзшій на мою стѣну, не спросясь меня, самого владѣльца, — и ты-же грозшишь мнѣ въ такихъ дерзкихъ выраженіяхъ?

Кэдъ. Пугаю тебя? да клянусь благороднѣйшей кровью, которая когда-либо была пролита, я также еще вцѣплюсь тебѣ въ бороду. Смотри-же на меня хорошенько. Я уже пять дней, какъ не ѣлъ мяса; однако, подойди-ка ты и пятеро твоихъ слугъ, и попусти Боже, чтобы я больше никогда уже не ѣлъ травы, если я не приколочу васъ, мертвыми, какъ дверные гвозди.

Айденъ. Нѣтъ, никогда, пока еще Англія стоитъ, не скажутъ, что Александръ Айденъ, кентскій эсквайръ, съ людьми напалъ на голоднаго человѣка. Противься своимъ пристальнымъ взоромъ моему; посмотри, не можешь-ли ты взглядами одолѣть меня? Сравни себя со мною, — суставъ съ суставомъ, и ты — гораздо меньше меня. Твоя рука — лишь одинъ палецъ моего кулака; твоя нога — трость въ сравненіи съ этимъ бревномъ; моя ступня поборется со всею силой, какая въ тебѣ есть; а если я только взмахну въ воздухъ рукою, такъ могила уже вырыта тебѣ въ землѣ. Что-же касается до словъ, то они соотвѣтствуютъ твоимъ, а о чемъ я умолчу, то пусть мой мечъ доложитъ.

Кэдъ. Клянусь своей доблестью! Вотъ самый совершенный воинъ, о какомъ я когда-либо слыхивалъ. Клинокъ! Если ты погнешь остріе свое или не изрѣжешь этого толстомясаго болвана на ломти, прежде,

чѣмъ успокоишься въ своихъ ножнахъ, я на колѣняхъ умоляю Юпитера, чтобы онъ обратилъ тебя въ подковный гвоздь (*Деруется. Кэдъ падаетъ*). О, я убить! Меня убилъ никто иной, какъ голодъ; пусть только выступять противъ меня десять тысячъ чертей, и дайте мнѣ тѣ десять обѣдовъ, которыхъ я лишился, и я вызову ихъ всѣхъ. Садъ, увянь! И будь впередъ могилой для всѣхъ, кто живетъ въ этомъ домѣ, потому что здѣсь отлетѣла непобѣдимая душа Кэда!

Айденъ. Неужели я убилъ Кэда, этого чудовищнаго измѣнника? Мечъ! Я прославлю тебя за этотъ подвигъ, и тебя повѣсятъ надъ моею могилой, когда я умру. Никогда не будетъ эта кровь стерта съ твоего острія, но ты будешь въ ней, какъ въ одеждѣ герольда, чтобы проявить славу своего господина.

Кэдъ. Айденъ, прощай и не гордись своей побѣдой. Скажи отъ меня Кенту, что онъ лишился лучшаго изъ своихъ людей, который убѣждаетъ весь міръ быть трусами, потому что я, который никогда не былъ трусомъ, побѣжденъ не силой, а голодомъ. (*Умираетъ*).

Айденъ. Небо да будетъ мнѣ судьей; ты меня обижаетъ. Умри, проклятый негодяй, и проклятіе той, что родила тебя! Какъ я сую мечъ въ твое тѣло, такъ я желалъ-бы сунуть и твою душу въ преисподнюю. Отсюда я стащу тебя за ноги, внизъ головою, въ навозную кучу, которая будетъ тебѣ могилой, и тамъ отрублю твою безстыдную голову. Ее я торжественно понесу къ королю, оставивъ туловище на пропитаніе воронамъ (*Уходятъ: Айденъ, таща за собою тѣло, и слуги*).

Дѣйствіе пятое.

СЦЕНА I.

**Тамъ-же. Поле между Дартфордъ и
Блэхисомъ.**

*Съ одной стороны—лагерь короля; съ дру-
гой—входитъ Йоркъ со свитой, съ бараба-
нами и знаменами; въ нѣкоторомъ отда-
леніи—его войска.*

Йоркъ. Такъ Йоркъ является изъ Ирландіи, чтобы предъявить свои права и сорвать корону съ головы слабого Генриха. Громче звоните, колокола! Горите, огни, ярче и свѣтлѣе, чтобы чествовать законнаго короля великой Англіи! О, sancta majestas! Кто не купилъ-бы тебя дорогой цѣною? Пусть повинуются тѣ, кто не умѣетъ управлять. Эта рука создана для того, чтобы держать только золото. Я не могу придать должнаго дѣйствія своимъ словамъ иначе, какъ если въ ней будутъ скипетръ или мечъ. И, если только есть во мнѣ душа, это будетъ скипетръ, на которомъ я буду подбрасывать лиліи Франціи (*Входитъ Бекингэмъ*). Кто это къ намъ? Бекингэмъ, чтобы помѣшать мнѣ? Вѣрно, его прислалъ король. Я долженъ притвориться.

Бекингэмъ. Йоркъ, если твои намѣренія хороши, такъ и я привѣтствую тебя хорошо.

Йоркъ. Гемфри Бекингэмъ, я принимаю твой привѣтъ. Пришелъ-ли ты посломъ, или по собственному желанію?

Бекингэмъ. Посломъ отъ Генриха, нашего могущественнаго государя, чтобы узнать причину этого вооруженія во время

мира, или для того, что ты, —такой-же подданный, какъ я, —противно своей клятвѣ и присягѣ въ подданствѣ, собралъ такое большое войско, безъ его разрѣшенія, и осмѣлился подвести его такъ близко ко двору.

Йоркъ (*Въ сторону*). Я едва могу говорить: такъ великъ мой гнѣвъ. О, я могъ-бы разсѣкать скалы и драться ихъ обломкамъ, такъ я сердитъ на эти дерзкія рѣчи! А теперь, подобно Аяксу Теламонію, я могъ-бы сорвать свой гнѣвъ на волахъ или на баранахъ. Я рожденъ гораздо выше, чѣмъ король, и болѣе похожъ на короля, болѣе царственъ въ своихъ помыслахъ. Но я еще долженъ казаться довольнымъ, пока Генрихъ не станетъ слабѣе, а я —сильнѣе. — О, Бекингэмъ, прошу тебя, прости мнѣ, что я такъ долго не давалъ тебѣ отвѣта: мысли мои тревожатъ глубокая печаль. Причина, почему я привелъ сюда это войско, —удалить отъ короля гордаго Сомерсета, который вредитъ и его величеству, и государству.

Бекингэмъ. Это слишкомъ самонадѣянно съ твоей стороны. Но если твое вооруженіе не имѣетъ другой цѣли, такъ король исполнилъ твою просьбу: герцогъ Сомерсетъ въ Тоуэрѣ.

Йоркъ. Ты честью ручаешься, что онъ въ заключеніи?

Бекингэмъ. Честью ручаюсь, что онъ въ заключеніи.

Йоркъ. Тогда, Бекингэмъ, я распушу свои войска. — Солдаты, благодарю васъ всѣхъ, расходитесь, а завтра выйдете ко мнѣ на поле Сент'Джоржа, и вы получите свое жалованье и все, чего пожелаете. Пусть мой государь, добродѣтельный Ген-

рихъ, потребуешь моего старшаго сына,— нѣтъ, хоть и всѣхъ моихъ сыновей,—въ залогъ моего подданства и любви; я всѣхъ ему пришлю такъ-же охотно, какъ я живу на свѣтѣ. Земли, имущество, кони, вооруженіе и все, что я имѣю, къ его услугамъ: лишь-бы умеръ Сомерсетъ.

Бекингэмъ. Юркъ, я хвалю такую ласковую покорность: мы вдводемъ пойдемъ въ ставку его величества.

Входитъ король Генрихъ со свитой.

Король Генрихъ. Бекингэмъ, развѣ Юркъ не желаетъ намъ зла, что идетъ подъ руку съ тобою?

Юркъ. Съ полной покорностью и смиреніемъ является Юркъ къ вашему величеству.

Король Генрихъ. Такъ съ какимъ-же намѣреніемъ ты привелъ это войско?

Юркъ. Съ намѣреніемъ убрать отсюда предателя Сомерсета и сразиться съ этимъ чудовищнымъ бунтовщикомъ Кэдомъ, о которомъ я слышалъ съ тѣхъ поръ, что онъ разбитъ.

Входитъ Айденъ съ головою Кэда.

Айденъ. Если челоуку грубому и такого низкаго состоянія дозволено являться предъ лицо короля, такъ я приношу въ даръ его величеству голову измѣнника — Кэда, котораго я убилъ въ поединкѣ.

Король Генрихъ. Голову Кэда? Великій Боже, какъ Ты справедливъ!—О, дай мнѣ посмотреть на мертвое лицо того, кто при жизни такъ сильно меня тревожилъ! Скажи мнѣ, другъ мой, такъ ты тотъ самый, кто убилъ его?

Айденъ. Да, я, съ позволенія вашего величества.

Король Генрихъ. Какъ тебя зовутъ и какого ты званія?

Айденъ. Александръ Айденъ, вотъ мое имя; я бѣдный кентскій эсквайръ, любящій своего короля.

Бекингэмъ. Съ позволенія вашего величества, не мѣшало-бы посвятить его въ рыцари за это доброе дѣло.

Король Генрихъ. Айденъ, преклони колѣна (*Онъ преклоняетъ колѣна*). Встань

рыцаремъ. Мы даемъ тебѣ въ награду тысячу марокъ и желаемъ, чтобы съ этихъ поръ ты намъ служилъ.

Айденъ. Дай Богъ вѣку Айдену, чтобы заслужить такую щедрость и жить лишь только, пока онъ вѣренъ своему государю.

Король Генрихъ. Смотри, Бекингэмъ; вотъ идетъ съ королевой Сомерсетъ. Поди, проси ее скорѣе спрятать его отъ герцога. *Входятъ: королева Маргарита и Сомерсетъ.*

Королева Маргарита. Ради тысячи Юрковъ, и то онъ не спрячется съ головою, но станетъ передъ нимъ смѣло, лицомъ къ лицу.

Юркъ. Что-же это? Развѣ Сомерсетъ на свободѣ? Такъ выпусти-же, Юркъ, свои долгозаключенные помыслы, и пусть языкъ твой приравняется къ твоему сердцу. Неужели я потерялъ присутствіе Сомерсета? Лукавый король, зачѣмъ измѣнилъ ты слову, которое мнѣ далъ, зная, какъ мнѣ тяжело сносить обиды? Такъ я назвалъ тебя королемъ? Нѣтъ, ты не король, ты неспособенъ повелѣвать и управлять толпами, которыми не смѣешь, да и не можешь управлять предатель. Твоей головѣ не пристала

корона; рука твоя создана, чтобы держать посохъ паломника, а не украшать собою грозный царскій скипетръ; золотой вѣнецъ долженъ окружать мое чело, котораго улыбка и угрюмость, подобно копью Ахилла, могутъ этой перемѣной убивать и исцѣлять. Вотъ рука, которая можетъ высоко держать скипетръ и имъ-же утверждать властные законы. Пусти! Клянусь небомъ, ты болѣе не будешь повелѣвать тѣмъ, кого Небо создало твоимъ повелителемъ.

Сомерсетъ. О, чудовищный измѣнникъ! Я арестую тебя, Юркъ, за государственную измѣну королю и коронѣ. Повинуйся, дерзкій измѣнникъ, проси милости на колѣняхъ!

Юркъ. Ты хочешь, чтобы я преклонилъ колѣна? Сперва спроси воиновъ ихъ: потерпятъ-ли они, чтобы я предъ челоукомъ преклонялъ колѣна? Любезный, позови сюда моихъ сыновей, и они будутъ мнѣ по-

рукой (*Уходитъ одинъ изъ слугъ*). Я знаю, они скорѣе заложатъ свои мечи, чтобы освободить меня, нежели допустить меня пойти въ заключеніе.

Королева Маргарита. Позовите сюда Клиффорда, просите его придти сейчасъ же, чтобы сказать: могутъ-ли незаконныя дѣти Йорка служить порукой за своего вѣроломнаго отца.

Йоркъ. О, забрызганная кровью неаполитанка, отверженница Неаполя, кровавое иго Англіи! Дѣти Йорка, которыя выше тебя по рожденію, будутъ порукой своему отцу и отравой для тѣхъ, которые откажутся принять моихъ сыновей за меня залогомъ (*Входятъ съ одной стороны: Эдуардъ и Ричардъ Плантагенэтъ съ войсками, съ другой—также съ войсками: старый Клиффордъ съ сыномъ*). Смотрите, вонъ они идутъ: я ручаюсь, что они все уладятъ.

Королева Маргарита. А вотъ идетъ и Клиффордъ, чтобы отвергнуть ихъ поруку.

Клиффордъ. Здравія и счастья королю, моему повелителю! (*Преклоняетъ колѣна*).

Йоркъ. Благодарю тебя, Клиффордъ. Скажи, каковы твои вѣсти? Нѣтъ, не пугай насъ такимъ сердитымъ взглядомъ: мы твой государь, Клиффордъ; преклони опять колѣна, и мы простимъ тебѣ эту ошибку.

Клиффордъ. Вотъ мой король, Йоркъ: я не ошибся; но ты ошибаешься, думая, что я ошибся. Въ Бедламъ его! не сошель-ли онъ съума?

Король Генрихъ. Да, Клиффордъ, настроеніе, подходящее къ Бедламу, и духъ честолюбія заставляють его противиться своему королю.

Клиффордъ. Онъ измѣнникъ: отправьте его въ Тоузъръ и отхватите ему его мятежную башку.

Королева Маргарита. Хоть онъ и арестованъ, но не желаетъ повиноваться. Онъ говоритъ, что его сыновья отвѣтятъ за него.

Йоркъ. Не такъ-ли, сыновья?

Эдуардъ. Конечно, благородный отецъ, если только наши слова помогутъ.

Ричардъ. А если не помогутъ наши слова, такъ помогутъ наши мечи.

Клиффордъ. Однако, что у насъ тутъ за выводокъ измѣнниковъ!

Йоркъ. Посмотри въ зеркало и назови такъ свое изображеніе. Я-то король, а ты притворный сердцемъ предатель. Позовите сюда на арену моихъ храбрыхъ медвѣдей, которые, лишь побрякиваніемъ своихъ цѣпей, могутъ удивить этихъ жестокосер-

дыхъ щенятъ. Просите ко мнѣ Сольсбери и Уорика.

Барабаны. Входятъ: Уорикъ и Сольсбери съ войскомъ.

Клиффордъ. Такъ это-то твои медвѣди? Мы ихъ загонимъ до смерти и цѣпью ихъ свяжемъ руки вожаку, если ты осмѣлишься вывести ихъ на травлю.

Ричардъ. Я нерѣдко видѣлъ, какъ горячая, слишкомъ увлекающаяся собака возвращалась и кусалась, потому-что ее удерживали; какъ она, почувствовавъ на себѣ мохнатую лапу медвѣдя, поджимала хвостъ между ногъ и выла. И вотъ такую-то услугу вы окажете, если воспротивитесь лорду Уорикъ.

Клиффордъ. Вонъ скопище злости, отвратительный, непереваренный комъ, та-той-же крючковатый въ обращеніи, какъ и въ фигурѣ!

Йоркъ. Нѣтъ, вотъ мы такъ основательно васъ поджаримъ.

Клиффордъ. Берегитесь, какъ-бы ваша жарь не сжегъ васъ самихъ.

Король Генрихъ. Ну, Уорикъ, развѣ колѣни твои отучились сгибаться? Старикъ Сольсбери,—позоръ твоимъ сѣдинамъ, безумный вождь своего душевно-больного сына! Какъ, неужели ты и на смертномъ одрѣ хочешь разыгрывать изъ себя бунтовщика и, съ очками своими, разыскивать себѣ бѣды? О, гдѣ-же вѣра? Гдѣ честность? Если она изгнана изъ холодной головы, то гдѣ-же ей найти прибрѣжище на землѣ? Ужъ не хочешь-ли ты рыть могилу, чтобы вырыть войну и опозорить кровью свою почтенную старость? Отчего ты, хоть и старъ, а нуждаешься въ опытности? Или зачѣмъ ты злоупотребляешь ею, если она у тебя есть? Стыдись! Почтительно преклони предо мной колѣна, которая дряхлая старость клонитъ къ могилѣ.

Сольсбери. Мой повелитель, я самъ съ собою обесудилъ права этого достопамятнаго герцога и по совѣсти считаю его законнымъ наслѣдникомъ англійскаго королевскаго престола.

Король Генрихъ. Развѣ не клялся ты мнѣ въ подданствѣ?

Сольсбери. Клялся.

Король Генрихъ. Можешь-ли ты снять съ себя такую клятву небесамъ?

Сольсбери. Великій грѣхъ присягать грѣху, но еще болѣе большой—сдержатъ грѣховную клятву. Кто можетъ быть обязанъ торжественною клятвой совершить убійство, ограбить человѣка, лишить непорочную дѣвушку ея цѣломудрія, сироту—родового

наслѣдства, отнять у вдовы ея обычныя права, и не имѣть на эти преступленія никакой причины, кромѣ той, что онъ связанъ торжественною клятвой?

Королева Маргарита. Хитрый предатель не нуждается въ софизмахъ.

Король Генрихъ. Позовите Бекингэма и прикажите ему вооружиться.

Йоркъ. Зови Бекингэма и всѣхъ друзей, какіе у тебя есть, а я рѣшился царствовать или умереть. Сбудется первое, если сны мои оправдаются.

Уорикъ. Тебѣ лучше-бы опять лечь въ постель и снова видѣть сны, чтобы избѣгать бранной бури.

Клиффордъ. Я рѣшился вынести большую бурю, нежели какую ты можешь вызвать сегодня. Я запишу ее у тебя на шлемѣ, лишь-бы мнѣ узнать тебя по твоему родовому знаку.

Уорикъ. Ну, клянусь гербомъ моего отца, древнимъ гербомъ Невилей, — медвѣдемъ, на заднихъ лапахъ, прикованнымъ къ суковатой палкѣ, — въ этотъ день я высоко подыму свой шлемъ, какъ виднѣется на вершинѣ горы кедръ, который удерживаетъ на себѣ свои листья, вопреки какой угодно бурѣ, чтобы наугадъ тебя его видомъ.

Клиффордъ. А я сорву твоего медвѣдя со шлема и съ презрѣніемъ растопчу его ногами, вопреки вожаку, который охраняетъ медвѣдя.

Молодой Клиффордъ. Итакъ, къ оружію, побѣдоносный отецъ! Подавимъ бунтовщиковъ и ихъ сообщниковъ.

Ричардъ. Фуи, какъ не стыдно! Будьте милостивѣе, не говорите злобно: вы отъужинаете сегодня съ Исусомъ Христомъ.

Молодой Клиффордъ. Дерзкій, заклеименный позоромъ! Тебѣ-ли это знать?

Ричардъ. Ну, если не въ небесахъ, такъ ты ужъ навѣрно отъужинаешь въ преисподней (*Уходятъ въ разныя стороны*).

СЦЕНА II.

Сент'Ольбэнсъ.

Тревога. Стѣчки. Входитъ Уорикъ.

Уорикъ. Клиффордъ Кемберлендскій, это Уорикъ тебя вызываетъ, и, если ты не прячешься отъ медвѣдя теперь, когда грозныя трубы играютъ тревогу, а крики умирающихъ наполняютъ воздушное пространство, говорю тебѣ: Клиффордъ, выходи и сразись со мною! Гордый властитель сѣвера, Клиффордъ Кемберлендскій, Уорикъ охрипъ, призывая тебя къ оружію. Что-же это, благородный лордъ? Какъ? Вы просто пѣшкомъ?

Входитъ Йоркъ.

Йоркъ. Смертоносной рукою Клиффордъ убилъ моего коня;—но я точь въ точь отплатилъ ему, не остался у него въ долгу и обратилъ въ добычу хищныхъ коршуновъ и вороновъ его бравое животное, которое онъ такъ любилъ.

Входитъ Клиффордъ.

Уорикъ. Одному изъ насъ пришелъ конецъ.

Йоркъ. Стой, Уорикъ! Ищи себѣ дру-

гого звѣря, я самъ долженъ загнать на смерть этого оленя.

Уорикъ. Ну, это благородно, Йоркъ: ты сражаешься за корону. Какъ я намѣренъ побѣдить сегодня, такъ точно, Клиффордъ, сердце мое тоскуетъ, что не я нападаю на тебя сегодня (*Уходятъ*).

Клиффордъ. Что видишь ты во мнѣ, Йоркъ? Чего остановился?

Йоркъ. Я-бы влюбился въ твою храбрую осанку, если-бы ты не былъ моимъ отвѣвленнымъ врагомъ.

Клиффордъ. Мужество твое также не нуждалось-бы въ похвалѣ и уваженіи, если-бы оно не проявилось въ безстыдствѣ и измѣнѣ.

Йоркъ. Такъ пусть оно поможетъ мнѣ противъ твоего меча, ибо я выражаю его по справедливости и по своему настоящему праву.

Клиффордъ. Дѣйствуйте-же вмѣстѣ — и душа моя, и тѣло!

Йоркъ. Страшная ставка! Защищайся-же!

Клиффордъ. *La fin couronne les oeuvres* (Сражается; Клиффордъ падаетъ и умираетъ).

Йоркъ. Такимъ образомъ, война принесла тебѣ миръ, потому что ты умолкъ. Миръ его душѣ, о небо, если на то есть твоя воля! (Уходитъ).

Входитъ молодой Клиффордъ.

Молодой Клиффордъ. Стыдъ и позор! Все во смятеніи: страхъ родитъ безпорядокъ, а безпорядокъ ранитъ тамъ, гдѣ долженъ-бы защищать. О война, дочь ада, которую разгнѣванныя небеса дѣлаютъ своимъ орудіемъ, брось въ застывшія сердца нашихъ приверженцевъ горячія уголья мщенія!—Не давите ни одному изъ солдатъ убѣжать: кто истинно преданъ войнѣ, тотъ не имѣетъ себялюбія, а также и любящій себя приобретаетъ имя храбраго не по существу своему, а по случайности. (Видитъ трупъ отца). О, пусть придетъ конецъ подлому свѣту, и преждевременное пламя послѣдняго суда пусть сольетъ вмѣстѣ небо и землю! Пусть теперь зазвучитъ общій трубный гласъ, а всѣ случайные и ничтожные звуки умолкнутъ! Неужели ты былъ, дорогой отецъ, предназначенъ къ тому, чтобы въ мирѣ потерять свою молодость, приобрести серебристый нарядъ мудрыхъ лѣтъ и среди общаго движенія, будучи уже паромъ, умереть въ невѣжественномъ поединкѣ? При видѣ этого сердце мое обратилось въ камень—и останется каменнымъ, пока оно еще мое. Йоркъ не падитъ нашихъ стариковъ: не пощажу и я дѣтей враговъ! Слезы дѣвушекъ будутъ для меня, какъ роса для пламени, а красота, которой часто требуютъ тираны, будетъ для моей пламенной ярости, какъ ленъ и масло. Съ этихъ поръ я не буду знать жалости: встрѣчу-ли дитя изъ дома Йорковъ, я изрѣжу его на столько-же кусковъ, какъ бѣшеная Медея изрѣзала юнаго Абсирта. Я буду искать славы въ жестокости. Пойдемъ, новый обломокъ древняго дома Клиффордовъ! (Поднимаетъ трупъ отца). Какъ Эней несъ старика Анхиза, такъ и я несу тебя на своихъ мощныхъ плечахъ; но Эней несъ живое бремя, а тяжесть моей бѣды нѣтъ ничего на свѣтѣ (Уходитъ).

Входятъ: Ричардъ Плантагенетъ и Сомерсетъ, сражаясь. Сомерсетъ убитъ.

Ричардъ. Такъ-то, лежи тутъ. Своею смертью подъ дрянной вывѣской пивной: „Замокъ Сентъ-Ольбэнса“ Сомерсетъ прославилъ колдунью. Мечъ, продолжай въ томъ-же духѣ. Сердце, будь все еще яростно. Попы, молитесь за враговъ, а принцы—убивайте! (Уходитъ).

Тревога. Стычка. Входитъ король Генрихъ, королева Маргарита и другіе, отступающіе.

Королева Маргарита. Идемъ, милордъ! Вы слишкомъ медлите: стыдитесь-же! Бѣжимъ!

Король Генрихъ. Можешь-ли ты убѣжать отъ неба? Пстой, добрая Маргарита!

Королева Маргарита. Да изъ чего вы сдѣланы? Не хотите ни бояться, ни бѣжать. Теперь будетъ мужественно, разумно и осторожно съ нашей стороны—дать дорогу врагу, а самимъ спастись какъ только возможно; можно-же это—лишь бѣгствомъ (Вдали слышна тревога). Если вы будете взяты, это будетъ для насъ верхъ несчастій; но если мы благополучно спасемся, какъ это, дѣйствительно, возможно, лишь-бы не ваша вялость мы достигнемъ Лондона, гдѣ васъ любятъ и гдѣ это поврежденіе, нанесенное теперь нашей судьбѣ, можетъ быть живо исправлено.

Входитъ молодой Клиффордъ.

Молодой Клиффордъ. Если-бы сердце мое не замышляло зла въ будущемъ, я-бы скорѣе богохульствовалъ, нежели совѣтовалъ-бы вамъ бѣжать. Но вы должны бѣжать: неизлѣчимое разстройство царствуетъ въ сердцахъ нашихъ настоящихъ приверженцевъ. Бѣгите, ради вашего блага, а мы еще доживемъ, чтобы увидѣть день, когда наша судьба передается имъ. Идемте, мой повелитель, идемте! (Уходятъ).

СЦЕНА III.

Поле близъ Сентъ-Ольбэнса.

Тревога. Отступленія. Трубы. Входятъ: Йоркъ, Ричардъ Плантагенетъ, Уорикъ и солдаты съ барабанами и знаменами.

Йоркъ. Кто можетъ доложить мнѣ о Сольсбери? Что съ нимъ, съ этимъ зимнимъ львомъ, который во гнѣвѣ забываетъ свои старыя раны и печать времени и, какъ молодецъ, въ цвѣтѣ юности, подкрѣпляется самими обстоятельствами? Этотъ счастливый день ужъ не таковъ, и мы, значитъ, не побѣдили, если Сольсбери погибъ.

Ричардъ. Мой доблестный отецъ, я трижды помогалъ ему сегодня сѣсть на лошадь и трижды ограждалъ его, трижды я вводилъ его прочь и убѣждалъ не предпринимать дальнѣйшихъ дѣйствій. Но все-таки, гдѣ была опасность, тамъ я его встрѣчалъ, и какъ роскошные ковры въ убогомъ

домъ, была воля въ его слабомъ тѣлѣ. Но вотъ онъ, доблестный воинъ, идетъ сюда.

Входитъ Сольсбери.

Сольсвери. Клянусь своимъ мечомъ! Ты хорошо бился сегодня, да и всё мы вообще. Благодарю васъ, Ричардъ. Богу извѣстно, какъ долго мнѣ еще осталось жить, но Ему было угодно, чтобы вы трижды спасли меня сегодня отъ неминуемой смерти. Однако, лорды, мы еще не всего достигли. Этого недостаточно, что наши враги на этотъ разъ бѣжали: такіе противники способны оправиться.

Йоркъ. Я знаю, что наша безопасность

въ погонѣ за ними: боюсь я, что король бѣжалъ въ Лондонъ, чтобы теперь-же созвать парламентъ. Будемъ преслѣдовать ихъ, прежде, чѣмъ они разошлютъ предписанія. Что скажете лордъ Уорикъ? Идти намъ за ними?

Уорикъ. За ними? Нѣтъ! Впереди ихъ, если возможно. Ну, клянусь, лорды, это былъ славный день! Битва при Сент'Ольбансѣ, выигранная славнымъ Йоркомъ, будетъ увѣковѣчена на всё грядущія времена.—Гремите, трубы и барабаны!—Всѣ въ Лондонъ! И пусть у насъ случится еще много такихъ славныхъ дней! (*Уходятъ*).

Конецъ второй части „Генриха VI“.

✠ Король Генрихъ VI. ✠
Часть III.

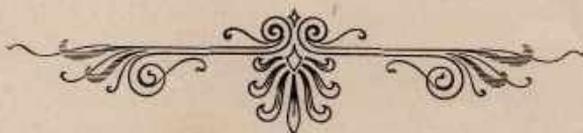
КОРОЛЬ ГЕНРИХЪ VI.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Дѣйствующія лица:

Король Генрихъ VI. Эдуардъ, принцъ уэльскій, его сынъ. Людвикъ XI, король французскій. Герцогъ Сомерсетъ, Герцогъ Экзетэръ, Графъ Оксфордъ, Графъ Норсомверлендъ, Графъ Уэстморлендъ, Лордъ Клиффордъ, Ричардъ Плантагенэтъ, герцогъ Йоркъ, Эдуардъ, графъ Марчъ, впоследствіе Эдуардъ IV, Джорджъ, впоследствіе герцогъ Кларенсъ, Ричардъ, впоследствіе герцогъ Глостэръ, Эдмондъ, графъ Ретлендъ, Герцогъ Норфолькъ, Маркизь Монтегю, Графъ Уорикъ, Графъ Невброкъ, Лордъ Гастингсъ, Лордъ Стаффордъ,	}	сторонники короля Генриха.	Сэръ Джонъ Мортимеръ, дяди герцога Сэръ Хьюгъ Мортимеръ, Йорка. Генрихъ, графъ Ричмондъ, юноша. Лордъ Райверсъ, братъ лэди Грей. Сэръ Уильямъ Стэнли. Сэръ Джонъ Монгомери. Сэръ Джонъ Сомервиль. Наставникъ графа Ретлендъ. Мэръ города Йоркъ. Комендантъ Тоузера. Дворянинъ, два сторожа, охотникъ. Сынъ, убившій своего отца. Отецъ, убившій своего сына. Королева Маргарита. Лэди Грэй, впоследствіе супруга Эдуарда IV и королева. Бонна, сестра французской королевы. Солдаты, свита короля Генриха и короля Эдуарда, вѣстники, стража и проч.
Эдмондъ, графъ Ретлендъ, Герцогъ Норфолькъ, Маркизь Монтегю, Графъ Уорикъ, Графъ Невброкъ, Лордъ Гастингсъ, Лордъ Стаффордъ,	}	его сыновья.	<i>Дѣйствіе происходитъ въ 3 актѣ частью во Франціи; въ продолженіи остального времени — въ Англии.</i>
Эдмондъ, графъ Ретлендъ, Герцогъ Норфолькъ, Маркизь Монтегю, Графъ Уорикъ, Графъ Невброкъ, Лордъ Гастингсъ, Лордъ Стаффордъ,	}	сторонники герцога Йорка.	

Дѣйствіе первое.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Зала парламента.

Барабанный бой. Нѣсколько солдатъ герцога Йорка врываются въ залу. За ними входятъ: герцогъ Йоркъ, Эдуардъ, Ричардъ, Норфолькъ, Монтегю, Уорикъ и другіе. Всѣ съ бѣлыми розами на шляпахъ.

Уорикъ. Удивляюсь, какъ спасся король изъ нашихъ рукъ.

Йоркъ. Пока мы преслѣдовали сѣверную конницу, онъ улизнулъ хитро, покинувъ своихъ людей; тогда великій лордъ Норсомберландъ, воинственный слухъ котораго никогда не выносилъ отбоя, ободрилъ дрогнувшее войско; онъ, лордъ Клиффордъ и лордъ Стаффордъ, всѣ рядомъ, бросились на нашъ главный боевой фронтъ и, врѣзавшись въ него, были убиты мечами простыхъ рядовыхъ.

Эдуардъ. Отецъ лорда Стаффорда, герцогъ Бокингемъ, тоже убитъ или опасно раненъ; я раскололъ ему наличникъ прямымъ ударомъ. Для повѣрки, взгляни, отецъ, на его кровь (*Показываетъ свой окровавленный мечъ*).

Монтегю. А вотъ, братъ, кровь и графа Уильтшейра (*Показывая Йорку и свой мечъ*), котораго я встрѣтилъ при столкновеніи войскъ.

Ричардъ (*Бросая наземь голову герцога Сомерсетъ*). Говори за меня ты и разскажи, что я сдѣлалъ.

Йоркъ. Ричардъ отличился лучше всѣхъ моихъ сыновей. Но неужели вы мертвы, ваша свѣтлость, лордъ Сомерсетъ?

Норфолькъ. Пусть то же ожидаетъ все поколѣніе Джона Гаунта!

Ричардъ. Я надѣюсь снести такъ голову и королю Генриху.

Уорикъ. И я, побѣдоносный принцъ Йоркъ! До той поры, пока не увижу тебя сидящимъ на престолѣ, захваченномъ теперь ланкастерскимъ домомъ, я не сомкну глазъ, клянусь небомъ! Это дворецъ трусливаго короля; вотъ королевское мѣсто; займи его, Йоркъ; оно принадлежитъ тебѣ, а не наслѣдникамъ Генриха.

Йоркъ. Такъ помогай мнѣ, милый Уорикъ, и тогда я сдѣлаю это; сюда мы проникли только силой.

Норфолькъ. Мы поможемъ тебѣ, и тотъ, кто бѣжитъ, повиненъ смерти.

Йоркъ. Благодарю, любезный Норфолькъ. Оставайтесь со мною, лорды, и вы, солдаты, оставайтесь и ночуйте возлѣ меня.

Уорикъ. И если появится король, не наносите ему оскорбленій, развѣ что онъ станетъ насильно выгонять васъ (*Солдаты уходятъ*).

Йоркъ. Королева созоветъ сюда сегодня свой парламентъ, но она не подозрѣваетъ, что и мы примемъ участіе въ совѣщаніяхъ. Рѣчами ли, ударами, но мы отстоимъ здѣсь свои права.

Ричмондъ. Мы вооружены, останемся внутри зданія.

Уорикъ. Этотъ парламентъ прозовется кровавымъ, если Плантагенетъ, герцогъ Йоркскій, не будетъ королемъ, и не низложится робкій Генрихъ, трусость котораго обратила насъ въ посмѣшище для нашихъ враговъ.

Йоркъ. Такъ не покидайте меня, мои лорды; будьте отважны; я хочу владѣть моимъ правомъ.

Уорикъ. Ни король, ни тотъ, кто ему наиболѣе преданъ, будъ онъ самый гордый изъ сторонниковъ Ланкастера, не посмѣетъ шевельнуть крыломъ, когда Уорикъ зазвенитъ колокольчикомъ. Я посажу Плантадженета; пусть осмѣлится кто его вырыть; рѣшайся, Ричардъ, требуй англійской короны! *(Ведетъ Йорка къ трону; тотъ садится).*

Трубные звуки. Входятъ: король Генрихъ, Клиффордъ, Норсомберландъ, Уэстморландъ, Экзэтеръ и другіе; всѣ съ алыми розами на шляпахъ.

Король Генрихъ. Милорды, взгляните, гдѣ возсѣлъ наглый мятежникъ! На самомъ государевомъ мѣстѣ! Вѣроятно, онъ намѣревается, съ помощью могущества Уорика, этого вѣроломнаго пара, посягнуть на корону и стать королемъ. Графъ Норсомберландъ, онъ убилъ твоего отца и твоего, Клиффордъ, и вы оба поклялись отомстить ему, его дѣтямъ, его любимцамъ и друзьямъ.

Норсомберландъ. Если не исполню, пусть небо отомститъ мнѣ!

Клиффордъ. Надежда на то заставляетъ Клиффорда носить траурные доспѣхи.

Уэстморландъ. Что же, неужели мы это потерпимъ? Стащимъ его прочь. Сердце мое кипитъ гнѣвомъ; я не могу стерпѣть этого.

Король Генрихъ. Будь терпѣливѣе, любезный графъ Уэстморландъ.

Клиффордъ. Терпѣніе годно для трусовъ, такихъ, какъ онъ; онъ не посмѣлъ бы сидѣть здѣсь при жизни твоего отца. Всемиловѣйшій государь, дозвожь намъ здѣсь-же, въ парламентѣ, напасть на домъ Йорка.

Норсомберландъ. Хорошо сказано, кузень; да будетъ!

Король Генрихъ. Но развѣ вы не знаете, что городъ имъ мирволить и что отряды солдатъ къ ихъ услугамъ?

Экзэтеръ. Но, будь герцогъ убитъ, они быстро разбѣгутся.

Король Генрихъ. Сердцу Генриха чуждо желаніе обратитъ эту парламентскую палату въ бойню! Кузень Экзэтеръ, боевыми орудіями Генриха будутъ: суровый взглядъ, слова и угрозы *(Онъ приблизился къ герцогу)*. Ты, мятежный герцогъ Йоркъ, сойди съ моего трона и преклони колѣно у моихъ ногъ, прося милости и пощады; я твой государь.

Йоркъ. Я твой.

Экзэтеръ. Стыдись! сойди; онъ сдѣлалъ тебя герцогомъ Йоркскимъ.

Йоркъ. Это было моимъ наслѣдіемъ, какъ и мой графскій титулъ.

Экзэтеръ. Твой отецъ измѣнилъ коронѣ.

Уорикъ. Ты, Экзэтеръ, измѣняешь коронѣ, слѣдуя за этимъ похитителемъ престола, Генрихомъ.

Клиффордъ. За кѣмъ-же ему слѣдовать, какъ не за настоящимъ королемъ?

Уорикъ. Такъ, Клиффордъ, но вотъ онъ—Ричардъ, герцогъ Йоркскій.

Король Генрихъ. И я долженъ стоять, а ты сидѣть на моемъ тронѣ?

Йоркъ. Должно такъ быть—и будетъ. Удовлетворись этимъ.

Уорикъ. Будь герцогомъ Ланкастерскимъ, предоставь ему быть королемъ.

Уэстморландъ. Онъ и король, и герцогъ Ланкастерскій; лордъ Уэстморландъ утверждаетъ это.

Уорикъ. А Уорикъ отрицаетъ. Вы забыли, что мы тѣ самые, что прогнали васъ съ поля, убили вашихъ отцовъ и прошли сквозь городъ къ дворцовымъ воротамъ съ распущенными знаменами.

Норсомберландъ. Да, Уорикъ, я припоминаю это къ моему горю и, клянусь своей душой, ты и твой домъ покаетесь за это.

Уэстморландъ. Плантадженетъ, я больше возьму жизни изъ твоихъ сыновей, родственниковъ и друзей, нежели было капель крови въ жилахъ моего отца.

Клиффордъ. Не настанвай болѣе; иначе, Уорикъ, вмѣсто словъ, я пошлю тебѣ такого вѣстника, который отомститъ за моего отца, прежде нежели я тронусь отсюда.

Уорикъ. Бѣдняга Клиффордъ, какъ я презираю его.

Йоркъ. Хотите вы, чтобы мы доказали свои права на корону? Если нѣтъ, наши мечи отстоятъ ихъ на полѣ битвы.

Король Генрихъ. Какія могутъ быть у тебя, измѣнникъ, права на корону? Твой отецъ былъ, какъ и ты, герцогомъ Йоркскимъ; твой дѣдъ Роджеръ Мортимеръ—графъ Марчскій. А я, я сынъ Генриха Пятаго, побѣдившаго дофина и французовъ и овладѣвшаго ихъ городами и областями.

Уорикъ. Не поминай о Франціи, потому что ты все опять потерялъ.

Король Генрихъ. Потерялъ не я, а лордъ-протекторъ; мнѣ было всего девять мѣсяцевъ, когда меня короновали.

Ричардъ. Вы довольно стары теперь, а кажется, что все еще теряете... Отецъ, сорви корону съ этого самозванца.

Эдуардъ. Родитель милый, сдѣлай это. Возложи ее на свою голову.

Монтегю *(Йорку)*. Добрый братъ, ты

любимъ и чтимъ оружіе; позволъ же намъ покончить это боемъ, а не сутяжничая такъ.

Ричардъ. Звучите, трубы и барабаны, и король убѣжить.

Йоркъ. Молчите, дѣти!

Король Генрихъ. Замолчи ты и дай говорить королю Генриху!

Уорикъ. Плантагенэтъ долженъ говорить первымъ. Слушайте его, лорды. При томъ молчите и будьте внимательнѣе: кто перебѣдетъ его, умретъ.

Король Генрихъ. Неужели ты думаешь, что я покину мой королевскій престолъ, на которомъ воссѣдали мой отецъ и дѣдъ? Нѣтъ, пусть прежде того война обезлюдитъ мое королевство... И знамя ихъ, такъ часто развѣвавшееся во Франціи, а

кто былъ его государемъ, и насильно заставлялъ его отказаться отъ короны.

Уорикъ. Предположимъ, милорды, что онъ сдѣлалъ это даже не по принужденію, полагаете-ли вы, что ему дозволялось нанести ущербъ самой коронѣ?

Экзэтеръ. Нѣтъ; онъ могъ отказаться отъ нея лишь съ тѣмъ, чтобы преемникомъ ему былъ и царствовалъ его ближайшій наслѣдникъ.

Король Генрихъ. Ты противъ насъ, герцогъ Экзэтеръ?

Экзэтеръ. Право на его сторонѣ, и потому прости меня.

Йоркъ. Что вы шепчетесь и не отвѣчаете, милорды?

Экзэтеръ. Совѣтъ говорить мнѣ, что

теперь только въ Англии, къ великому моему сердечному горю... да будетъ моимъ саваномъ! Что вы колеблетесь, лорды? Мои права хороши, лучше его правъ.

Уорикъ. Докажи это, Генрихъ, и ты будешь королемъ.

Король Генрихъ. Генрихъ четвертый добылъ корону побѣдой...

Йоркъ. Возмущеніемъ противъ своего короля.

Король Генрихъ. Не знаю, что сказать; слабы мои права. Но говори: можетъ король назначить себя наслѣдника?

Йоркъ. Такъ что-же?

Король Генрихъ. Если онъ можетъ, то я король законный: Ричардъ, въ присутствіи многихъ лордовъ, оставилъ корону Генриху четвертому, наслѣдникомъ котораго былъ мой отецъ, а я тому наслѣдникъ.

Йоркъ. Но онъ возсталъ противъ того,

это мой законный государь.

Король Генрихъ. Всѣ отвернутся отъ меня и перейдутъ къ нему!

Норсомберландъ. Плантагенэтъ, не смотря на всѣ твои притязанія, не думай, чтобы Генрихъ могъ быть такъ низложенъ.

Уорикъ. Низложенъ будетъ онъ, не смотря ни на кого!

Норсомберландъ. Ты заблуждаешься и, несмотря на твое могущество на югѣ, надъ Эсексомъ, Норфолкомъ, Суффолкомъ или Кентомъ,—внушающее тебѣ такое самовѣніе и гордость, — тебѣ не удастся возвести герцога, вопреки мнѣ.

Клиффордъ. Король Генрихъ, справедливый твои права или нѣтъ, но лордъ Клиффордъ кланется биться за твою защиту; пусть разверзнется почва и поглотитъ меня живого, если я преклоню колѣно передъ тѣмъ, кто убилъ моего отца!

Король Генрихъ. О, Клиффордъ, какъ твои слова мнѣ сердце оживили!

Йоркъ. Генрихъ Ланкастеръ, сложи съ себя корону... Вы что бормочете или что замышляете, милорды?

Уорикъ. Воздай должное царственному герцогу Йоркскому, или я наполню это зданіе вооруженными людьми и на томъ самомъ государевомъ мѣстѣ, на которомъ онъ теперь сидитъ, напишу его титулъ кровью самозванца (*Топаетъ ногой, и солдаты показываются*).

Король Генрихъ. Милордъ Уорикъ, выслушай только одно слово... Дай мнѣ только пожизненное право быть королемъ.

Йоркъ. Утверди корону за мною и моими наслѣдниками, и ты будешь спокойно царствовать, пока ты живъ.

Король Генрихъ. Я доволенъ, Ричардъ Плантагенетъ; пользуйся этимъ королевствомъ послѣ моей смерти.

Клиффордъ. Но какая это обида для принца, вашего сына!

Уорикъ. Но какое благо для Англии и для него самого!

Уэстморландъ. Низкій, трусливый, слабодушный Генрихъ!

Клиффордъ. Какъ ты оскорбилъ и себя, и насъ!

Уэстморландъ. Я не могу болѣе слушать такихъ условій.

Норсомберлендъ. Я тоже.

Клиффордъ. Пойдемъ, кузень, передадимъ эти вѣсти королевѣ.

Уэстморландъ. Прощай, малодушный выродокъ-король, въ холодной крови котораго не таятъ ни одной искры чести!

Норсомберлендъ. Будь добычею дома Йорка и умри узникомъ за свой немужественный поступокъ!

Клиффордъ. Да будешь ты преодолѣнъ въ страшной войнѣ! Или живя въ покоѣ, заброшенный и презрѣнный! (*Уходятъ: Норсомберлендъ, Клиффордъ и Уэстморландъ*).

Уорикъ. Оборотись сюда, Генрихъ, и не смотря на нихъ.

Экзетэръ. Они жаждутъ мести, и потому не хотятъ покориться.

Король Генрихъ. Ахъ, Экзетэръ!

Уорикъ. О чемъ вздыхаете, милордъ?

Король Генрихъ. Не о себѣ, лордъ Уорикъ, а о моемъ сынѣ, котораго я такъ противоположно лишаю наслѣдства. Но пусть будетъ, что будетъ!.. Я завѣщаю навѣки корону тебѣ и твоимъ наслѣдникамъ, но съ условіемъ, чтобы ты принесъ здѣсь клятву, что прекратишь эту междоусобную войну и будешь почитать меня, пока я живъ, за своего государя и властелина и не употребишь тоже ни насилія, ни предательства, чтобы низвергнуть меня и царствовать самому.

Йоркъ. Охотно принимаю эту клятву и выполню ее. (*Сходитъ съ троннаго мѣста*).

Уорикъ. Многія лѣта королю Генриху! Плантагенетъ, обнимись съ нимъ.

Король Генрихъ. Многая лѣта и тебѣ, и твоимъ отважнымъ сыновьямъ!

Йоркъ. Отнынѣ примирились Йоркъ съ Ланкастеромъ.

Экзетэръ. Проклятіе тому, кто захочетъ обратить ихъ въ враговъ!

Музыка. Лорды приближаются.

Йоркъ. Прости, мой милостивѣйшій лордъ; я возвращаюсь въ свой замокъ.

Уорикъ. А я займу Лондонъ съ моими солдатами.

Норфолькъ. Я въ Норфолькъ съ моими сторонниками.

Монтегю. Я на море, съ котораго пришелъ (*Уходятъ: Йоркъ съ сыновьями, Уорикъ, Норфолькъ, Монтегю, солдаты и свита*).

Король Генрихъ. А я, съ болью и печалью, ворочусь ко двору.

Входятъ: королева Маргарита и принцъ Уэльскій.

Экзетэръ. Вотъ королева. Ея черты выдають ея гнѣвъ, Я убѣгу.

Король Генрихъ. И я тоже, Экзетэръ. (*Хочетъ идти*).

Маргарита. Нѣтъ, не уходи; я послѣдую за тобою.

Король Генрихъ. Успокойся, милая королева, я останусь.

Маргарита. Кто можетъ быть спокойнымъ при такихъ ужасахъ? О, несчастный человѣкъ! Лучше бы мнѣ умереть въ дѣвичество и не встрѣчать тебя никогда, и не родить тебѣ сына, чѣмъ видѣть въ тебѣ подобнаго безчеловѣчнаго отца! Чѣмъ заслужилъ онъ потерю своего прирочденнаго права? Еслибы ты любилъ его вполнину такъ, какъ я его люблю, или перенесъ бы ради его такія муки, какъ нѣкогда я, или вскормилъ бы его, какъ я, своей кровью, — ты пролилъ-бы лучше самую дорогую кровь своего сердца, нежели назначилъ бы себѣ преемникомъ этого лютаго герцога, лишивъ наслѣдія своего единственнаго сына.

Принцъ. Отецъ, ты не можешь лишать меня наслѣдства. Если ты царствуешь, отчего не могу я наслѣдовать тебѣ?

Король Генрихъ. Прости мнѣ, Маргарита; прости мнѣ, милый сынъ. Графъ Уорикъ и герцогъ принудили меня.

Маргарита. Принудили тебя! Ты король, и тебя могутъ принудить? Мнѣ стыдно тебя слушать. Ахъ, трусливая дрянъ! Ты погубилъ себя, своего сына и меня, и придалъ дому Йорка такое главенство, что бу-

дешь царствовать лишь какъ-бы по ихъ милости. Завѣщать ему и его наслѣдникамъ корону—не значить-ли это приготовить самому себѣ могилу и влѣзть въ нее до времени? Уорикъ—канцлеромъ и лордомъ Кале; суровый Фолконбрѣйджъ командуетъ проливами, герцогъ сдѣланъ протекторомъ королевства, и ты считаешь себя въ безопасности. Такою безопасностью пользуется трепещущая овца, окруженная волками. Если-бы я была здѣсь, я, простая женщина, солдаты подняли-бы меня на свои копыя прежде, чѣмъ я снизошла-бы до такого поступка! Но ты предпочелъ жизнь своей чести; видя это, я отдѣляюсь какъ отъ твоего стола, такъ и отъ твоего ложа, Генрихъ, до той поры, пока не будетъ уничтоженъ парламентскій актъ, которымъ ты лишаешь наслѣдства моего сына. Лорды съвера, которые отреклись отъ твоего знамени, послѣдуютъ за мной, лишь только увидятъ его поднятымъ; а поднято оно будетъ, для твоего позора и полной гибели дома Йоркъ... Затѣмъ, я ухожу... Идемъ, сынъ мой; удалимся; наши войска готовы; соединимся съ ними.

Король Генрихъ. Постой, милая Маргарита, выслушай, что я скажу

Маргарита. Ты говорилъ уже слишкомъ много. Ступай прочь!

Король Генрихъ. Мой милый сынъ Эдуардъ, ты останешься со мной?

Маргарита. Для того, чтобы быть убитымъ его врагами!

Принцъ. Если я вернусь побѣдителемъ съ поля, то увижусь съ вашею милостью; дотолѣ-же послѣдую за нею.

Маргарита. Пойдемъ, мой сынъ, намъ нельзя медлить такъ (*Королева Маргарита и принцъ уходятъ*).

Король Генрихъ. Бѣдная королева! Какъ ея любовь ко мнѣ и къ сыну заставила ее разразиться гнѣвными выраженіями! Да будетъ отмщено за нее этому ненавистному герцогу, высокомеріе котораго, окрыленное похотью, паритъ надъ моею короной, чтобы, подобно голодному орлу, растерзать тѣло мнѣ и моему сыну!... Отступленіе этихъ трехъ лордовъ мучитъ мнѣ сердце; я напущу къ нимъ, прося ихъ дружески... Пойдемъ, кузень, ты будешь моимъ посланцемъ.

Экзотаръ. И я надѣюсь, что умиротворю ихъ всѣхъ (*Уходятъ*).

С Ц Е Н А П.

Комната въ Сандальскомъ замкѣ, близъ Уэкфильда въ Йоркшэйрѣ.

Входятъ: Эдуардъ, Ричардъ и Монтегю.

Ричардъ. Братъ, хотя я и младшій, дозвожь мнѣ...

Эдуардъ. Нѣтъ, я съумѣю быть лучшимъ ораторомъ.

Монтегю. А у меня доводы построже и неотразимѣе.

Входитъ Йоркъ.

Йоркъ. Что это? Мои сыновья и мой братъ ссорятся? Въ чемъ споръ? Кто началъ первый?

Эдуардъ. Не споръ, а маленькое предпріятельство.

Йоркъ. О чемъ-же?

Ричардъ. О томъ, что касается вашей свѣтлости и насъ: о коронѣ Англій, которая ваша, отецъ!

Йоркъ. Моя, дитя мое? Нѣтъ, пока не умеръ Генрихъ.

Ричардъ. Ваше право не въ зависимости отъ его жизни или смерти.

Эдуардъ. Если вы наслѣдникъ, то пользуйтесь этимъ теперь. Позволивъ передохнуть Ланкастерскому дому, увидите, что онъ перегонитъ васъ въ концѣ.

Йоркъ. Я поклялся, что онъ процарствуетъ спокойно.

Эдуардъ. Но ради царства можно нарушить всякую клятву. Я готовъ нарушить тысячу ихъ, лишь-бы процарствовать одинъ годъ.

Ричардъ. Нѣтъ, Боже избави вашу свѣтлость стать клятвopеступникомъ!

Йоркъ. Но я стану имъ, если прибѣгну открыто къ оружію.

Ричардъ. Я докажу вамъ противное, если позволите мнѣ говорить.

Йоркъ. Не можешь доказать, сынъ мой, это невозможно.

Ричардъ. Клятва недѣйствительна, если она произнесена не передъ настоящимъ и законнымъ судебнымъ чиномъ, имѣющимъ власть надъ клянущимся; Генрихъ не имѣлъ никакой власти, лишь захвативъ ее; итакъ, если онъ потребовалъ вашего заявленія, то ваша клятва, милордъ, тщетна и ничтожна. Слѣдовательно, къ оружію! Притомъ, отецъ, помысли только, что за сладость носить корону: въ ея кругу Элизіумъ, всѣ радости и блаженство, о которыхъ мечтаютъ поэты! Зачѣмъ мы медлимъ? Я не буду спокоенъ, пока бѣлая роза, носимая мною, не окрасится въ теплой еще крови Генрихова сердца.

Йоркъ. Довольно, Ричардъ. Я буду королемъ или умру. Братъ, поспѣши тотчасъ въ Лондонъ и подстреки Уорика на это предпріятіе. Ты, Ричардъ, отправившись къ герцогу Норфольку и сообщишь ему тайно о нашемъ намѣреніи; ты Эдуардъ, къ милорду Кобгеу, за которымъ охотно поднимутся кентійцы; я вѣрю въ нихъ это солдаты, разумные и доблестные, великодушные и полные отваги. Пока вы займетесь этимъ, мнѣ останется только изыскать случай къ возстанію, но такъ, чтобы не проповѣдали о моемъ намѣреніи ни король, ни кто другой изъ Ланкастерскаго дома! (*Входитъ посланецъ*). Но подождите. Какія вѣсти? Зачѣмъ ты прибылъ такъ поспѣшно?

Посланецъ. Королева со всѣми северными графами и лордами намѣрена осадить васъ въ вашемъ замкѣ; она уже близко съ двадцатью тысячами человекъ, и потому обороните свою крѣпость, милордъ.

Йоркъ. Да, моей шпагой. Не думаешь ли ты, что мы ихъ боимся? Эдуардъ и Ричардъ, оставайтесь при мнѣ; братъ Монтегю поспѣшите въ Лондонъ: пусть благородный Уорикъ, Кобгемъ и другіе, которыхъ мы оставили покровителями короля, укрѣпить свое положеніе могучими мѣрами, не довѣряя простаку Генриху и его клятвамъ.

Монтегю. Братъ, я иду; я склоню ихъ, не бойся; затѣмъ, почтительно прощаюсь (*Уходитъ*).

Входятъ: сэръ Джонъ и сэръ Хьюгъ Мортимеръ.

Йоркъ. Сэръ - Джонъ и сэръ - Хьюгъ Мортимеръ, дядя мой! Вы прибыли въ Сандаль въ счастливый часъ: насъ хочетъ осадить армія королевы.

Сэръ Джонъ. Ей не придется этого: мы ее встрѣтимъ въ полѣ.

Йоркъ. Какъ, съ пятью тысячами людей?

Ричардъ. Хоть съ пятьюстами, отецъ, если нужно! Военачальникомъ тамъ женщина! Чего намъ бояться? (*Вдали военная музыка*).

Эдуардъ. Я слышу ихъ барабаны; выстроимъ нашихъ людей, выступимъ и завяжемъ бой тотчасъ же.

Йоркъ. По пяти человекъ противъ двадцати! Хотя неравенство велико, — я не сомнѣваюсь, дядя, въ нашей побѣдѣ; я выигрывалъ не одно сраженіе во Франціи, когда непріятель бывалъ вдесятеро сильнѣе насъ: почему не имѣть мнѣ и теперь такого успѣха? (*Тревога. Уходятъ*).

СЦЕНА III.

Равнина передъ Сандальскимъ замкомъ.

Бьютъ тревогу: движеніе войскъ. Входятъ: Ретлэндъ и его наставникъ.

Ретлэндъ. О, куда мнѣ бѣжать, чтобы избѣгнуть ихъ рукъ? О, наставникъ, взгляни, сюда идетъ кровожадный Клиффордъ!

Входитъ Клиффордъ съ солдатами.

Клиффордъ. Прочь, капеланъ! твой духовный санъ спасаетъ тебѣ жизнь; что же до этого отродья проклятаго герцога, отецъ котораго убилъ моего отца, онъ долженъ умереть.

Наставникъ. И я, милордъ, раздѣлю его участь.

Клиффордъ. Солдаты, уведите его.

Наставникъ. О, Клиффордъ! Не умерщвляй этого невиннаго ребенка, или ты будешь ненавистенъ Богу и людямъ. (*Уходитъ увлекаемый солдатами*).

Клиффордъ. Что это? Онъ уже мертвъ? Или страхъ сомкнулъ ему глаза? Я ихъ открою.

Ретлэндъ. Такъ смотреть заключенный левъ на несчастнаго, трепещущаго подъ его хищными лапами; такъ расхаживаетъ онъ, издѣваясь надъ своей жертвой, и такъ приближается онъ, чтобы растерзать ея члены. О, милостивый Клиффордъ, убей меня своимъ мечомъ, а не этимъ грознымъ взоромъ. Милый Клиффордъ, позволь мнѣ сказать прежде, нежели я умру: я слишкомъ ничтожный предметъ для твоей ярости; мсти мужамъ, а мнѣ дай жить!

Клиффордъ. Напрасно говоришь ты, бѣдный мальчикъ, кровь моего отца заткнула тотъ проходъ, черезъ который могли проникнуть твои слова.

Ретлэндъ. Такъ пусть откроетъ его вновь кровь моего отца. Онъ мужъ, Клиффордъ, ты и считаешься съ нимъ.

Клиффордъ. Будь здѣсь и твой братъ, ихъ жизнь и твоя была-бы еще недостаточнымъ отмщеніемъ. Нѣтъ, если-бы я разрылъ могилы твоихъ предковъ и повсѣля-бы скванными ихъ истлѣвшіе гробы, и это не утѣшило-бы моей ярости, не облегчило-бы мнѣ сердце. Видь когочибъ изъ дома Йорка, — это фурія, терзающая мнѣ душу. И до тѣхъ поръ, пока я не истреблю ихъ проклятое племя, не оставя въ живыхъ ни одного, я буду жить въ аду, и поэтому... (*Заноситъ руку*).

Ретлэндъ. О, позволь мнѣ помолить-

ся передъ смертью. Тебя молю: добрый Клиффордъ, пощади меня.

Клиффордъ. Насколько пощадить тебя остріе моей шпаги.

Ретлэндъ. Я не сдѣлалъ тебѣ никакого вреда: за что ты хочешь меня убить?

Клиффордъ. Отецъ твой сдѣлалъ.

Ретлэндъ. Но это было еще до моего рожденія. У тебя сынъ, пощади меня ради его... Не то, въ наказаніе за это... вѣдь справедливъ Господь... и сынъ твой будетъ умерщвленъ такъ же печально, какъ я. О, заточи меня на всю мою жизнь въ тюрьму... И если я подамъ поводъ къ гнѣву, тогда пусть я умру; теперь же у тебя нѣтъ причины...

Клиффордъ. Причины нѣтъ? Твой отецъ убилъ моего, поэтому умри! (*Поражаетъ его*).

Ретлэндъ. *Dû faciant, laudis summa sit ista tuae (умираетъ)*

Клиффордъ. Плантажензъ! Иду, Плантажензъ! Пусть отъ крови твоего сына, запекшейся на моемъ клинкѣ, такъ и ржавѣетъ мое оружіе, доколѣ твоя кровь, застывъ вмѣстѣ съ нею, не заставитъ меня стереть ихъ разомъ! (*Уходитъ*).

Входятъ: королева Маргарита, Клиффордъ, Норсомберлэндъ и солдаты.

Идите, королевичный Клиффордъ, суровый Норсомберлэндъ... Вызываю вашу неутомимую ярость на еще большій пылъ. Я ваша мишень и жду вашего удара.

Норсомберлэндъ. Сдавайся на нашу милость, надменный Плантажензъ.

Клиффордъ. Да, на такую милость, которую его нещадная рука оказала моему отцу, сводя съ нимъ счеты. Свалился нынѣ фаятонъ съ своей колесницы и превратилъ въ вечеръ полуденный мигъ.

Горкъ. Мой пепелъ можетъ произвестти, какъ фениксъ, такую птицу, которая отмститъ всѣмъ вамъ; въ этой надеждѣ я поднимаю очи къ небу, презирая все, что вы можете мнѣ нанести. Что-же вы не приближаетесь? Какъ! Толпа ихъ, и боятся!

Клиффордъ. Такъ обороняются трусы, когда уже не могутъ бѣжать далѣе; такъ горлицы клюютъ соколу его пронзающіе когти; такъ отчаянные воры, утративъ надежду остаться въ живыхъ, изрыгаютъ брань на пристававъ.

Горкъ. О, Клиффордъ, подумай еще разъ и пробѣги мысленно мое прошедшее,

СЦЕНА IV.

Тамъ-же. Тревога. Входитъ Горкъ.

Горкъ. Армія королевы одержала верхъ; оба мои дяди убиты, помогая мнѣ; всѣ мои приверженцы обращаютъ тылъ къ пылкому врагу и бѣгутъ, подобно кораблямъ, несомымъ вѣтромъ, или агнямъ, которыхъ преслѣдуютъ истощенные голодомъ воики. Сыновья мои... Богъ знаетъ, что стало съ ними. Одно я знаю: они вели себя, какъ люди, рожденные для того, чтобы заслужить славу своею жизнью или смертью. Трижды пробивалъ мнѣ дорогу Ричардъ, трижды крикнулъ онъ мнѣ: „Смѣлѣй, отецъ, держись!“ И столько же разъ являлся ко мнѣ Эдуардъ съ пурпу-

и если можешь, не краснѣя, то погляди мнѣ въ лицо и прикуси тотъ языкъ, который поносить, какъ труса, того, чей грозный взглядъ заставлялъ тебя, еще недавно, обмирать и бѣжать.

Клиффордъ. Я не желаю препираться съ тобою слово за слово, но обмѣняюсь съ тобой ударами, и дважды двумя за одинъ! *(Обнажаетъ мечъ)*.

Королева Маргарита. Стой, отважный Клиффордъ! не дѣлай ему чести дозволить опаранать тебѣ палець, хотя-бы съ тѣмъ, что ты поранишь его въ сердце. Если ворчить собака, то нѣтъ доблести въ томъ, чтобы сунуть ей руку межъ зубовъ, когда можно отшвырнуть ее прочь ногою. Война даруетъ право пользоваться всякими выгодами *(Всѣ хватаютъ Йорка, который сопротивляется)*.

Клиффордъ. Ай, ай! Такъ бьется теперь въ силкахъ.

Норсомберландъ. Такъ мечется кроликъ въ сѣтяхъ *(Йоркъ взятъ въ плѣнъ)*.

Йоркъ. Такъ торжествуютъ воры, овладѣвъ добычей; такъ подчиняются честные люди превосходству разбойничьей силы.

Норсомберландъ. Какъ желаетъ теперь ваше величество поступить съ нимъ?

Королева Маргарита. Храбрые воины, Клиффордъ и Норсомберландъ, выведите его на этотъ кротовый бугоръ, его, который охватывалъ горы распростертыми руками, но отошелъ лишь съ призракомъ отъ нихъ. Какъ? это ты хотѣлъ быть королемъ Англiи? Это ты красовался въ нашемъ парламентѣ и проповѣдывалъ о своемъ высокомъ происхожденiи? Гдѣ куча твоихъ сыновей, чтобы поддержать тебя теперь? Гдѣ распутный Эдуардъ и здоровенный Джорджъ? И гдѣ этотъ храбрый горбунъ-чудо, твой сыночекъ Дикъ, что возбуждалъ, брызжащимъ голосомъ, своего батюшку къ мятежу? И гдѣ, наконецъ, твой любимецъ Ретландъ? Взгляни, Йоркъ: я омочила этотъ платокъ въ крови, которую храбрый Клиффордъ выпустилъ изъ груди отрока остриемъ своей шпаги; даю его тебѣ, чтобы отереть имъ твои щеки. Увы! бѣдный Йоркъ! Если бы я не ненавидѣла тебя смертельно, я сострадала бы твоему злосчастному положенiю. Прошу тебя, сокрушайся, чтобы развеселить меня, Йоркъ! Какъ! неужели твое жестокое сердце такъ высушило тебѣ нѣдра, что у тебя не можетъ выкатиться ни одной слезы на смерть Ретланда? Зачѣмъ ты терпѣливъ, человекъ? Ты долженъ бѣсноваться, и я издѣваюсь такъ надъ тобой, чтобы забѣсить тебя. Тонай, ругайся, тоскуй, тогда я буду пѣть и плясать. Ты хочешь платы, я вижу, за то,

чтобы меня позабавить: Йоркъ не можетъ говорить иначе, какъ въ коронѣ. Корону Йорку! Вы, лорды, кланяйтесь ему пониже... Держите ему руки, пока я надѣну ему ее... *(Надѣваетъ ему бумажную корону)*. Ну, право, сэръ, онъ теперь похожъ на короля! Вѣдь это онъ занялъ было мѣсто короля Генриха, это онъ былъ его назначеннымъ наследникомъ. Но какже этотъ великій Плантагенэтъ укороновался такъ поспѣшно, нарушивъ свою торжественную клятву? Насколько помню, вы не должны были стать королемъ, пока король Генрихъ не покажетъ руки смерти. И вы осѣняете себѣ голову Генриха вѣнцомъ, похищаете діадему съ его чела, теперь, при его жизни, вопреки своей священной клятвѣ! О, это преступленiе, и слишкомъ непростительное! Долой эту корону и голову съ короной! Въ теченiи одного вдоха успѣйте его убить...

Клиффордъ. Это моя обязанность, за счетъ моего отца!

Королева Маргарита. Нѣтъ, подожди, послушаемъ его молитву.

Йоркъ. Французская волчица, но худшая волковъ французскихъ, ты, чей языкъ ядовитѣе змѣинаго зуба, не пристало твоему полу торжествовать, какъ амазонкѣ-потаскушкѣ, надъ горемъ тѣхъ, кто порабощенъ судьбою. Но если-бы твое лицо не было, подобно маскѣ, неподвижнымъ и наглымъ отъ привычки къ злымъ дѣламъ, я попытался бы заставить тебя покраснѣть, надменная королева! Одно сказанiе о томъ, откуда ты, какого ты происхожденiя, достаточно позорно для того, чтобы пристыдить тебя, не будь ты безстыжей. Твой отецъ носить титулъ короля неаполитанскаго, обѣихъ Сицилiй и Иерусалима, но онъ не такъ богатъ, какъ англiйскiй мелкопомѣстникъ. Не этотъ ли бѣдный монархъ научилъ тебя оскорбленiямъ? Они излишни и не въ пользу тебѣ, высокомерная королева, — развѣ что ты хочешь подтвердить пословицу о томъ, что нищiй, сѣвъ на коня, загонитъ его до смерти. Женщинамъ придаетъ часто гордость ихъ красота, но Богу извѣстно, что на твою долю досталось ея немного; наибольшее восхищенiе ими вызываетъ ихъ добродѣтель; но ты поражаешь противнымъ; ихъ сдержанность уподобляетъ ихъ чему-то божественному; отсутствiе ея дѣлаетъ тебя отвратительной. Ты также противоположна всему хорошему, какъ антиподы намъ, или сѣверъ югу. О, сердце тигрицы, сокрытое подъ женской кожей! Какъ могла ты пролить кровь ребенка, предложить отцу вытереть ею свои глаза, а все же сохранила женское обличье? Женщины нѣжны, кротки,

сострадательны, уступчивы, а ты сурова, непреклонна, окаменѣлая, груба и безпощадна. Ты требовала отъ меня ярости,— твое желаніе исполнено теперь; хотѣла, чтобъ я плакалъ,—и это желаніе исполнено: свирѣтствующій вѣтеръ нагоняетъ непрестанные ливни, а когда вѣтеръ стихаетъ, дождь начинаетъ идти. Эти слезы — похороны моего милаго Ретлэнда, и каждая капля ихъ взываетъ о мести за его смерть, мести тебѣ, подлый Клиффордъ, тебѣ, живая французенка!

Норсомберлэндъ. Будь я проклятъ, но его страданія такъ трогаютъ меня, что я едва могу удерживать отъ слезъ мои глаза.

Йоркъ. Его лицо не тронули бы даже голодные людоеды, они не занялись бы его кровью; но вы болѣе безчеловѣчны, болѣе неумолимы... о, въ десять разъ болѣе... чѣмъ гирканскіе тигры. Гляди, безпощадная королева, на слезы злосчастнаго отца: ты омочила эту ткань въ кровь моего милаго мальчика, а я слезами смылъ прочь эту кровь. Возьми этотъ платокъ и иди, гордись имъ (*Отдаетъ ей платокъ*). И если ты правдиво передашь весь этотъ скорбный рассказъ, то клянусь душой! слушатели прольютъ слезы. Да, даже мои враги не удержатъ быстро текущихъ слезъ и скажутъ: „Увы, то было жалкое дѣло!“ Бери

же мою корону и съ нею мое проклятіе, и да найдешь ты въ своей бѣдѣ такое же утѣшеніе, какъ то, которое я получаю изъ твоихъ слишкомъ жестокихъ рукъ! Жестокосердый Клиффордъ, изгони меня изъ этого свѣта... Душа моя къ небесамъ, кровь на ваши головы!

Норсомберлэндъ. Если-бы онъ былъ палачомъ всей моей родни, я никакъ не могъ бы не заплакать вмѣстѣ съ нимъ, видя, до чего сердечная тоска давить ему душу.

Королева Маргарита. Какъ! Ты готовъ зарыдать, милордъ Норсомберлэндъ? Подумай о всемъ злѣ, которое онъ намъ сдѣлалъ, и это быстро осушить твои нѣжные слезы.

Клиффордъ. Вотъ тебѣ, по моей клятвѣ, за смерть моего отца! (*Закалываетъ его*).

Королева Маргарита. А вотъ тебѣ въ отплату за нашего мягкосердаго короля! (*Колетъ его тоже*).

Йоркъ. Отверзи дверь твоего милосердія, благій Господь! Душа моя вылетаетъ черезъ эти раны, ища Тебя! (*Умираетъ*).

Королева Маргарита. Отсѣчь ему голову и выставить ее на йоркскихъ воротахъ: пусть герцогъ Йоркъ обозрѣваетъ герцога Йоркъ! (*Уходитъ*).

Дѣйствіе второе.

СЦЕНА I.

Равнина близъ Креста Мортимера въ Герфордсшейръ.

Барабанный бой. Входятъ: Эдуардъ и Ричардъ со своимъ войскомъ.

Эдуардъ. Хотѣлось-бы знать, какъ спасся нашъ августѣйшій родитель... И успѣлъ-ли онъ, или нѣтъ, избѣгнуть погои Клиффорда и Норсомберлэнда. Если онъ взятъ, мы услышали-бы о томъ вѣсть; если убитъ, услышали-бы тоже. Если-же онъ спасся, я полагаю, до насъ дошло-бы счастливое извѣстіе о его спасеніи. Какъ чувствуетъ себя мой братъ? Отчего онъ такъ грустенъ?

Ричардъ. Я не могу радоваться, пока не станеть мнѣ извѣстно, что стало съ доблестнымъ отцомъ. Я видѣлъ его спяющимъ въ битвѣ, замѣтилъ, какъ онъ выскивалъ Клиффорда; мнѣ казалось, онъ пробивался въ самую густую свалку, какъ левъ въ коровье стадо, или какъ медвѣдь, окруженный псами: когда тотъ поцарапаетъ нѣкоторыхъ и заставитъ ихъ взвыть, прочіе держатся подалѣе, лая на него. Такъ справлялся нашъ отецъ съ своими врагами, такъ бѣжали враги отъ нашего воинственного отца. Мнѣ кажется, есть чѣмъ гордиться быть его сыномъ!.. Смотри, какъ заря открываетъ свои золотыя врата и прощается съ блистательнымъ солнцемъ! Какъ оно походитъ на расцвѣтъ молодости, оно, разукрашенное, какъ юноша, красующійся передъ своею возлюбленною!

Эдуардъ. Мерещится моимъ глазамъ или я вижу три солнца?

Ричардъ. Три блистательныя солнца и каждое изъ нихъ совершенное солнце... они не отдѣляются клубящимися облаками, но держатся порознь на яркомъ небѣ. Смотри, смотри! Они сближаются... слились, какъ-бы цѣлуясь, какъ-бы клянясь въ неприкосновенности союза... И вотъ они, одинъ свѣтильникъ, одинъ пламень, одно солнце... Небо изобразило этимъ какое-нибудь событіе.

Эдуардъ. Это удивительно странно, я никогда не слыхивалъ о подобномъ. Я полагаю, братъ, что оно призываетъ насъ къ битвѣ; мы, сыновья храбраго Плантагенэта, каждый изъ насъ уже славенъ своими достоинствами, но мы должны, не взирая на то, соединить наши лучи и освѣщать ими землю, какъ это солнце міръ. Что бы ни означало знаменіе, съ этихъ поръ я выставлю на моемъ щитѣ три солнца.

Ричардъ. Нѣтъ, лучше трехъ дѣвъ: сказать съ твоего позволенія, ты больше любишь самокъ, нежели самцовъ (*Входитъ вѣстникъ*). Но кто ты, чей грустный видъ предвѣщаетъ страшную рѣчь, уже готовую на твоемъ языкѣ?

Вѣстникъ. Я одинъ изъ печальныхъ зрителей того, какъ былъ убитъ благородный герцогъ Юркъ, вашъ августѣйшій отецъ. мой возлюбленный лордъ.

Эдуардъ. О, не говори болѣе! Я услышалъ уже слишкомъ много.

Ричардъ. Скажи, какъ онъ умеръ; я хочу услышать все.

Вѣстникъ. Онъ былъ окруженъ многочисленными врагами и держался противъ нихъ, какъ тотъ, кто былъ надеждой Трои, держался противъ грековъ, хотѣвшихъ войти въ Трою. Но самъ Геркулесъ долженъ уступать превосходству силъ, и множество ударовъ, хотя бы и малымъ трюномъ, подѣкаютъ и валятъ самый крѣпкоствольный дубъ. Отца вашего одолѣло множество рукъ, но онъ умерщвленъ лишь злобною рукою непримиримаго Клиффорда и королевы; она увѣнчала нашего свѣтлѣйшаго герцога, она горько издѣваясь, насмѣхалась ему въ лицо, и когда онъ заплакалъ отъ скорби, жестокая королева подала ему, чтобы утереть щеки, платокъ, напитанный невинной кровью милаго юнаго Ретлэнда, котораго убилъ суровый Клиффордъ; и послѣ многихъ издѣвательствъ, многихъ подлыхъ обидъ, они отрубили ему голову и выставили ее на юрскихъ воротахъ. Тамъ и остается она еще грустнѣйшимъ зрѣлищемъ, когда-либо видѣннымъ мною!

Эдуардъ. Милый герцогъ Юркъ, наша опора, тебя не стало, и нѣтъ у насъ железа, нѣтъ прибѣжища! О, Клиффордъ, буйный Клиффордъ, ты загубилъ цвѣтъ европейскаго рыцарства, ты предательски побѣдилъ его, потому что, мечъ о мечъ, онъ одолѣлъ бы тебя! Теперь чертогъ моей души обратился въ ея темницу... О, если бы она могла вырваться изъ нея и мое тѣло было бы зарыто въ землю на покой! Отнынѣ я никогда уже не испытаю радости... Никогда, о, никогда, не увижу болѣе радости!

Ричардъ. Я плакать не могу: всей влаги моего тѣла еще недостаточно, чтобы утолить мое пылающее, какъ горнило, сердце; не можетъ и языкъ мой облегчить великое бремя моего сердца. То самое дыханіе, которое вырвется съ моей рѣчью, раздуетъ уголь, горящій у меня на груди, и сожжетъ меня огнемъ, который попытаются загасить мои слезы. Плачь облегчаетъ глущину горя; такъ слезы — дѣтямъ, мнѣ бой и мщеніе!.. Ричардъ, я ношу твоё имя, я отомщу за твою смерть или умру, прославясь этою попыткой.

Эдуардъ. Нашъ доблестный герцогъ оставилъ тебѣ свое имя; но его герцогство и мѣсто оставлены мнѣ.

Ричардъ. Если ты пленецъ этого царственнаго орла, выкажи свое происхожденіе, глядя прямо на солнце. Не говори: мѣсто и герцогство, а тронъ и королевство; то и другое твоё, или же ты не его рода!

Воинскій маршъ. Входятъ: Уорикъ и Монтегю; за ними войско.

Уорикъ. Ну, что, прекрасные лорды? Какъ дѣла? Какія извѣстія вѣсти?

Ричардъ. Великій лордъ Уорикъ! Если бы мы стали передавать наши скорбныя вѣсти, и при каждомъ словѣ кололи бы себѣ тѣло кинжаломъ, пока не рассказали бы всего, то слова прибавили бы намъ болѣе страданія, чѣмъ раны. О, доблестный лордъ! Герцога Юркъ убить.

Эдуардъ. О, Уорикъ, Уорикъ! Тотъ Плантагенетъ, которому ты былъ такъ дорогъ, какъ спасеніе его души, — онъ умерщвленъ жестокимъ лордомъ Клиффордомъ.

Уорикъ. Уже десять дней тому назадъ, я затопилъ эту вѣсть моими слезами; а теперь, чтобы усилить еще мѣру вашего горя, я прибылъ съ рассказомъ о томъ, что случилось съ того времени. Послѣ кровавой битвы у Уэкфильда, гдѣ вашъ отважный отецъ испустилъ свой послѣдній вздохъ, вѣсти о вашемъ пораженіи и его кончинѣ были доставлены мнѣ такъ быстро, какъ только могла домчаться почта. Я, находясь въ Лондонѣ, какъ охранитель короля, стянулъ солдатъ, собравъ толпу друзей и — будучи достаточно силенъ, какъ мнѣ казалось, — двинулся къ Сентъ-Ольбану, чтобы пересѣчь дорогу королевы; я удерживалъ при себѣ короля ради своей поддержки, узнавъ черезъ лазутчиковъ, что королева идетъ съ явнымъ намѣреніемъ уничтожить нашъ недавній парламентскій актъ, касательно присяги короля Генриха и вашего наслѣдства. Чтобы сказать короче, — мы встрѣтились у Сентъ-Ольбана; войска наши сошлись и обѣ стороны дрались отчаянно; но равнодушіе ли короля, поглядывавшаго ласково на свою воинственную супругу, лишило моихъ воиновъ ихъ горячаго задора, или причиною тому была вѣсть о ея успѣхахъ и болѣе, нежели обычный, страхъ передъ жестокимъ Клиффордомъ, сулившимъ грозно кровь и смерть всѣмъ плѣннымъ, — того не берусь судить... Но, говоря по правдѣ, неприятельское оружіе носилось всюду, точно молнія; а наши солдаты, — какъ вяло летающія ночныя совы или лѣнтій-молотильщикъ съ цѣпомъ, — удары сыпали слегка, какъ будто били своихъ пріятелей. Я ободрялъ ихъ справедливостью нашего дѣла, обѣщаніемъ на хорошую плату, на вышнія награды... Но все было напрасно: имъ не хотѣлось драться, и мы, не надѣясь на побѣду съ ними, бѣжали, — король къ своей королевы, а братъ вашъ, лордъ Джоржъ, Норфолькъ и я поспѣшили возможно скорѣе на соединеніе съ вами, узнавъ здѣсь, на границѣ, что вы собираетесь съ силами для новаго боя.

Эдуардъ. Но гдѣ же герцогъ Норфолькъ, милый Уорикъ? И когда вернулся изъ Бургундіи въ Англію Джорджъ?

Уорикъ. Герцогъ въ шести миляхъ отсюда съ своими солдатами, а братъ вашъ присланъ недавно вашею доброю теткою, герцогинею Бургундской, чтобы подкрѣпить насъ войскомъ въ этой необходимой войнѣ.

Ричардъ. Вѣрно, было уже не выдержатъ, если бѣжалъ и храбрый Уорикъ; я слыхалъ часто о его славныхъ погоняхъ, но никогда еще о позорномъ отступленіи.

Уорикъ. И теперь не услышишь ничего позорнаго, Ричардъ, а узнаешь, что моя твердая правая рука способна сорвать вѣнецъ съ головы слабаго Генриха и выдернуть грозный скипетръ изъ его рукъ, будь онъ даже также отваженъ на войнѣ, насколько онъ славится своей кротостью, миролюбіемъ и набожностью.

Ричардъ. Я знаю это хорошо, лордъ Уорикъ; не осуждай меня; лишь любовь къ твоей славѣ заставила меня такъ говорить. Но что намъ дѣлать въ это смутное время? Сбросить наши стальные доспѣхи, облечь свои дѣла въ черныя траурныя одежды и перечитывать наши „Ave Maria“ по четкамъ? Или-же — начертить нашимъ мстительнымъ оружіемъ наши молитвы на шлемахъ нашихъ враговъ? Если вы за это послѣднее, скажите „да“... И въ дѣло, лорды!

Уорикъ. Затѣмъ и отыскала васъ Уорикъ, затѣмъ пришелъ и братъ мой, Монтегю. Выслушайте меня, милорды. Высокомѣрная и дерзкая королева, союзна съ Клиффордъ, надменнымъ Норсѣмберландомъ и другими гордыми птицами той-же породы, обработала податливаго короля, какъ воскъ. Онъ поклялся передать вамъ наслѣдіе и его клятва занесена въ парламентскіе списки; но теперь вся шайка отправилась въ Лондонъ, чтобы уничтожить эту клятву и все, что можетъ противодѣйствовать ланкастерскому дому. Ихъ силы доходятъ, мнѣ кажется, до тридцати тысячъ человекъ. Но съ помощью Норфолька и съ моею, и со всеми друзьями, которыхъ ты, храбрый графъ Марчъ, можешь набрать изъ преданныхъ уэльсцевъ, насъ насчитается всегда двадцать пять тысячъ. Что-же, впередъ! Идемъ прямо на Лондонъ, осѣдаемъ еще разъ нашихъ змысленныхъ кеней, воскликнемъ еще разъ: Вазяй враговъ! Но не повернемъ тыла и не побѣжимъ еще разъ!

Ричардъ. Ну, вотъ, теперь я снова слышу рѣчь великаго Уорика. Да не увидитъ болѣе дневнаго свѣта тотъ, который крикнетъ: Назадъ! когда Уорикъ велитъ держаться.

Эдуардъ. Лордъ Уорикъ, я обонурь на твои плечи, и если ты падешь... чего

сохрани Боже!.. тогда падетъ и Эдуардъ; но да предотвратитъ небо такую бѣду.

Уорикъ. Ты болѣе не графъ Марчъ, а герцогъ Йоркскій, ближайшая затѣмъ ступень — англійскій королевскій престолъ: ты долженъ быть провозглашенъ королемъ Англии во всѣхъ городахъ, черезъ которые мы прослѣдуемъ, и каждый, кто не броситъ шапки вверхъ отъ радости, заплатитъ за такой проступокъ головою. Король Эдуардъ, доблестный Ричардъ Монтегю! Не будемъ долѣе мечтать о славѣ, но пусть зазвучатъ трубы, — и за дѣло!

Ричардъ. Теперь, Клиффордъ, будь сердце твое твердо, какъ сталь... Ты доказалъ уже его окаменѣлость своими подвигами... Я прокалю его тебѣ или отдамъ тебѣ мое.

Эдуардъ. Бейте, барабаны! Богъ и святой Георгій за насъ!

Входитъ вѣстникъ.

Уорикъ. Ну, что? Какія вѣсти?

Вѣстникъ. Герцогъ Норфолькъ посылаетъ вамъ сказать черезъ меня, что королева приближается съ сильнымъ войскомъ; онъ умоляетъ васъ о скорѣйшемъ рѣшеніи.

Уорикъ. Какъ разъ и кстати, храбрые воины! Идемъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Передъ городомъ Йоркъ.

Входятъ: король Генрихъ, королева Маргарита, принцъ Уэльскій, Клиффордъ и Норсѣмберландъ. Войско.

Королева МАРГАРИТА. Добро пожаловать, милордъ, въ добрый городъ Йоркъ. Вотъ тамъ голова того архи-врага, который тщился увѣнчать себя вашей короной. Не веселитъ вамъ сердца этотъ предметъ, милордъ?

Король ГЕНРИХЪ. Да, какъ веселятъ утесы тѣхъ, кому грозитъ крушеніе; видъ этотъ гнететъ мнѣ душу, удержи месть свою, благій Господь! то не моя вина, и не умышленно я преступилъ свою клятву.

Клиффордъ. Всемилостивый государь, здѣсь надо отложить въ сторону излишнюю снисходительность и вредную жалость. На кого должны львы обращать кроткіе взоры? Не на тѣхъ, которые хотятъ захватить ихъ логовище. Чью руку лижетъ лѣсной медвѣдь? Не ту, которая похищаетъ у него дѣтеннейшей на его глазахъ. Кто избѣгаетъ смертнаго укуса притаившейся змѣи? Не тотъ, что наступаетъ ей на спину. Малѣйшій червь обороняется, когда его топчутъ, и голубки клюются, защищая своихъ

итенцовъ. Честолюбивый Йоркъ мѣтилъ на твою корону, а ты улыбался, когда онъ хмурилъ свое сердитое чело. Онъ былъ только герцогомъ, хотѣлъ сдѣлать своего сына королемъ и возвысить свое потомство, какъ любящій родоначальникъ. Ты же, состоя королемъ и благословенный добрымъ сыномъ, согласился на лишеніе его наслѣдства, поступивъ какъ нелюбящій отецъ. Неосмысленныя животныя вскармливаютъ своихъ дѣтенышей, и хотя человѣчскій обликъ страшенъ для нихъ, однако, кто не

ко, чтобы ты сохранилъ свое достояніе и могъ оставить это достояніе ему.

Король Генрихъ. Клиффордъ оказался хорошимъ ораторомъ и привелъ весьма сильныя доказательства. Но, Клиффордъ, не слыхивалъ ли ты, что не правомъ нажитое въ прокъ неидетъ? И счастливится ли тому сыну, отецъ котораго пошелъ въ адъ за свою наживу? Я хочу оставить послѣ себя моему сыну мои добрыя дѣла, и хорошо бы было, когда бы мой отецъ оставилъ мнѣ лишь это! Все остальное стоитъ

видать, какъ ради защиты своихъ малютокъ они борются—даже тѣми крыльями, которыя служили имъ порою лишь для трусливаго бѣгства,—съ тѣмъ, кто лѣзетъ къ ихъ гнѣзду и даже жертвуетъ собственной жизнью для обороны дѣтей? Стыдитесь, государь, берите ихъ въ примѣръ! Развѣ не прискорбно, что этотъ добрый юноша утратилъ-бы свое прирожденное право по винѣ отца и могъ-бы впоследствіе сказать своему ребенку: „То, что приобрѣтено моимъ праѣдомъ и дѣдомъ, охотно отдано моимъ беззаботнымъ отцомъ?“ О, какой бы это былъ позоръ! Взгляни на этого юношу, и пусть его мужественное лицо, предвѣщающее благополучную судьбу, закалитъ твое мягкое сердце на столь-

слишкомъ дорого и охрана его приноситъ въ тысячу разъ болѣе заботы, нежели обладаніе имъ—радости. О, кузень Йоркъ! Еслибъ лучшіе твои друзья знали, какъ прискорбно мнѣ видѣть здѣсь твою голову!

Королева Маргарита. Милордъ, воспряньте духомъ; непріятель близокъ, и ваше малодушіе заставляетъ слабѣть вашихъ сторонниковъ. Вы обѣщали рыцарское достоинство нашему отважному сыну; обнажите мечъ, чтобы посвятить его тотчасъ. Эдуардъ, преклони колѣна!

Король Генрихъ. Эдуардъ Плантагенетъ, встань уже рыцаремъ! И помни это наставленіе: обнажай мечъ лишь за правду.

Принцъ. Мой милостивый отецъ, съ вашего королевскаго позволенія, я обнажу

его, какъ наследникъ престола, и въ этой войнѣ буду драться имъ на смерть.

Клиффордъ. Такая рѣчь прилична дѣльному принцу.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ. Царственные вожди, готовы-тесь! Уорикъ съ тридцатью тысячами человекъ идетъ, подерживая герцога Йоркъ. И въ тѣхъ городахъ, черезъ которые они проходятъ, они провозглашаютъ его королемъ, и многіе примыкаютъ къ нимъ. Приготовляйтесь къ битвѣ; они уже близко.

Клиффордъ. Вашему величеству лучше бы удалиться съ поля. Королева дѣйствуетъ успѣшнѣе въ ваше отсутствіе.

Королева Маргарита. Да, добрый лордъ мой; предоставь насъ нашему счастью.

Король Генрихъ. Но ваше счастье тоже и мое; я остаюсь поэтому.

Норсомберлендъ. Тогда не иначе какъ съ рѣшимостью драться.

Принцъ. Мой царственный отецъ, ободря этихъ благородныхъ лордовъ, придай духу тѣмъ, которые бьются для твоей защиты. Обнажи свой мечъ, милый отецъ, и крикни: „Св. Георгъ“!

Движеніе войска. Входятъ: Эдуардъ, Джорджъ, Ричардъ, Уорикъ, Норфолькъ, Монтегю, солдаты.

Эдуардъ. Кливопреступникъ Генрихъ! Хочешь ты на колѣняхъ молить о пощадѣ и возложить вѣнецъ на мою голову, или будешь ждать смертельной гибели въ полѣ?

Королева Маргарита. Поди, жури своихъ присѣшниковъ, гордый, дерзкій мальчишка! Прилично ли тебѣ быть такимъ наглымъ на словахъ передъ моимъ государемъ, своимъ законнымъ королемъ?

Эдуардъ. Король я, и онъ долженъ преклонить колѣно; я назначенъ наследникомъ съ его согласія; потомъ его клятву нарушили, я слышалъ, вы, состоящая королева, хотя носить корону онъ, заставляли его, посредствомъ новаго парламентскаго акта, вычеркнуть меня и вписать его сына.

Клиффордъ. Что справедливо. Кому же наследовать отцу, какъ не сыну?

Ричардъ. И ты здѣсь, мясникъ?.. О, я не могу говорить!

Клиффордъ. Ну, да, горбунъ, я здѣсь для отвѣта тебѣ и всякому наглецу твоего сорта.

Ричардъ. Ты убилъ юнаго Ретленда? Это ты?

Уорикъ. Что скажешь, Генрихъ, соглашаешься уступить корону?

Королева Маргарита. Туда-же, долгоязычный Уорикъ! Какъ смѣешь ты говорить? Когда я встрѣтилась съ тобой у Сентъ-Ольбана, твои ноги сослужили тебѣ лучшую службу, чѣмъ руки.

Уорикъ. Тогда была мой чередъ бѣжать, а теперь твой.

Клиффордъ. Ты говорилъ тоже сначала; однако, бѣжалъ.

Уорикъ. Но не твоя отвага, Клиффордъ, прогнала меня тогда.

Норсомберлендъ. И не твое мужество, которое должно было бы заставить тебя устоять.

Ричардъ. Норсомберлендъ, тебя я уважаю... Но прекратимъ эти переговоры, потому что я удерживаю съ трудомъ взрывъ моего переополненнаго сердца противъ Клиффорда, этого жестокаго убійцы дѣтей.

Клиффордъ. Я убилъ твоего отца. Его ли называешь ты ребенкомъ?

Ричардъ. Убилъ, какъ подлецъ, какъ трусъ-предатель, и такъ умертвилъ ты и нашего нѣжнаго брата Ретленда. Но не закатится еще солнце, и я заставлю тебя проклясть это дѣло.

Король Генрихъ. Достаточно рѣчей, милорды; выслушайте меня.

Королева Маргарита. Вызывай ихъ, не то сомкни уста.

Король Генрихъ. Прошу тебя, не ограничивай моего языка: я король, — и имѣю право говорить.

Клиффордъ. Мой государь, рана, вызвавшая эту встрѣчу здѣсь, не можетъ быть залечена словами; поэтому молчите!

Ричардъ. Тогда, палачъ, обнажай мечъ. Клянусь тѣмъ, кто создалъ насъ всѣхъ, я увѣренъ, что все мужество Клиффорда только у него на языкѣ.

Эдуардъ. Скажи-же, Генрихъ, признаешь ты мое право или нѣтъ? Тысяча народа, закусивъ утромъ, не будетъ уже обѣдать сегодня, если ты не уступишь мнѣ короны.

Уорикъ. И если ты откажешь въ этомъ, то пусть кровь ихъ на твою голову! Йоркъ облачился въ доспѣхи лишь за правду.

Принцъ. Если то правильно, что Уорикъ находитъ правильнымъ, то зла нѣтъ вовсе; рѣшительно все справедливо.

Ричардъ. Отъ кого бы ты ни былъ прижитъ, но мать твоя здѣсь: я узнаю въ тебѣ материнскій языкъ.

Королева Маргарита. А ты такъ непохожъ ни на своего отца, ни на мать, а подобенъ только скверному, уродливому, заклеяменному, отмѣченному рокомъ для того, чтобы отъ тебя всѣ сторонились, какъ отъ ядовитой жабы или отъ страшнаго жала ящерицы.

Ричардъ. Неаполитанское желѣзо подъ англійскою позолотой, отецъ твой называется королемъ, какъ будто бы канава можетъ зваться моремъ! но какъ ты не

стыднись, зная свое происхожденіе, позволять своему языку обличать незаконно-рожденность твоего сердца?

Эдуардъ. Стоило бы заплатить тысячу кронъ за пукъ соломы, который образумилъ бы эту безстыдную паскудницу. Греческая Елена была гораздо красивѣе тебя, хотя твоему мужу и приходилось быть Менелаемъ; но никогда братъ Агамемнона не былъ такъ оскорбленъ этою вѣроломною женщиной, какъ оскорбленъ тобою этотъ король. Его отецъ торжествовалъ въ самомъ сердцѣ Франціи; онъ одолѣлъ тамъ короля, заставилъ смириться дофина, и если бы твой мужъ женился сообразно своему сану, онъ сохранилъ бы свою славу и до этого дня; но когда онъ принялъ нищю на свое ложе, почтивъ такимъ бракомъ твоего бѣдняка-родителя, — изъ-за солища хлынулъ на него ливень, который смылъ прочь изъ Франціи всѣ приобрѣтенія его и породилъ мятежь противъ его короны на родинѣ, — потому что чѣмъ вызваны эти смуты, какъ не твоимъ высокоуміемъ? Будь ты смиреннѣе, наши притязанія дремали бы еще. Изъ состраданія къ мягкосердому королю, мы отложили бы наши требованія до другого времени.

Джорджъ. Но когда мы увидѣли, что наши солнечные лучи родятъ тебѣ весну, а твое лѣто не приноситъ намъ жатвы, мы наложили топоръ на твой чужедный корень, и хотя остріе задѣвало не разъ и насъ самихъ, мы, зная это, однажды начавъ рубить, не остановимся, пока не отсѣчемъ тебя совсѣмъ, или не оросимъ твоего роста своей разгоряченной кровью.

Эдуардъ. И, рѣшаясь на это, я вызываю тебя. Не хочу дальнѣйшихъ переговоровъ, потому что ты не дозволяешь говорить кроткому королю. Звучите трубы!.. Развѣйся, наше кровавое знамя!.. Побѣда или могила!..

Королева Маргарита. Подожди, Эдуардъ.

Эдуардъ. Нѣтъ, строптивая женщина, не хочу ждать болѣе. Эти рѣчи будутъ стоить сегодня десяти тысячъ жизней. *(Уходятъ).*

СЦЕНА III.

Поле битвы между Тутономъ и Сактономъ въ Йоркшэйрѣ.

Тревога. Движеніе войскъ. Входитъ Уорикъ.

Уорикъ. Переизмученный работой, какъ скороходъ на бѣгѣ, я прилягу, чтобы

перевести духъ; полученные и отплаченные удары совсѣмъ обезсилили мои крѣпкія жилы и, не смотря на мою ярость, я долженъ немного отдохнуть.

Вбѣгаетъ Эдуардъ.

Эдуардъ. Улыбнись, благое небо! Или рази, злая смерть! Миръ заволокся, солнце Эдуарда омрачилось...

Уорикъ. Ну, что, милордъ? Какъ дѣло? Есть надежда на хорошее?

Входитъ Джорджъ.

Джорджъ. Наше дѣло потеряно; наша надежда — одно горькое отчаяніе. Нашъ строй пробитъ; слѣдомъ за нами гибель. Какой намъ дашь совѣтъ, куда бѣжать?

Эдуардъ. Тщетно и бѣгство; они преслѣдуютъ насъ какъ на крыльяхъ, а мы ослабли и не можемъ избѣжать погони.

Входитъ Ричардъ.

Ричардъ. О, Уорикъ, зачѣмъ ты удалился? Жаждавшая земля впила кровь твоего брата, произеннаго остріемъ Клиффордова копыя. Уже въ предсмертныхъ мукахъ онъ вопилъ, — и то было подобно отдаленному зловѣщему гулу: — „Уорикъ, отмсти! Братъ, отмсти за мою смерть!“ Такъ испустили свой духъ благородный лордъ, — подъ брюхомъ ихъ лошадей, обмравшихъ свои щетки въ его дымившейся крови.

Уорикъ. Такъ пусть-же земля перещетается нашей кровью! Я убью своего коня, потому что не хочу бѣжать. Зачѣмъ стоимъ мы здѣсь, подобно мягкосердымъ женщинамъ, оплакивая наши утраты въ то время, какъ враги тамъ злобствуютъ? И глядимъ, точно-бы трагедія разыгрывалась въ шутку ломающимися актерами? Здѣсь, на колѣняхъ, приношу клятву передъ Вышнимъ Богомъ, что не остановлюсь, не успокоюсь, пока или смерть смежитъ мои глаза, или счастье дастъ выполнить мнѣ мѣру моей мести!

Эдуардъ. О, Уорикъ, я преклоню колѣна съ тобою и соединю мою душу съ твоею въ этой клятвѣ, и прежде, чѣмъ мои колѣна поднимутся съ холоднаго лика земли, воздвигну мои руки, мои очи, мое сердце къ Тебѣ, о возносящій и низвергающій царей! Молю Тебя, если въ Твоей волѣ предать мое тѣло моимъ врагамъ, то да будутъ отверзты Твои мѣдныя райскія врата для сладостнаго пропуску моей грѣшной души! Теперь, лорды, простимся до новой встрѣчи, гдѣ ни случится, — на небѣхъ, или на землѣ.

Ричардъ. Братъ, дай мнѣ руку... и ты, милый Уорикъ, позволь обнять тебя моими утомленными руками. Я, не плачущій никогда, я смягченъ горемъ о томъ, что зима прекращаетъ такъ нашу весну!

Уорикъ. Идемъ, идемъ! Еще разъ, простите, дорогіе лорды!

Джорджъ. Пойдемъ всѣ вмѣстѣ къ нашимъ войскамъ; позволимъ бѣжать тѣмъ, кто не захочетъ оставаться, а тѣхъ, которые насъ не покинутъ, назовемъ нашей опорой и общаемъ имъ, если одержимъ верхъ, награждать ихъ, какъ побѣдителей на олимпійскихъ играхъ. Это можетъ вселить отвагу въ ихъ измученную грудь. Надежда есть еще на жизнь и на побѣду; не будемъ-же медлить, идемъ бодро отсюда. *(Уходятъ)*.

СЦЕНА IV.

То же; другая часть поля.

Боевое движеніе. Входятъ: Ричардъ и Клиффордъ.

Ричардъ. Ну, Клиффордъ, ты одинъ передо мной; представь себѣ, что эта моя рука за герцога Йоркъ, а эта за Ретланда; обѣ обязаны тебѣ отметить, будь ты окруженъ мѣдной стѣною.

Клиффордъ. Ну, Ричардъ, я здѣсь наединѣ съ тобою; эта рука поразила твоего отца Йорка, а эта умертвила твоего брата, Ретланда; а вотъ и сердце, которое ликуетъ отъ ихъ смерти и призываетъ руки, убившія твоего родителя и брата, совершить то же надъ тобой. Итакъ, держись! *(Оба бьются. Входитъ Уорикъ, Клиффордъ бѣжитъ)*.

Ричардъ. Нѣтъ, Уорикъ, намѣтъ какого-нибудь другого звѣря, а этого волка я хочу затравить самъ *(Уходятъ)*.

СЦЕНА V.

Другая часть поля.

Тревога. Входитъ король Генрихъ.

Король Генрихъ. Эта битва походитъ на ту борьбу утра, когда умирающая мгла споритъ съ возрастающимъ свѣтомъ, и когда пастухъ, подувая на свои ногти, не можетъ назвать времени ни настоящимъ днемъ, ни ночью. Битва уносится то въ одну сторону, какъ могучее море, гонимое приливомъ противъ вѣтра; то въ другую, какъ то же море, вынужденное отступить подъ напоромъ вѣтра. То переселятъ волны, то опять вѣтеръ. То беретъ верхъ одно, то вновь другое, и оба, грудь о грудь, слятся побѣдить, а все никто не покоренъ и не покорилъ другого. Такъ равновѣсна

и эта жестокая война. Присяду здѣсь, на этотъ кротовый бугорокъ... Кому Господь велитъ, пусть тому и достанется побѣда! Маргарита, моя супруга, и съ нею Клиффордъ, отослали меня прочь съ битвы; оба клялись, что они удачливѣе во всемъ, когда меня нѣтъ тамъ. Лучше бы мнѣ умереть, еслибы была на то Божія воля! Что есть въ этомъ мірѣ, кромѣ скорби и горя? О, Боже! Мнѣ кажется, что можно прожить счастливѣе, бывъ только простымъ батракомъ; сидѣлъ-бы я на холмикѣ, какъ теперь, начертилъ бы хорошенько солнечные часы, точка въ точку, чтобы знать, какъ бѣгутъ минуты, сколько ихъ требуется для полного часа, сколько часовъ въ теченіи сутокъ; сколько нужно сутокъ для свершенія года, сколько годовъ можетъ прожить смертный человѣкъ. Узнавъ все это, я подѣлилъ бы время: столько-то часовъ буду я пасти мое стадо; столько-то часовъ буду отдыхать; столько-то часовъ соверщать; столько-то часовъ веселиться; столько-то дней моя овца будутъ въ тягости; столько-то недѣль до того какъ бѣдняжкамъ ягниться; столько-то лѣтъ до того, какъ мнѣ стричь съ нихъ шерсть. Такъ минуты, часы, дни, мѣсяцы и годы прошли-бы согласно той цѣли, для которой они созданы, и довели-бы сѣдины мои до покойной могилы. О, чтобы это была за жизнь! Какъ сладостна и какъ пріятна! Развѣ кусты боярышника не даютъ болѣе пріятную тѣнь пастухамъ, смотрящимъ на свои невинныя стада, чѣмъ роскошно вышитыя балдахины королямъ, бѣящимся измѣны своихъ подданныхъ? О, да, тысячу разъ, да! И въ заключеніе,—простой творогъ пастуха, его холодное жидкое питье прямо изъ фляги, его обычный сонъ подъ свѣжею древесной стѣною, не превосходятъ ли они королевскихъ лакомствъ, мясо, красующихся на золотыхъ блюдахъ, и затѣйливаго ложа, на которомъ покоитъ король свое тѣло,—но подъ надзоромъ заботы, недоуверія и предательства!

Тревога. Входитъ сынъ, убившій своего отца; онъ тащитъ его трупъ.

Сынъ. Дурень тотъ вѣтеръ, что никому не пригоденъ! У этого человѣка, котораго я убилъ въ рукопашной схваткѣ, можетъ быть запасъ кроны; а я, благополучно обобравъ ихъ теперь у него, могу, пожалуй, еще до вечера, отдать и ихъ, и свою жизнь другому, какъ этотъ мертвый отдалъ мнѣ... Кто онъ?.. О, Боже! Это лицо моего отца, котораго я невзначай убилъ въ этомъ сраженіи.. О, тяжелыя времена, порождающія такія событія! Меня повелъ изъ Лондона король; мой отецъ, будучи подчиненнымъ графа Уорика, былъ на сто-

ронѣ Горка, по приказанію своего господина, а я, получившій жизнь изъ его рукъ, лишилъ его жизни моими руками. Прости мнѣ, Господи! Не зналъ я, что творилъ! Прости и ты, отецъ; я не узналъ тебя! Пусть мои слезы омочатъ эти кровавые слѣды... И болѣе ни слова, пока онѣ выольются не изольются.

Король Генрихъ. О, жалостное зрѣлище! О, кровавыя времена! Когда воюють львы, борясь за свои логовища, бѣдныя, невинныя овцы терпятъ отъ ихъ вражды! Плачь, несчастный человѣкъ, я буду вторить тебѣ, слезой за слезою, и пусть наши сердца и наши глаза, подобно междуособицѣ, ослѣпнутъ отъ слезъ и разорвутся отъ скорби!

Входитъ отецъ, убившій своего сына, съ его трупомъ на рукахъ.

Отецъ. Ты, защищавшійся такъ твердо противъ меня, подавай мнѣ свое золото: я купилъ его сотней ударовъ. Но, погляжу... вражеское-ли это лицо? О, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! Это мой единственный сынъ! О, мальчикъ мой, если въ тебѣ остается жизни, открой свои глаза: смотри, смотри, какіе потоки, гонимые порывистою бурей моего сердца, стремятся на твои раны, смертельныя для моихъ глазъ и души! О, сжался, Господи, надъ этими несчастными временами! Что за злоключенія, столь гнусныя, кровавыя, безсмысленныя, мятежныя и противоестественныя, порождаетъ эта убійственная распря! О, дитя мое, твой отецъ далъ тебѣ жизнь слишкомъ рано; слишкомъ поздно отнял онъ ее у тебя.

Король Генрихъ. Горе за горемъ! О, если-бы моя смерть прекратила такія жестокия дѣла! О, сжался, сжался, благое небо, сжался!.. На его лицѣ алая и бѣлая роза, роковые цвѣта нашихъ соперничающихъ домовъ... Одна походитъ вполне на пурпуръ его крови; другая изображается, я вижу, его блѣдными щеками... Пусть увидетъ одна изъ этихъ розъ и расцвѣтетъ другая! Если-же онѣ будутъ продолжать споръ, тысячи жизней увянутъ!

Сынъ. Какъ отнесется ко мнѣ мать за смерть отца: не утѣшится она никогда!

Отецъ. Какое море слезъ прольетъ моя жена, узнавъ объ убійствѣ сына: не утѣшится она никогда!

Король Генрихъ. Какъ все эти скорбныя дѣла должны озлобить противъ короля страну: не утѣшится и она!

Сынъ. Скорбѣлъ-ли когда сынъ такъ о смерти отца?

Отецъ. Оплакивалъ-ли когда такъ отецъ своего сына?

Король Генрихъ. Огорчался-ли когда такъ король печалью своихъ подданныхъ?

Велика ваша скорбь; моя въ тысячу разъ болѣе.

Сынъ. Унесу тебя туда, гдѣ могу выплакаться вволю (*Уходитъ, унося трупъ*).

Отецъ. Мои руки будутъ тебѣ саваномъ; мое сердце, милый мальчикъ, будетъ твоею могилой, потому-что не исчезнетъ изъ него никогда твой обликъ. Моя выдыхающая грудь будетъ твоимъ похороннымъ колоколомъ, и такъ могильно-грустенъ будетъ твой отецъ, такъ скорбенъ, потерявъ тебя, при немѣнии другого, какъ былъ Приамъ, утративъ всехъ своихъ доблестныхъ сыновей. Я унесу тебя отсюда, и пусть они дерутся сколько хотятъ: я умертвилъ, гдѣ не слѣдовало убивать (*Уходитъ, унося трупъ*).

Король Генрихъ. Скорбные люди, обремененные печалью, здѣсь сидитъ король, болѣе грустный, нежели вы!

Тревога. Движеніе войскъ. Входятъ: королева Маргарита, принцъ Уэльскій, Экзэртэръ.

Принцъ. Бѣги, отецъ, бѣги! Все наши сторонники бѣжали; Уорикъ неистовствуетъ, какъ разъяренный быкъ. Прочь отсюда! За нами гонится смерть!

Королева Маргарита. На коня, милордъ, и спѣшите во всю прыть къ Бэрвику. Эдуардъ и Ричардъ, подобно сворѣ борзыхъ, завидѣвшихъ бѣгущаго, испуганнаго зайца, уже настигаютъ насъ, звѣрски сверкая злобнымъ взглядомъ и съ окровавленною сталью въ рукахъ... И потому скорѣй отсюда!

Экзэртэръ. Бѣжимъ, такъ-какъ съ ними мечь... Нѣтъ, не останавливайтесь для разъясненій... Спѣшите... Или послѣдуйте за мною, я бѣгу впередъ.

Король Генрихъ. Нѣтъ, возьми меня съ собою, милый Экзэртэръ; не то, чтобы я боялся остаться здѣсь, но я радъ идти туда, куда желаетъ королева. Впередъ! Идемъ! (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

То-же мѣсто.

Громкій барабанный бой. Входитъ раненый Клиффордъ.

Клиффордъ. Здѣсь догоритъ моя свѣча, здѣсь угаснетъ она, свѣтившая королю Генриху, пока горѣла. О, Ланкастеръ, боюсь твоего низверженія болѣе, нежели разлученія моей души съ тѣломъ. Моя любовь и страхъ приманивали къ тебѣ многихъ друзей, но, когда я паду, эта тягучая смѣсь растаетъ. Покидая Генриха, они подкрѣпятъ

наглаго Йорка;—низкіе люди роятся, какъ какъ лѣтнія мухи, и куда летятъ комары, какъ не къ солнцу? А кто свѣтитъ теперь, какъ не враги Генриха? О, Фебъ! если-бы ты не допустилъ Фаэтона править твоими борзыми конями, твоя палящая колесница никогда не обожгла бы земли; и если-бы ты, Генрихъ, велъ себя какъ пристойно королю, или какъ велъ себя твой отецъ и его отецъ, не уступавшіе почвы дому Йорка, онъ никогда не размножился бы подобно лѣтнимъ мухамъ, и я, и десятки тысячъ въ этомъ несчастномъ королевствѣ не оставили бы вдовъ, оплакивающихъ нашу смерть, а ты хранилъ бы еще сегодня мирно свой престолъ. Не благораствореніе-ли воздуха благоприятствуетъ плевеламъ? Не излишняя-ли снисходительность придаетъ смѣлости разбойникамъ?... Напрасны мои жалобы и неисклѣпимы мои раны; нѣтъ мнѣ пути для побѣга и нѣтъ силы совершить побѣгъ. Враги безжалостны и не пощадятъ меня, потому что я и не заслуживаю съ ихъ стороны пощадъ. Воздухъ проникъ въ мои раны, и я слабѣю отъ потери крови... Идите, Йоркъ и Ричардъ, и Уорикъ, и всѣ другіе... Я поразилъ нѣдра вашихъ отцовъ, проколите мою грудь (*Личается чувствъ*).

Тревога и отбой. Входятъ: Эдуардъ, Джорджъ, Ричардъ, Монтегю, Уорикъ и солдаты.

Эдуардъ. Передохнемъ, милорды. Удача позволяетъ намъ остановиться и смѣнить боевую угрюмость на мирный видъ. Нѣсколько отрядовъ преслѣдуютъ кровожадную королеву, которая руководитъ смиреннымъ Генрихомъ, хотя онъ и король; такъ парусъ, вздутый бурнымъ вѣтромъ, заставляетъ кучеческое судно идти противъ течения. Но какъ выдумаете, лорды, бѣжалъ-ли Клиффордъ съ ними?

Уорикъ. Нѣтъ, невозможно, чтобы онъ успѣлъ уйти, потому что вашъ братъ Ричардъ, высказывая это въ его присутствіи, отмѣнилъ его для могилы; итакъ, гдѣ бы онъ ни былъ, навѣрное онъ умеръ (*Клиффордъ стонетъ и умираетъ*).

Эдуардъ. Чья это душа такъ тягостно отходить?

Ричардъ. Это предсмертный стонъ, какъ при переходѣ жизни къ смерти.

Эдуардъ. Взгляни, кто это; и теперь, когда битва уже кончилась, будь это другъ или врагъ, пусть съ нимъ обойдется милостиво.

Ричардъ. Отмѣни этотъ милосердый приговоръ, потому что это Клиффордъ, который, не удовлетворяясь тѣмъ, что онъ отсѣкъ вѣтвь, срѣзавъ Ретлэнда, когда его листва едва начинала распускаться, всадилъ свой убійственный ножъ въ самый

корень, изъ котораго красиво выростала этотъ нѣжный отпрыскъ... Я разумѣю нашего августѣйшаго отца, герцога Йорка.

Уорикъ. Снимите съ воротъ йоркскихъ голову вашего отца, поставленную на нихъ Клиффордомъ, и пусть его голова займетъ это мѣсто: отвѣтить надо мѣрою за мѣру!

Эдуардъ. Поднесите сюда этого зловѣщаго для нашего дома филлина, выкрикивавшего лишь смерть намъ и нашимъ. Теперь она прервала его ужасный, угрожающій голосъ; его языкъ, вѣщающій бѣды, не заговоритъ болѣе (*Слуги переносятъ тѣло впередъ*).

Уорикъ. Я думаю, что онъ лишенъ способности понимать... Говори, Клиффордъ: узнаешь-ли ты, кто говоритъ съ тобою?.. Нѣтъ, мрачная, туманная смерть затмила лучъ его жизни; не можетъ онъ ни видѣть насъ, ни слышать, что мы говоримъ.

Ричардъ. О, еслибъ могъ! Да, можетъ быть, и можетъ: ему разсчитать, вѣдь, притворяться для того, чтобы избѣжать горькаго издѣательства, подобнаго тому, которому онъ подвергъ нашего отца въ его смертный часъ.

Джорджъ. Если ты такъ думаешь, то подразни его злыми словами.

Ричардъ. Клиффордъ, проси помилованія и не получи пощадъ!

Эдуардъ. Клиффордъ, кайся съ безплоднымъ раскаяніемъ!

Уорикъ. Клиффордъ, придумай извиненія своимъ проступкамъ!..

Джорджъ. А мы, пока, придумаемъ ужасныя муки тебѣ за твои проступки.

Ричардъ. Ты любилъ Йорка, а я сынъ Йорка.

Эдуардъ. Ты скалился надъ Ретлэндомъ,—я скажусь надъ тобою.

Джорджъ. Гдѣ-же капитанъ Маргарита, чтобы защитить васъ?

Уорикъ. Они смѣются надъ тобою, Клиффордъ! Ругайся же по своему обыкновению.

Ричардъ. Какъ! Ни одного ругательства? Знать плохи дѣла на свѣтѣ, если у Клиффорда нѣтъ въ запасѣ хоть одного проклятія для своихъ друзей. Изъ этого можно догадаться, что онъ мертвъ... Клянусь душою, если-бы цѣною моей правой руки я могъ купить ему два часа жизни, въ которые я насмѣялся-бы надъ нимъ вволю, вотъ эта рука отрубилась-бы ту... И брызгнувшая кровь задушила-бы мерзавца, ненасытная жажда котораго не утолилась Йоркомъ и юнымъ Ретлэндомъ.

Уорикъ. Но умеръ онъ: отрубимъ ему голову и поставимъ ее туда, гдѣ стояла голова вашего отца. А теперь къ Лондону торжественнымъ походомъ, чтобы короно-

ваться тамъ королемъ Англіи! Оттуда Уорикъ переплыветъ во Францію черезъ море и попроситъ леди Бонну тебѣ въ супруги. Ты свяжешь тѣмъ обѣ страны и, заключивъ дружбу съ Франціей, не будешь бояться своихъ разсѣянныхъ враговъ, еще надѣющихся возстать. И хотя они не могутъ укусить довольно больно, ты не давай имъ ворчать и оскорблять твоего слуха. Сначала я хочу увидѣть твое коронованіе, а потомъ отправлюсь моремъ въ Бретань, чтобы заключить этотъ бракъ, если такъ угодно моему государю.

Эдуардъ. Какъ ты хочешь, любезный Уорикъ, пусть такъ и будетъ: на твоихъ

плечахъ утверждаю я свой престоль и никогда не предприму ничего, если не станеть на то твоего совѣта и согласія. Ричардъ произвожу тебя въ герцоги Глостэръ; Джорджа—въ герцоги Кларенсъ. А Уорикъ, какъ мы сами, можетъ вязать и рѣшать, по своему произволу.

Ричардъ. Позвольте мнѣ лучше быть герцогомъ Кларенсъ, а Джорджу—герцогомъ Глостэръ. Герцогство Глостэръ слишкомъ роковое.

Уорикъ. Ну, это замѣчанье вздорное. Ричардъ, ты будешь герцогомъ Глостэръ. А теперь мы въ Лондонъ, гдѣ вступимъ въ обладаніе этихъ почестей (*Уходятъ*).

Дѣйствіе третье.

СЦЕНА I.

Охота на сѣверъ Англіи.

Входятъ: два сторожа съ самострѣлами въ рукахъ.

1-й сторожъ. Укроемся подъ этимъ густымъ кустарникомъ; черезъ эту поляну скоро пройдутъ олени; мы, спрятавшись въ этой чащѣ, наѣдимъ главнаго изъ всего стада.

2-й сторожъ. Я стану на холмѣ, тогда мы можемъ стрѣлять оба.

1-й сторожъ. Нельзя; звукъ твоего самострѣла спугнетъ все стадо, и тогда мой выстрѣлъ пропадетъ. Станемъ здѣсь и прицѣлимся въ лучшаго, а для того, чтобы время не показалось тебѣ скучнымъ, я расскажу тебѣ, что случилось со мною однажды, на этомъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы стоимъ.

2-й сторожъ. Кто-то идетъ, обожди, пока онъ удалится.

Входитъ король Генрихъ, передѣтый, съ молитвенникомъ.

Король Генрихъ. Я бѣжалъ изъ Шотландіи, изъ одной любви къ моей странѣ, изъ желанія привѣтствовать ее моимъ сочувственнымъ взоромъ. Нѣтъ, Гарри, Гарри, это не твоя страна; твое мѣсто занято, твой скипетръ вырванъ у тебя, смыто то муро, которымъ ты былъ помазанъ. Никто колѣнопреклоненный не назоветъ тебя кесаремъ, никакой смиренный проситель не взмолится къ тебѣ о правосудіи; нѣтъ, никто не обратится къ твоей защитѣ, потому-

что могу-ли я помогать другимъ, не умѣя помочь себѣ?

1-й сторожъ. А, вотъ такъ дичь, шкура которой доставитъ сторожу награду! Это бывший король. Схватимъ его!

Король Генрихъ. Приму въ объятія я горькое злосчастье; говорятъ-же мудрецы, что это самый умный способъ.

2-й сторожъ. Чего мы ждемъ? Задержимъ его.

1-й сторожъ. Повремени еще; послушаемъ немного.

Король Генрихъ. Моя супруга и мой сынъ отправились во Францію за помощью, но, какъ я слышалъ, великій, всевластный Уорикъ поѣхалъ туда-же просить сестру короля въ жены Эдуарду. Если эти вѣсти справедливы, ваши труды напрасны, бѣдныя королева и сынъ мой, потому-что Уорикъ ловкій ораторъ, а Людовикъ такой принцъ, котораго легко тронуть трогательными словами. Но, въ этомъ отношеніи, Маргарита можетъ тоже склонить его, потому что это женщина, весьма заслуживающая состраданія. Ея вздохи сдѣлаютъ проломъ въ его груди, ея слезы пробьютъ и каменное сердце; тигръ присмирѣетъ при ея скорби, и Неронъ замучится раскаяніемъ, услыша ея жалобы, увидя ея соленныя слезы. Но, увы! она пришла просить, а Уорикъ — дать; она будетъ, слѣва, умолять о помощи для Генриха; онъ, справа, просить супруги Эдуарду. Она заплачетъ, скажетъ: ея Генрихъ низложенъ; онъ улыбнется, скажетъ: его Эдуардъ водворенъ. Она, бѣдняжка, не можетъ болѣе и молвить съ горя; между тѣмъ Уорикъ указываетъ на титулъ Эдуарда, смягчаетъ все худое, приводитъ

доводы великой важности и, въ заключеніе, отвлекаетъ короля отъ нея, съ общаніемъ его сестры и всего прочаго, что можетъ укрѣпить и поддержать положеніе короля Эдуарда. О, Маргарита, такъ оно будетъ, и ты, бѣдная душа, будешь позабыта, бывъ безпомощною, когда явилась.

2-й сторожъ. Скажи, кто ты, толкующій о короляхъ и королевахъ?

Король Генрихъ. Я болѣе того, чѣмъ я кажусь, и менѣе того, чѣмъ я рожденъ. Во всякомъ случаѣ, я человѣкъ, по тому что менѣе этого я уже быть не могу; а людямъ позволительно говорить о короляхъ; отчего же нельзя и мнѣ?

2-й сторожъ. Да говоришь ты, словно бы и самъ былъ королемъ.

Король Генрихъ. Таковъ я мысленно, и этого довольно.

2-й сторожъ. Но если ты король, гдѣ твоя корона?

Король Генрихъ. Корона въ моемъ сердцѣ, а не на словѣ; она не покрыта алмазами и индѣйскими камнями; она невидима; зовутъ мою корону: довольство. Эта корона, которой рѣдко пользуются короли!

2-й сторожъ. Ну, если ты король, увѣнчанный довольствомъ, и твоя корона—довольство, то ты долженъ быть доволенъ и тѣмъ, чтобы съ нами прйтись... Намъ сдается, вы тотъ король, котораго изложилъ король Эдуардъ; а мы, какъ его подданные, присягнувшіе ему на вѣрность, должны задержать васъ, какъ его врага.

Король Генрихъ. А вамъ не случилось присягать и нарушать клятву?

2-й сторожъ. Нѣтъ, такой клятвы никогда не было, и теперь этого не будетъ.

Король Генрихъ. Гдѣ-же были вы, когда я былъ англійскимъ королемъ?

2-й сторожъ. Здѣсь, въ этой же сторонѣ, гдѣ живемъ и теперь.

Король Генрихъ. Я былъ помазанъ въ корони въ девятимѣсячномъ возрастѣ; мой отецъ и дѣдъ были королями; и вы влялись въ вѣрнопопданствѣ мнѣ. Скажите же, не нарушали вы присяги?

1-й сторожъ. Нѣтъ, потому что мы были подданными вамъ, пока лишь вы были королемъ.

Король Генрихъ. А развѣ умеръ я? Не дышу я еще по человѣчески? О, простаки, вы не знаете даже, въ чемъ клянетесь! Смотрите, какъ я сдуваю это перо съ своего лица, и какъ воздухъ вѣетъ его ко мнѣ обратно, и какъ оно повинуется моему дуновенію, когда дую я, и уступаетъ тому, когда вѣетъ онъ,—такова и легковѣсность простого народа. Но не нарушайте своей присяги; моя смиренная просьба не должна сдѣлать васъ повинными въ этомъ грѣхѣ.

Идите, куда хотите; королю приходится подчиняться; будьте королями вы, я слушаю васъ.

1-й сторожъ. Мы вѣрнопопданые короля,—короля Эдуарда.

Король Генрихъ. И станете такимъ же у Генриха, сядь онъ на мѣсто Эдуарда.

1-й сторожъ. Именемъ Бога и короля, мы приказываемъ вамъ идти съ нами къ приставамъ.

Король Генрихъ. Ведите, во имя Бога! Имя вашего короля—да будетъ уважено! И что, по Божьей волѣ, совершить вашъ король, тому я подчинюсь покорно (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

(*Входятъ: король Эдуардъ, Глостэръ, Кларенсъ и лэди Грэй.*)

Король Эдуардъ. Братъ Глостэръ, при сентъ-олбэнской битвѣ супругъ этой лэди, сэръ Джонъ Грэй, былъ убитъ и его помѣстьями завладѣлъ побѣдитель. Она проситъ теперь о возвращеніи ей этихъ земель, въ чемъ мы, по справедливости, и не можемъ ей отказать, потому что этотъ достойный джентльменъ утратилъ жизнь въ борьбѣ за домъ Йорка.

Глостэръ. Ваше величество сдѣлаете хорошо, уваживъ ея просьбу. Было бы безчестно отказать ей въ этомъ.

Король Эдуардъ. Такъ именно; однако, подождемъ.

Глостэръ (*въ сторону*). Вотъ что! Я вижу, что этой лэди придется выполнить кое-что, прежде чѣмъ роль выполнить ея просьбу.

Кларенсъ (*въ сторону*). Онъ умѣетъ выслѣдить дичь, какой у него нюхъ!

Глостэръ (*въ сторону*). Молчи!

Король Эдуардъ. Вдовица, мы рассмотримъ вашу просьбу; явится въ другой разъ, чтобы узнать ваше рѣшеніе.

Лэди Грэй. Всемиловитѣйшій государь, я не могу терпѣть отсрочки; пусть соблаговолитъ ваше величество порѣшнить со мной тотчасъ, и какова ни будетъ ваша воля, я буду ею довольна.

Глостэръ (*въ сторону*). Ну, вдова, я ручаюсь за всѣ твои земли, если только то, что ему правится, понравится и тебѣ. Держись крѣпче, не то, боюсь, достанется тебѣ ударъ.

Кларенсъ (*въ сторону*). Ей нечего бояться, развѣ что она упадетъ.

Глостэръ (*въ сторону*). Избави Богъ! Онъ воспользуется тогда этимъ.

Король Эдуардъ. Сколько у тебя дѣтей, скажи, вдовица?

Кларэнсъ (*въ сторону*). Мнѣ кажется, онъ хочетъ потребовать у нея ребенка?

Глостэръ (*въ сторону*). Нѣтъ, хоть высѣки меня; онъ хочетъ лучше подарить ей двухъ.

Лэди Грэй. У меня ихъ трое, всемилоостивѣйшій государь.

Глостэръ (*въ сторону*). И будетъ четверо, если ему подчиниться.

Король Эдуардъ. Жаль будетъ, если они лишатся отцовскихъ помѣстій.

Лэди Грэй. Такъ будьте милостивы, грозный владыка, и даруйте ихъ имъ.

Король Эдуардъ. Милорды, оставьте насъ; я хочу испытать находчивость этой вдовы.

Глостэръ. О, оставляемъ тебя на свободѣ, и будешь ты свободенъ, пока молодость не простится съ тобой, предоставивъ тебя костылями (*Глостэръ и Кларэнсъ отходятъ въ сторону*).

Король Эдуардъ. Теперь, скажите мнѣ, сударыня, любите-ли вы своихъ дѣтей?

Лэди Грэй. О, такъ-же сильно, какъ самое себя.

Король Эдуардъ. И не готовы-ли вы сдѣлать многое для ихъ добра?

Лэди Грэй. Ради ихъ добра, я перенесу всякое зло.

Король Эдуардъ. Такъ добудьте имъ, ради ихъ добра, помѣстья вашего мужа.

Лэди Грэй. Я для того и явилась къ вашему величеству.

Король Эдуардъ. Я скажу вамъ, какъ добыть эти земли.

Лэди Грэй. Вы сдѣлаете меня тѣмъ на вѣкъ слугой вашего величества.

Король Эдуардъ. А какую услугу окажете вы мнѣ, если дарую ихъ?

Лэди Грэй. Какую вы прикажете, если только я въ состояннн ея оказать.

Король Эдуардъ. Но вы станете отговариваться, узнавъ о дарѣ мнѣ.

Лэди Грэй. Нѣтъ, свѣтлѣйшій государь, развѣ что я не могу этого исполнить.

Король Эдуардъ. О, ты можешь исполнить то, о чемъ я хочу просить.

Лэди Грэй. Въ такомъ случаѣ, я сдѣлаю то, что прикажетъ ваша милость.

Глостэръ (*въ сторону*). Онъ напираетъ крѣпко, а сильные дожди пробиваютъ и мраморъ.

Кларэнсъ (*въ сторону*). Онъ красенъ, какъ огонь! Ея воску нельзя не растаять.

Лэди Грэй. Почему вы остановились, государь? Не слѣдуетъ-ли мнѣ узнать мою задачу?

Король Эдуардъ. Задача легкая: полюбить короля.

Лэди Грэй. И исполнить ее тѣмъ легче, что я подданная.

Король Эдуардъ. Если такъ, я охотно возвращаю тебѣ помѣстья твоего мужа.

Лэди Грэй. Я откланиваюсь съ тысячью благодарностей.

Глостэръ. Торгъ заключенъ, она поднесываетъ его своимъ поклономъ.

Король Эдуардъ. Нѣтъ, ты постой: я разумѣю дары любви.

Лэди Грэй. И я разумѣю дары любви, мой милостивый властитель.

Король Эдуардъ. Но я боюсь, что въ другомъ смыслѣ. Какую любовь, думаешь ты, я жажду такъ приобрѣсти?

Лэди Грэй. Мою любовь по смерти, мою смиренную признательность, мои молитвы, — ту любовь, которой требуетъ добродѣтель и которую добродѣтель даруетъ.

Король Эдуардъ. Нѣтъ, клянусь, я разумѣю другую любовь.

Лэди Грэй. Такъ вы разумѣете не то, что я думала!

Король Эдуардъ. Но теперь вы можете угадывать отчасти мою мысль.

Лэди Грэй. Я никогда не соглашусь на то, чего, повидимому, добивается ваше величество.

Король Эдуардъ. Говоря прямо, я желалъ-бы спать съ тобой.

Лэди Грэй. Говоря прямо, я желала бы лучше спать въ тюрьмѣ.

Король Эдуардъ. Такъ не получишь же ты мужнинныхъ помѣстій.

Лэди Грэй. Пусть будетъ вдовимъ достоинствемъ мнѣ честь; я не хочу купить ихъ ея цѣною.

Король Эдуардъ. Но ты причиняешь этимъ большой вредъ своимъ дѣтямъ.

Лэди Грэй. А ваше величество вредите тѣмъ и имъ, и мнѣ. Но, могущественный государь, это шутовское увлеченiе не выжется съ важностью моего ходатайства. Прошу васъ, отпустите меня съ „да“ или „нѣтъ“.

Король Эдуардъ. „Да“, если ты скажешь „да“ на мою просьбу. „Нѣтъ“, если скажешь „нѣтъ“ на то, что я прошу.

Лэди Грэй. Въ такомъ случаѣ: „нѣтъ“, государь. Мое ходатайство окончено.

Глостэръ (*въ сторону*). Не нравится онъ вдовѣ; она хмуритъ лобъ.

Кларэнсъ (*въ сторону*). Онъ самый неумѣлый любовникъ во всемъ христіанствѣ.

Король Эдуардъ (*съ стороны*). Ея обращеніе доказываетъ, что она преисполнена скромности; ея рѣчи обнаруживаютъ несравненный умъ. Всѣ ея совершенства заслуживаютъ власти. Такъ или иначе, она стоитъ королю. Она должна быть или моею любовницей, или супругой. — Скажи, что если король Эдуардъ возьметъ тебя въ королевы?

Лэди Грэй. Это легче сказать, нежели сдѣлать, всемилостивѣйшій государь. Я подданная, годная въ предметы шутки, но не гожеу я въ государыни.

Король Эдуардъ. Прелестная вдова, клянусь своимъ саномъ, я говорю лишь то, что у меня на душѣ, а именно, что я хочу обладать тобою, какъ возлюбленной.

Лэди Грэй. И это болѣе того, что я могу дать: я слишкомъ ничтожна, чтобы быть вашей супругой, но слишкомъ цѣнна, чтобы стать вашею наложницей.

Король Эдуардъ. Вы толкуете вкривь, вдова. Я разумѣлъ: быть королевой.

Лэди Грэй. Вашей милости будетъ неприятно, если мой сынъ назоветъ васъ отцомъ.

Король Эдуардъ. Не болѣе, чѣмъ если мои дочери назовутъ тебя матерью. Ты вдова и имѣешь нѣсколько дѣтей; а я, именемъ Божіей Матери, хотя и холостъ, но имѣю своихъ тоже. Что же, вѣдь это счастье быть отцомъ многихъ сыновей! Не возражай болѣе, ты будешь моею супругой.

Глостэръ (*съ стороны*). Духовный отецъ покончилъ съ исповѣдью.

Кларенсъ (*съ стороны*). Онъ сдѣлался духовникомъ ради перемѣны.

Король Эдуардъ. Братья, вы желали-бы знать, о чемъ шель у насъ разговоръ?

Глостэръ. Вдовѣ онъ не понравился; что-то она очень грустна.

Король Эдуардъ. Вамъ покажется страннымъ, если я ее обвиняю...

Кларенсъ. Съ кѣмъ, милордъ?

Король Эдуардъ. Со мною, Кларенсъ.

Глостэръ. Это будетъ дивомъ, дней на десять, по крайней мѣрѣ.

Кларенсъ. На день больше, чѣмъ продолжаются сами дивы.

Глостэръ. За этотъ срокъ диво уже покончится.

Король Эдуардъ. Ладно, шутите,

братья. Я могу сообщить вамъ обоимъ, что ея просьба уважена относительно помѣстій ея мужа.

Входитъ дворянинъ.

Дворянинъ. Всемилоствѣйшій государь, вашъ непріятель, Генрихъ, взятъ и приведенъ, какъ плѣнникъ, ко входу въ вашъ дворецъ.

Король Эдуардъ. Препроводите его въ Тоуэръ. Мы, братья, пойдемъ къ тому, кто его поймалъ, чтобы разспросить, какъ его взяли. Вы, лэди, пойдите съ нами; лорды, оказывайте ей почтенье! (*Уходятъ: король Эдуардъ, лэди Грэй, Кларенсъ и лордъ*).

Глостэръ. А, Эдуардъ хочетъ быть почтительнымъ съ женщинами! Хотѣлось бы мнѣ, чтобы онъ истощилъ себѣ и мозгъ, и кости, и все такъ, чтобы изъ его чресель не могла бы возникнуть ни одна надежная вѣтвь, для загражденія мнѣ того золотого

времени, о которомъ я мечтаю! Но между задушевнымъ моимъ желаніемъ и мною (будь уже схоронены всѣ права распутнаго Эдуарда) есть еще Кларенсъ, Генрихъ и его молодой сынъ Эдуардъ и все еще непредвидѣнное потомство отъ ихъ тѣлесъ; они займутъ мѣста, прежде чѣмъ я успѣю это сдѣлать... Соображеніе, охлаждающее мои планы! Что-же мнѣ приходится только грезить о престолѣ, подобно тому, кто, стоя на мысѣ и глядя на отдаленный берегъ, на который ему хотѣлось бы ступить, желаетъ, чтобы его шагъ былъ равносильнъ его глазу; онъ клянеть море, отдѣляющее его оттуда, и говоритъ, что иссушить его съ цѣлью проложить себѣ дорогу. Такъ жажду я короны, будучи столь далекимъ отъ нея; такъ кляню тѣ препятствія, которыя насъ раздѣляютъ, и такъ я говорю, что уничтожу эти причины, такъ обольщаю себя несбыточностью! Слишкомъ быстръ мой взоръ, слишкомъ заносчиво мое сердце,—развѣ что моя рука и мужество поравняются съ ними. Но если, положимъ, нѣтъ королевства для Ричарда, то какую другую радость можетъ предоставить ему міръ? Могу я найти небо на груди женщины, покрыть свой станъ блестящими украшениями и очаровывать красивыхъ женщинъ моими рѣчами и наружностью?... О, жалкая мысль! И болѣе несбыточная, чѣмъ достиженіе двадцати золотыхъ королей! Любовь прокляла меня еще въ утробѣ матери и для того, чтобы я не пользовался ея нѣжными законами, она подкупила слабую природу какой то подачкой, съ тѣмъ, чтобы та свела мнѣ руку, какъ завялый кустъ, нагромоздила бы гору на моей спинѣ, гдѣ усѣлось уродство, обращающее въ пемѣшище мое тѣло, выкромляла-бы мнѣ ноги неравной длины, сдѣлала бы меня несоразмѣрнымъ во всѣхъ частяхъ, чѣмъ-то вродѣ хаоса или необлизаннаго медвѣженка, ничѣмъ не похожаго на мать. Такой ли я человекъ, чтобы меня полюбить? О, чудовищное заблужденіе даже питать такую мысль! Но если этотъ міръ не предоставляетъ мнѣ другой радости, кромѣ того, чтобы повелѣвать, смирать, господствовать надъ тѣми, кто красивѣе меня, то моимъ блаженствомъ будутъ мечты о коронѣ, и во всю мою жизнь нашъ міръ будетъ казаться мнѣ адомъ, до той поры, пока мое безобразное туловище, на которомъ насажена эта голова, не будетъ увѣнчано блестящею короной. Но все же я не знаю, какъ добыть эту корону: много жизней стоять между мною и этой цѣлью, а я подобенъ тому, кто, заблудясь въ тернистомъ лѣсу, обрываетъ иголки, но самъ изорванъ ими, ищетъ дороги и удаляется отъ нея,

не знаетъ, какъ выбиться на просторъ и отчаянно старается найти выходъ; такъ мучусь я, чтобы захватить англійскую корону; но я избавлюсь отъ этой муки, прорубивъ себѣ путь кровавымъ топоромъ. Что же, я могу улыбаться и убивать съ улыбкой; могу выражать удовольствіе, когда что либо удручаетъ мнѣ сердце; могу орошать свои щеки поддѣльными слезами и прилаживать свое лицо ко всякимъ обстоятельствамъ. Я утоплю болѣе мореходовъ, чѣмъ то дѣлали сирены, я убью болѣе смотрящихъ на меня, нежели василискъ, я сумѣю быть ораторомъ не хуже Нестора, обману хитрѣе, нежели то могъ Улиссъ; подобно Синону, возьму другую Троию, перещегоолю цвѣтами самого хамелеона, одержу верхъ надъ Протеемъ въ перемѣнѣ обличья, и самъ кроваваждный Макиавель будетъ школьникомъ передо мной. Я могу сдѣлать все это—и мнѣ не добыть короны? Да! Будь она еще далѣе отъ меня, я ее сорву! (*Уходитъ*).

СЦЕНА III.

Франція. Комната во дворцѣ.

Музыка. Входятъ: французскій король Людовикъ и его сестра Бонна со свитой. Король садится на тронъ, тогда входятъ: королева Маргарита, ея сынъ принцъ Эдуардъ и графъ Оксфордъ.

Король Людовикъ. (*вставая*). Прекрасная англійская королева, достоуважаемая Маргарита, садись со мною; неприлично тебѣ, по сану твоему и рожденію, стоять, когда сидитъ Людовикъ.

Королева Маргарита. Нѣтъ, могущественный французскій государь, теперь уже Маргарита должна опустить свой флагъ и научиться подчиняться тамъ, гдѣ повелѣваютъ короли. Сознаюсь, я была великой королевой Альбіона въ былые, золотые дни; но теперь злосчастіе похитило мой титулъ и повергло меня ницъ съ позоромъ. Я должна, поэтому, занимать мѣсто, подобающее моему состоянію, и соображаться съ этимъ смиреннымъ мѣстомъ.

Король Людовикъ. Но, скажи, прекрасная королева, откуда происходитъ такое глубокое отчаяніе?

Королева Маргарита. Оно происходитъ отъ причины, которая наполняетъ слезами мои глаза и останавливаетъ мой языкъ, затопляя горемъ мое сердце.

Король Людовикъ (*сажая ея возлѣ себя*). Но, что бы это ни было, ты останешься собою и сидишь со мною рядомъ.

Не склоняй шею подъ ярмо фортуны, но пусть твой неустранимый духъ переступить побѣдоносно черезъ всѣ неудачи. Говори прямо, королева Маргарита, и позвѣдай свое горе; оно будетъ облегчено тебѣ, если только Франція можетъ оказать помощь.

Королева Маргарита. Эти милостивыя слова оживляютъ мой упавшій духъ и позволяютъ заговорить моему языку, скванному горемъ. Да будетъ же извѣстно благородному Людовику, что Генрихъ, единственно владѣющій моею любовью, изъ короля сталъ изгнанникомъ и принужденъ жить покинутымъ въ Шотландіи, въ то время, какъ надменный и честолюбивый Эдуардъ, герцогъ Йоркскій, завладѣлъ королевскимъ титуломъ и престоломъ англійскаго законнаго, дѣйствительно помазаннаго короля. Вотъ причина, по которой я, бѣдная Маргарита, пришла, вмѣстѣ съ моимъ сыномъ, принцемъ Эдуардомъ, наследникомъ Генриха, просить твоей справедливой и законной защиты. И если ты за насъ не вступишься, вся наша надежда пропала: Шотландія готова намъ помочь, но того не можетъ; наши пары и народъ созрѣли; наша казна захвачена, наши солдаты обращены въ бѣгство, и сами мы, какъ видишь, въ тяжеломъ положеніи.

Король Людовикъ. Славная королева, перенеси терпѣливо эту бурю, пока мы обсудимъ средство къ ея прекращенію.

Королева Маргарита. Но чѣмъ мы болѣе ждемъ, тѣмъ сильнѣе становятся наши враги.

Король Людовикъ. Но чѣмъ я болѣе промедлю, тѣмъ лучше помогу тебѣ.

Королева Маргарита. О, нетерпѣніе совмѣстно съ истиннымъ горемъ! И вотъ, смотри, идетъ самъ виновникъ этого горя.

Входитъ Уорикъ со свитою.

Король Людовикъ. Кто это входитъ такъ смѣло въ нашемъ присутствіи?

Королева Маргарита. Это нашъ графъ Уорикъ, величайшій другъ Эдуарда.

Король Людовикъ. Добро пожаловать, храбрый Уорикъ! Что привело тебя во Францію?

Сходитъ съ трона; королева Маргарита встаетъ.

Королева Маргарита. Вотъ поднимается и вторая буря, потому что это тотъ, который повелѣваетъ вѣтрами и теченьемъ.

Уорикъ. Отъ имени досточтимаго Эдуарда, короля Альбіона, моего властителя и государя и твоего преданнаго друга, я явился, чтобы благожелательно и съ непритворною любовью привѣтствовать, во-первыхъ,

твою королевскую особу; затѣмъ, чтобы искать дружескаго союза съ тобою и, наконецъ, ради скрѣпленія этой дружбы супружескими узами, просить тебя соблаговолить на дарованіе добродѣтельной Бонны, твоей прекрасной сестры, въ законныя супруги англійскому королю.

Королева Маргарита. Если это удастся, надежды Генриха погибли!

Уорикъ (*Боннѣ*). И, прекрасная дама, отъ имени моего короля, мнѣ поручено, съ вашего милостиваго позволенія, поцѣловать почтительно вашу руку и выразить вамъ устно всю сердечную страсть моего государя; слава о васъ, проникнувъ въ его сердце черезъ его внимательное ухо, водворила туда ваше изображеніе и ваши добродѣтели.

Королева Маргарита. Король Людовикъ и лэди Бонна, выслушайте меня, прежде нежели отвѣтите Уорикъ. Его просьба вызвана не безкорыстною, честною любовью Эдуарда, но хитростью, проистекающею изъ нужды. Можно ли тиранамъ безопасно править дома, если они не приобретутъ внѣшнихъ важныхъ союзовъ? Что онъ тиранъ, на то достаточно одного доказательства: вѣдь Генрихъ живъ. Но если бы онъ умеръ, такъ здѣсь стоитъ принцъ Эдуардъ, сынъ Генриха-короля. Смотри, Людовикъ, какъ бы тебѣ не навлечь на себя позора и опасности этимъ союзомъ и бракомъ! Хотя похитителямъ и удастся временно пользоваться властью, но небо справедливо и подавляетъ зло со временемъ.

Уорикъ. Дерзкая Маргарита!

Принцъ. И почему не „королева“?

Уорикъ. Потому что твой отецъ былъ похитителемъ, и ты столько же не принцъ, какъ она не королева.

Оксфордъ. Слѣдовательно, Уорикъ во все отмѣняетъ великаго Джона Гаунта, покорившаго большую часть Испаніи, а послѣ Джона Гаунта,—Генриха Четвертаго, мудрость котораго была зеркаломъ для самыхъ мудрыхъ, и далѣе, за этимъ мудрымъ государемъ, Генриха Пятаго, покорившаго своею храбростью Францію. Нашъ Генрихъ происходитъ по прямой линіи отъ нихъ.

Уорикъ. Оксфордъ, какъ же это, въ своей сладкой рѣчи, ты не упомянулъ, что Генрихъ Шестой потерялъ все, приобретенное Генрихомъ Пятымъ? Мнѣ кажется, что предстоящіе здѣсь пары Франціи должны усмѣхнуться при этомъ. Къ тому же ты говоришь о родословной, всего шестидесяти двухлѣтней; ничтожное время для опредѣленія королевскихъ правъ!

Оксфордъ. А ты, Уорикъ, какъ можешь ты говорить такъ противъ своего государя, которому служилъ тридцать шесть лѣтъ, и не краснѣть въ обличенъе своего предательства?

Уорикъ. А какъ можетъ Оксфордъ, всегда защищавшій правду, пристегивать теперь ложь къ родословной? Стыдись! Покинь Генриха и назови королемъ Эдуарда!

Оксфордъ. Назвать королемъ того, по чьему неправедному приговору былъ казненъ мой старшій братъ, лордъ Обри де Веръ? И, мало того, и мой отецъ, уже наклонивъ его истекавшихъ лѣтъ, когда сама природа подводила его къ вратамъ смерти? Нѣтъ, Уорикъ, нѣтъ; пока жизнь поддерживаетъ эту руку, рука эта будетъ поддерживать ланкастерскій домъ.

Уорикъ. А я за домъ Йорка!

Король Людовикъ. Королева Маргарита, принцъ Эдуардъ и Оксфордъ, благоволите, по нашей просьбѣ, отойти въ сторону, пока я побесѣдую подолбе съ Уорикомъ.

Королева Маргарита. Да не допустить небо, чтобы рѣчи Уорика обольстили его! *(Отходитъ съ принцемъ и Оксфордомъ)*.

Король Людовикъ. Теперь, Уорикъ, скажи ты мнѣ по совѣсти, дѣйствительный ли король вашъ Эдуардъ? Потому что мнѣ не хотѣлось бы соединиться съ нимъ, если онъ незаконно избранъ.

Уорикъ. Ручаюсь за него своимъ добрымъ именемъ и честью.

Король Людовикъ. Но любезенъ-ли онъ народу?

Уорикъ. Тѣмъ болѣе любезенъ, что Генрихъ былъ несчастливъ.

Король Людовикъ. Затѣмъ, оставя всякое притворство, скажи мнѣ по истинѣ о размѣрѣ его любви къ нашей сестрѣ Боннѣ.

Уорикъ. Она такова, какъ приличествуетъ подобному монарху. Я лично слыхивалъ, какъ онъ говорилъ и клялся, что эта его любовь—вѣковѣчное растеніе, потому что корень ея заложенъ въ почвѣ добродѣтели, а листья и плоды озарены свѣтиломъ красоты. Эта любовь чужда ревности, но онъ не перенесетъ презрѣнія, если леди Бонна не утолитъ его страданія.

Король Людовикъ. Сестра, мы слушаемъ теперь твоѣ твердое рѣшеніе.

Бонна. Ваше согласіе или отказъ будутъ моими *(Уорикъ)*. Однако, я сознаюсь, что, еще до этого времени, когда мнѣ случалось слышать о дѣяніяхъ вашего короля, то мой слухъ склонялъ мой разумъ къ пожеланію.

Король Людовикъ. Въ такомъ случаѣ, Уорикъ, моя сестра будетъ дана Эдуарду, и мы опредѣлимъ условія относительно того, что запишетъ король за своей супругой; оно должно быть равносильно ея приданному. Подойди ближе, королева Маргарита, и будь свидѣтельницею того, что Бонна будетъ женою англійскаго короля.

Принцъ. Женою Эдуарда, а не англійскаго короля.

Королева Маргарита. Хитрый Уорикъ! ты задумалъ разстроить этимъ союзомъ мое ходатайство: до твоего прихода король Людовикъ былъ другомъ Генриху.

Король Людовикъ. Такимъ и остаюсь къ нему и къ Маргаритѣ; но если ваши права на корону слабы, какъ то можно предположить по успѣху Эдуарда, то будетъ только справедливо, если я буду освобожденъ отъ подачи вамъ помощи, которую я только что обѣщавъ. Но, тѣмъ не менѣе, вы найдете во мнѣ все то доброжелательство, котораго требуетъ ваше положеніе и которое можно оказать въ положеніи моемъ.

Уорикъ. Генрихъ живетъ спокойно въ Шотландіи; не имѣя тамъ ничего, ему нечего и терять; что касается до васъ, наша бывшая королева, то у васъ есть отецъ, способный васъ поддержать, и вамъ лучше бы беспокоить его, нежели Францію.

Королева Маргарита. Молчать, наглій и безстыжій Уорикъ! Молчать, надменный создатель и рушитель королевъ! Я не уйду, пока мои рѣчи и слезы, полныя правды, не заставятъ короля Людовика узрѣть твои лукавыя замыслы и живую любовь твоего короля: вы оба птицы одного полета! *(Слышится звукъ рога)*.

Король. Уорикъ, это какое-нибудь посланіе къ намъ или къ тебѣ.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ. Милордъ посоль, эти письма къ вамъ отъ брата вашего, маркиза Монтегю. Эти отъ вашего короля къ вашему величеству... *(Маргаритѣ)*. А это, милэди, вамъ... отъ кого, не знаю *(Все читаютъ письма)*.

Оксфордъ. Пріятно мнѣ, что наша прекрасная королева и покровительница улыбается полученнымъ вѣстямъ, а Уорикъ хмурится при своихъ.

Принцъ. Но замѣть, что король топнулъ ногой, точно его обожгло крапивой. Я думаю, все къ лучшему.

Король Людовикъ. Уорикъ, какія тебѣ новости? И ваши, прекрасная королева?

Королева Маргарита. Мои таковы, что наполняютъ мнѣ сердце неожиданною радостью.

Уорикъ. Мои полны печали и разстраиваютъ мнѣ сердце.

Король Людовикъ. Но что-же это? Вашъ король женился на леди Грей и теперь, чтобы загладить свою лживость и вашу, посылаетъ мнѣ письмо съ увѣщаніемъ потерѣть? Такъ-то ищетъ онъ союза съ Франціей? И позволяетъ себѣ оскорблять насъ такимъ способомъ?

Королева Маргарита. Я уже предупредила ваше величество; вотъ доказательство любви Эдуарда и честности Уорика!

Уорикъ. Король Людовикъ, я клянусь здѣсь передъ самымъ небомъ и всей надеждою моею на небесное блаженство, что я неповиненъ въ этомъ преступленіи Эдуарда! Онъ мнѣ болѣе не король, потому что онъ безчестилъ меня... но себя еще болѣе, если можетъ понять свой позоръ. Не забыли ли я, что мой отецъ погибъ безвременно ради дома Йорка? Не оставили ли я безъ вниманія обиды, причиненной моею племянницѣ? Не увѣщивали ли я его королевскою короной? Не лишили ли я Генриха его прирожденнаго права? И за все это, подъ конецъ, я награжденъ стыдомъ? Но стыдъ падетъ только на него, потому что я заслуживаю чести. И чтобы возстановить мою честь, потерянную изъ-за него, я открѣкаюсь отъ него и перехожу къ Генриху. Благодарная королева, забудьте прежнія неудовольствія; съ этихъ поръ я вашъ вѣрный слуга; я отомщу за оскорбленіе леди Бонны и водворю Генриха на его прежнее мѣсто.

Королева Маргарита. Уорикъ, эти слова обращаютъ мою ненависть въ любовь; я прощаю и забываю совершенно все прежніе поступки, радуясь тому, что ты становишься другомъ Генриха.

Уорикъ. Такимъ другомъ, правдивымъ другомъ, что если король Людовикъ благоволитъ снабдить насъ нѣсколькими отрядами избранныхъ солдатъ, то я попытаюсь высадиться съ ними на нашъ берегъ и низложу съ помощью оружія тирана съ его престола. Не его молодой новобрачной помоцъ ему, а что до Кларенса, то, какъ мнѣ пишуть, онъ не прочь отпасть отъ него, за то, что Эдуардъ женился болѣе ради своей блудливой похоти, нежели ради чести, или-же укрѣпленія и безопасности нашей родины.

Бонна. Дорогой братъ, чѣмъ можешь ты лучше отомстить за Бонну, какъ не помощьюъ этой несчастной королевѣ?

Королева Маргарита. Славный король, какъ жить бѣдному Генриху, если ты не спасешь его отъ губительнаго отчаянія?

Бонна. Моя обида составляетъ одно съ обидою этой англійской королевы.

Уорикъ. И моя, прекрасная леди Бонна, соединяется съ вашею.

Король Людовикъ. А моя—и съ ея обидою, и съ твоею, и съ обидою Маргариты. Поэтому, рѣшаю твердо, вы получите помощь.

Королева Маргарита. Позвольте мнѣ теперь-же принести вамъ покорнѣйшую благодарность.

Король Людовикъ. Итакъ, вѣстникъ изъ Англій, возвращайся скорѣе и скажи лживому Эдуарду, твоему предполагаемому королю, что Людовикъ французскій пошлетъ ему риженныхъ, чтобы потѣшить его съ новобрачной. Ты видѣлъ, что здѣсь было; пооди, перепугни тѣмъ своего короля.

Бонна. Скажи ему, что въ надеждѣ на его скорое вдовство, я надѣну ради него траурную гирлянду.

Королева Маргарита. Скажи ему, что я слагаю свои траурныя одежды и готовлюсь облачиться въ доспѣхи.

Уорикъ. Скажи ему отъ меня, что онъ меня оскорбилъ, и за это я низложу его вскорѣ. Вотъ тебѣ плата, иди (*Вѣстникъ уходитъ*).

Король Людовикъ. Вы, Уорикъ съ Оксфордомъ, переплывете море съ пятью тысячами людей и вступите въ бой съ Эдуардомъ, а при первомъ случаѣ эта благородная королева и принцъ послѣдуютъ за вами съ свѣжимъ подкрѣпленіемъ; но прежде чѣмъ пойдемъ, Уорикъ, разрѣши одно мое сомнѣніе: что будетъ намъ залогомъ твоей твердой вѣрности?

Уорикъ. Вотъ что будетъ залогомъ моей неизмѣмой вѣрности: если наша королева и этотъ юный принцъ согласны, то я соединяю съ нимъ тотчасъ-же узамъ супружества мою старшую дочь, мою радость.

Королева Маргарита. Да, я согласна и благодарю за предложеніе. Сынъ мой Эдуардъ! она красива и добродѣтельна, поэтому не медди, подай руку Уорикъ, а вмѣстѣ со своей рукою свою неизмѣнную клятву въ томъ, что только дочь Уорика будетъ твоею.

Принцъ. Да, я согласенъ взять ее, потому что она достойна этого, и вотъ, въ знакъ моей клятвы, моя рука (*Подаетъ руку Уорикъ*).

Король Людовикъ. Что-же мы ждемъ? Надо собрать солдатъ, а ты, мистеръ Бурбонъ, нашъ главный адмиралъ, ты переправишь ихъ на нашемъ королевскомъ флотѣ. Мнѣ такъ желательно, чтобы Эдуардъ палъ въ несчастливой войнѣ за свое шуточное сватовство на французской припесѣ.

Всѣ уходятъ, кромѣ Уорика.

Уорикъ. Я прибылъ сюда посломъ Эдуарда, а возвращусь его заклятымъ, смертельнымъ врагомъ. Онъ возложилъ на меня свадебное порученіе, но отвѣтомъ ему будетъ страшная война. Не было у него никого, чтобы сдѣлать чучеломъ, кромѣ меня?

Но зато и никто не обратитъ такъ его шутки въ горе! Я былъ виновникомъ его возведенія на престолъ, я буду и виновникомъ его низверженія. Не то чтобы я сострадалъ къ несчастью Генриха, я только хочу отмстить за издѣвательство Эдуарда (*Уходитъ*).

Дѣйствіе четвертое.

СЦЕНА I.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: Глостэръ, Кларенсъ, Сомерсетъ, Монтегю и другіе.

Глостэръ. Ну, скажи мнѣ, братъ Кларенсъ, что ты думаешь объ этомъ новомъ бракѣ съ лэди Грэй? Не сдѣлалъ-ли нашъ братъ достойнаго выбора?

Кларенсъ. Увы, ты знаешь, что отсюда до Франціи не близко; какже было ему дожидаться возвращенія Уорика?

Сомерсетъ. Милорды, прекратите такой разговоръ: сюда идетъ король.

Музыка. Входятъ: король Эдуардъ со свитой; лэди Грэй, какъ королева уже; Пемброкъ, Стаффордъ, Гастингсъ и другіе.

Глостэръ. Съ нимъ и его хорошо избранный супруга.

Кларенсъ. Я хочу высказать ему прямо, что думаю.

Король Эдуардъ. Ну, братъ Кларенсъ, какъ нравится вамъ нашъ выборъ? Вы такъ задумчиво стоите, точно не совсемъ довольны?

Кларенсъ. Не больше, чѣмъ Людовикъ французскій или графъ Уорикъ, которые такъ слабы духомъ и разсудкомъ, что не обидятся на наше оскорбленіе.

Король Эдуардъ. Положимъ, что они обидятся безпричинно; но они только Людовикъ и Уорикъ, а я—Эдуардъ, король и вамъ, и Уорикъ и могу имѣть свою волю.

Глостэръ. И воля ваша будетъ, потому что вы король; но слишкомъ поспѣшные браки рѣдко бываютъ удачны.

Король Эдуардъ. И ты обиженъ, братъ Ричардъ?

Глостэръ. О, нѣтъ! Избави Богъ, чтобы я желалъ разлучить, что соединено Богомъ, и притомъ было бы жаль разъединить тѣхъ, что парятся такъ славно.

Король Эдуардъ. Отложи въ сторону все эти насмѣшки и ваше нерасположеніе; скажите мнѣ, почему лэди Грэй не пригодна въ супруги мнѣ и въ королеви Англии? И вы тоже, Сомерсетъ и Монтегю, выскажите свободное ваше мнѣніе.

Кларенсъ. Мое мнѣніе то, что король Людовикъ станетъ вашимъ врагомъ за то, что вы насмѣялись надъ нимъ нашимъ сватовствомъ къ лэди Боннѣ.

Глостэръ. А Уорикъ, исполняя ваше порученіе, обезпеченъ вашимъ новымъ бракомъ.

Король Эдуардъ. Но если мнѣ удастся усмирить и Людовика, и Уорика какимъ либо придуманнымъ мною средствомъ?..

Монтегю. Но все же соединеніе съ Франціею помощью такого союза укрѣпило бы наше государство противъ внѣшнихъ бурь лучше, нежели бракъ, заключенный дома.

Гастингсъ. Развѣ Монтегю не знаетъ, что Англія безопасна сама собой, если она только внутренно вѣрча?

Монтегю. Да, но она еще безопаснѣе, если опирается на Францію.

Гастингсъ. Лучше пользоваться Франціей, нежели довѣрять Франціи. Будемъ опираться только на Господа, да на моря, которые Онъ даровалъ намъ, какъ непреодолимую защиту, и будемъ обороняться лишь

съ этой помощью: наша безопасность содер-
жится въ нихъ и въ насъ самихъ.

Кларенсъ. Одной этой рѣчью лордъ Гастингсъ заслужилъ себѣ наслѣдницу лорда Гунгерфорда.

Король Эдуардъ. Что еще? На то была моя воля, мое согласіе, и въ этотъ разъ моя воля должна быть закономъ.

Глостэръ. И все же, мнѣ кажется, что ваше величество поступили неладно, отдавъ дочь и наслѣдницу лорда Скэлъзъ, брата вашей возлюбленной супруги. Она годилась бы лучше мнѣ или Кларенсу, но вы жертвуете братьями супругѣ.

Кларенсъ. Иначе вы не отдали бы наслѣдницы лорда Бонвиля сыну вашей новой супруги, предоставляя вашимъ братьямъ искать счастья въ другомъ мѣстѣ.

Король Эдуардъ. Увы, бѣдныя Кларенсъ! Ты огорченъ изъ-за супруги? Я найду ее тебѣ.

Кларенсъ. Вы доказали свою разсудительность своимъ выборомъ; вышелъ онъ не важнымъ, и потому, прошу васъ, позвольте мнѣ уже самому быть ходатаемъ за себя. Съ этой цѣлью, я намѣренъ вскорѣ покинуть васъ.

Король Эдуардъ. Покинь или останься, Эдуардъ будетъ королемъ, не связаннымъ волей брата.

Королева Елизавета. Милорды, до того, какъ его величеству было угодно возвысить меня въ санъ королевы—будьте только справедливы, и вы это признаете,—я не была низкаго происхожденія, и другія, низшія, нежели я, имѣли подобное же счастье. Но насколько этотъ санъ приносить честь мнѣ и моимъ, настолько-же неприязнь тѣхъ, кому я желала-бы угодить, омрачаетъ мою радость опасеніемъ и печалью.

Король Эдуардъ. Любовь моя, не старайся развѣять ихъ угрюмость! Какое опасеніе и какая печаль могутъ быть у тебя, пока Эдуардъ остается твоимъ вѣрнымъ другомъ и ихъ истиннымъ владыкой, которому они должны подчиняться? И они подчинятся, и будутъ тебя любить, если не захотятъ заслужить моей ненависти; иначе, я тебя защищу, а они испытаютъ, въ отмщеніе, мою злобу.

Глостэръ *(въ сторону)*. Я слушаю и говорю немного, но думаю тѣмъ больше.

Входитъ вѣстникъ.

Король Эдуардъ. Ну, посланный, какія письма, или какія вѣсти изъ Франціи?

Вѣстникъ. Мой высокой государь, писемъ нѣтъ; есть нѣсколько словъ, но такихъ, которыхъ я не смѣю произнести безъ вашего особаго разрѣшенія.

Король Эдуардъ. Начинай, мы разрѣшаемъ. Но передай мнѣ вкратцѣ ихъ слова такъ точно, какъ только можешь ихъ припомнить. Какой отвѣтъ далъ король Людовикъ на мое письмо?

Вѣстникъ. При моемъ уходѣ, его слова были именно такія: „Поди, скажи живому Эдуарду, предполагаемому королю, что Людовикъ французскій пришлетъ къ нему ряженыхъ, чтобы повеселить его и новобрачную“.

Король Эдуардъ. Неужели такъ храбръ Людовикъ? Можетъ быть, онъ принимаетъ меня за Генриха? А что сказала леди Бонна о моемъ бракѣ?

Вѣстникъ. Ея слова были такія и выговорены съ кроткимъ презрѣніемъ: „Скажи ему, что, въ надеждѣ на его скорое вдовство, я надѣну траурную гирлянду“.

Король Эдуардъ. Я не осуждаю ее, она не могла сказать менѣ того: ей была нанесена обида. Но что сказала супруга Генриха? Я слышалъ, что и она была тамъ-же.

Вѣстникъ. „Скажи ему, произнесла она, мой трауръ конченъ, и я готова облачиться въ доспѣхи“.

Король Эдуардъ. Понятно, что она хочетъ разыграть роль амазонки. Но что сказалъ Уорикъ среди этой брани?

Вѣстникъ. Онъ негодуетъ больше всѣхъ на ваше величество и отослалъ меня съ такими словами: „скажи ему, что онъ меня оскорбилъ и что я скоро низвергну его за это“.

Король Эдуардъ. Какъ, неужели измѣнникъ смѣлъ произнести такія надменные слова? Хорошо-же, я вооружусь, будучи предупрежденъ. Пусть будетъ война, но они заплатятъ за свою самонадѣянность. Говори еще: Уорикъ дружитъ съ Маргаритой?

Вѣстникъ. О, милостивый государь! Они связаны такой дружбой, что молодой принцъ Эдуардъ женится на дочери Уорика.

Кларенсъ. На старшей, вѣроятно; Кларенсъ возьметъ меньшую. Ну, братъ король, прощайте и следите крѣпче, а я иду за второй дочерью Уорика; и хотя мнѣ не хватаетъ королевства, но въ бракѣ все-же я не буду ниже васъ. Кто за меня и Уорика, слѣдуйте за мною! *(Уходитъ, за нимъ Сомерсетъ)*.

Глостэръ *(въ сторону)*. Я не пойду. Мои мысли мѣтять подаѣе; я останусь изъ любви не къ Эдуарду, а къ королю.

Король Эдуардъ. Кларенсъ и Сомерсетъ пошли оба къ Уорикку! Но я вооруженъ противъ худшаго, что можетъ случиться; необходимо только торопиться въ такомъ отчаянномъ случаѣ. Пемброкъ и

Стаффордъ, идите собирать людей моимъ именемъ и готовьтесь къ войнѣ. Тѣ уже здѣсь или высадятся скоро; я лично тотчасъ послѣдую за вами (*Пемброкъ и Стаффордъ уходятъ*). Но прежде, нежели я пойду, Гастингсъ и Монтгю, разрѣшите мое сомнѣніе. Вы оба ближе всѣхъ къ Уоррику, по крови и по союзу. Скажите мнѣ, любите-ли вы Уоррика болѣе, нежели меня? Если такъ, то отправляйтесь оба къ нему; мнѣ лучше знать васъ врагами, чѣмъ ненадежными друзьями; но, если вы на

СЦЕНА II.

Равнина въ Уарвикштэйръ.

Входятъ: Уоррикъ и Оксфордъ съ французскими и другими войсками.

Уоррикъ. Вѣрите мнѣ, милордъ, все идетъ до сихъ поръ хорошо. Простой народъ присоединяется къ намъ толпами.

Входятъ: Кларенсъ и Сомерсетъ.

Уоррикъ. Но, смотрите, вотъ Сомер-

мъренны хранить мнѣ вѣрную покорность, засвидѣтельствуйте это какимъ-либо дружескимъ заклятіемъ, для того, чтобы я никогда не могъ усомниться въ васъ.

Монтгю. Пусть Богъ поможетъ Монтгю, по сколько онь будетъ вѣренъ!

Гастингсъ. И Гастингсу, по сколько онь поставитъ за дѣло Эдуарда!

Король Эдуардъ. А ты, братъ Ричардъ, будешь съ нами?

Глостъръ. Да, и на зло всѣмъ нашимъ противникамъ.

Король Эдуардъ. Если такъ, то я убѣжденъ въ побѣдѣ, а теперь въ путь и не будемъ терять ни одного часа, пока не встрѣтимъ Уоррика съ его иноземной дружиной (*Уходятъ*).

сетъ и Кларенсъ. Говорите тотчасъ, хорды друзья вы?

Кларенсъ. Не опасайтесь насъ, милордъ.

Уоррикъ. Если такъ, любезный Кларенсъ, то добро пожаловать къ Уоррику! Добро пожаловать и Сомерсетъ! Я считаю подлымъ питать недоверіе, когда кто съ благороднымъ сердцемъ протягиваетъ свою открытую руку въ знакъ любви. Иначе, я могъ бы думать, что Кларенсъ, Эдуарда братъ, лишь притворно нашъ сторонникъ. Но, добро пожаловать, мой милый Кларенсъ; моя дочь будетъ твоей. А теперь, почему-бы, подъ покровомъ ночи и когда твой братъ расположился такъ небрежно, а его солдаты рыскаютъ по соседнимъ городамъ, и его охраняетъ лишь простой

карауль, намъ не напасть на него врасплохъ и не взять его безъ хлопотъ? Наши лазутчики находятъ дѣло очень легкимъ. Улиссъ и сильный Діомидъ проникли отважно и хитро въ шатры Реза и вывели оттуда роковыхъ бракійскихъ коней; такъ и мы, хорошо прикрытые чернымъ покровомъ ночи, можемъ неожиданно поразить стражу Эдуарда и захватить его самого; я не говорю, убить его. Я хочу лишь взять его неожиданно. Всѣ, кто хочетъ примкнуть ко мнѣ въ этой попыткѣ, провозгласите имя Генриха, вмѣстѣ съ вашимъ вождемъ (*Всѣ кричатъ „Генрихъ!“*) Итакъ, въ дорогу, молча. За Уорика и его друзей—Вогъ и святой Георгій! (*Уходятъ*).

СЦЕНА Ш.

Лагерь Эдуарда близъ Уорика.

Входятъ нѣсколько часовыхъ для караула при королевской палаткѣ.

1-й часовой. Идите, братцы, каждый на свое мѣсто; король расположился уже ко сну.

2-й часовой. Но какъ, развѣ онъ не ляжетъ въ постель?

1-й часовой. Нѣтъ, онъ торжественно поклялся не ложиться и не пользоваться естественнымъ покоемъ, пока или Уорикъ, или онъ самъ, не будетъ подавленъ въ конецъ.

2-й часовой. Такъ завтра, вѣроятно, будетъ бой, если Уорикъ такъ близко, какъ люди говорятъ.

3-й часовой. Но скажи, прошу тебя, кто этотъ лордъ, который остается съ королемъ въ его палаткѣ?

1-й часовой. Это лордъ Гастингсъ, главный другъ короля.

3-й часовой. Вотъ что! Но почему король приказываетъ своимъ главнымъ сторонникамъ размѣститься въ сосѣднихъ городахъ, а самъ остается въ холодномъ полѣ.

2-й часовой. Такъ больше чести, потому что оно опаснѣе.

3-й часовой. О, дайте мнѣ почесть и покой, и я предпочту ихъ опасной чести! Если-бы Уорикъ зналъ, въ какомъ положеніи король, онъ врядъ-ли не захотѣлъ-бы его разбудить.

1-й часовой. Да, только наши алебарды преградили-бы ему входъ.

2-й часовой. Конечно; для чего-же мы и въ карауль у королевской ставки, какъ не для того, чтобы защитить его особу отъ ночныхъ враговъ?

Входятъ: Уорикъ, Кларенсъ, Оксфордъ, Сомерсетъ и солдаты.

Уорикъ. Вотъ его палатка; смотрите, тамъ и карауль. Смѣлѣй, товарищи! Теперь вамъ честь или никогда! За мной, и Эдуардъ будетъ нашъ.

1-й часовой. Кто идетъ?

2-й часовой. Стой! Не то убью.

Уорикъ и прочіе кричатъ: „Уорикъ! Уорикъ!“ и бросаются на стражу, которая бѣжитъ, крича: „Къ оружію! Къ оружію!“ Уорикъ и прочіе преслѣдуютъ бѣгущихъ. Барабанный бой и трубы. Уорикъ и прочіе возвращаются, вынося короля, который сидитъ въ ночномъ халатѣ, на креслѣ. Глостеръ и Гастингсъ убѣгаютъ.

СОМЕРСЕТЪ. Кто эти, которые бѣгутъ?

УОРИКЪ. Ричардъ и Гастингсъ; пусть ихъ! Вотъ герцогъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ. Герцогъ! Послѣдній разъ, когда мы видѣлись, Уорикъ, ты звалъ меня королемъ.

УОРИКЪ. Да, но дѣла перемѣнились. Когда ты обезчестилъ меня, какъ посла, я снялъ съ тебя королевскій санъ и явился теперь, чтобы назначить тебя герцогомъ Йоркскимъ. Увы! какъ могъ-бы ты править королевствомъ, не зная, какъ обращаться съ посланн, какъ довольствоваться одною женой, какъ вести себя съ братьями по-братски, какъ заботиться о благосостояніи народа и какъ обороняться противъ своихъ недруговъ.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ. И ты, братъ Кларенсъ, здѣсь? Тогда я вижу, что Эдуарду надо поневолѣ пасть. Но, Уорикъ, несмотря на всѣ неудачи на тебя самого и твоихъ сообщниковъ Эдуардъ будетъ всегда держать себя королемъ. Хотя фортуна въ своей злобѣ низвергаетъ мой престолъ, моя душа превосходитъ размѣръ ея колеса.

УОРИКЪ (*снимая съ него корону*). Ну, будь въ душѣ Эдуардомъ, англійскимъ королемъ, но носить корону будетъ Генрихъ; онъ будетъ настоящимъ королемъ, а ты лишь тѣню. Милордъ Сомерсетъ, наблюдай за тѣмъ, чтобы герцогъ Эдуардъ былъ провожденъ къ брату моему, архіепископу Йоркскому.

КОРОЛЬ ЭДУАРДЪ. Люди должны подчиняться тому, что повелѣваетъ рокомъ; бесполезно противиться вѣтру и теченію. (*Его уводятъ; Сомерсетъ съ нимъ*).

ОКСФОРДЪ. Что намъ остается теперь дѣлать, милорды, какъ не идти на Лондонъ съ нашимъ войскомъ?

УОРИКЪ. Да, это первое, что намъ надо совершить: мы должны освободить короля Генриха изъ его заключенія и возвести его на королевскій тронъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: королева Елизавета и Райверсъ.

Райверсъ. Милэди, что причиною таковой внезапной перемены въ васъ?

Королева Елизавета. Но, братъ Райверсъ, неужели вамъ неизвѣстно недавнее несчастье, поразившее короля Эдуарда?

Райверсъ. Потеря какого-нибудь важнаго сраженія противъ Уорика?

Королева Елизавета. Нѣтъ, по потеря его собственной королевской особы.

Райверсъ. Нашъ государь убитъ?

Королева Елизавета. Почти убитъ, потому что взять въ плѣнъ; онъ былъ или преданъ измѣною караульныхъ, или застигнутъ врасплохъ неприятелемъ; на сколько я могла узнать далѣе, онъ порученъ теперь епископу Йоркскому, гнусному брату Уорика и, слѣдовательно, нашему врагу.

Райверсъ. Такія вѣсти, признаюсь, полны скорби; но, милостивая милэди, постарайтесь пересилить ее; Уорикъ можетъ такъ же проиграть битву, какъ выигралъ ее.

Королева Елизавета. До тѣхъ поръ благая надежда задержать во мнѣ упадокъ жизни; я должна ограждать себя отъ отчаяннiя изъ любви къ плоду любви Эдуарда, который ношу въ своей утробѣ. Это заставляетъ меня смирить свой гнѣвъ и нести кротко крестъ моихъ бѣдствiй. Да, да, ради этого я подавляю въ себѣ не одну слезу и задерживаю взрывъ иссушающихъ кровь вздоховъ, дабы этими вздохами или слезами не былъ завянъ или затопленъ плодъ короля Эдуарда, законный наследникъ англiйской короны.

Райверсъ. Но, милэди, что случилось съ Уорикомъ?

Королева Елизавета. Мнѣ извѣстно, что онъ идетъ на Лондонъ, чтобы возложить снова корону на голову Генриха. Угадай остальное: друзья короля Эдуарда должны уступить, но, чтобы предупредить насилiе тирана (потому что нельзя довѣряться тому, кто однажды нарушилъ свою клятву) я укроюсь въ святилище, чтобы спасти, по крайней мѣрѣ, наследника правъ Эдуарда; тамъ я буду безопасна отъ обмана и насилiя. Пойдемъ, бѣжимъ, пока возможно бѣгство; если Уорикъ захватитъ насъ, мы неизбежно умремъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА V.

Паркъ близь замка Мидльгэмъ въ Йоркшайрѣ.

Входятъ: Глостэръ, Гастингсъ, сэръ Уильямъ Стэнли и другiе.

Глостэръ. Ну, милордъ Гастингсъ и сэръ Уильямъ Стэнли, не дивитесь тому, что я завелъ васъ сюда, въ самую главную чашу парка. Дѣло вотъ въ чемъ; вамъ извѣстно, что нашъ король, мой братъ, здѣсь плѣнникомъ епископа. Но онъ пользуется у него хорошимъ обращенiемъ и большой свободой: такъ, часто, ради развлечения, онъ охотится здѣсь и лишь подъ слабымъ надзоромъ. Я тайно увѣдомилъ его: если онъ направится въ эту сторону, около этого времени, подъ видомъ своей обычной потѣхи, то найдетъ здѣсь друзей съ людьми и конями для освобожденiя его изъ неволи.

Входятъ: король Эдуардъ и охотникъ.

Охотникъ. Сюда, милордъ; по этому пути водится дичь.

Король Эдуардъ. Нѣтъ, малый, сюда, гдѣ стоятъ охотники. Ну, братъ Глостэръ, лордъ Гастингсъ и прочiе, вы подошли такъ близко, чтобы украсть дичь у епископа?

Глостэръ. Братъ, и дѣло, и мѣсто требуютъ, чтобы мы снѣжили. Твой конь готовъ на краю парка.

Король Эдуардъ. Но куда мы направимся?

Гастингсъ. Въ Лоннъ, милордъ, а оттуда на судахъ въ Фландрiю.

Глостэръ. Отлично придумано, вѣрнее мнѣ; это было и мое мнѣнiе.

Король Эдуардъ. Стэнли, я отблагодарю тебя за усердiе.

Глостэръ. Но чего мы стоимъ? Не время толковать.

Король Эдуардъ. Охотникъ, что ты скажешь? Хочешь съ нами?

Охотникъ. Лучше поступить такъ, чѣмъ оставаться и быть повѣшеннымъ.

Глостэръ. Такъ идемъ-же, покончимъ эту суматоху.

Король Эдуардъ. Прощай, епископъ! защитись отъ гнѣва Уорика и молись о томъ, чтобы я вновь сталъ обладать короной (*Уходятъ*).

СЦЕНА VI.

Комната въ Тоузэрѣ.

Входятъ: король Генрихъ, Кларенсъ, Уорикъ, Сомерсетъ, молодой Ричмондъ Оксфордъ, Монтегю, комендантъ Тоузэра и свита.

Король Генрихъ. Комендантъ, теперь, когда Богъ и мои друзья низвергли Эдуарда съ королевскаго престола, а мой плѣнъ обратился въ свободу, мой страхъ въ надежду, мои печали въ радость, чѣмъ мы должны заплатить тебѣ при нашемъ освобожденіи?

Комендантъ. Подданные не могутъ требовать ничего отъ своихъ государей; но если смиренная просьба можетъ имѣть значеніе, то я прошу прощенія у вашего величества.

Король Генрихъ. Въ чемъ, комендантъ? Въ томъ, что ты хорошо обходился со мною? Нѣтъ, будь увѣренъ, я вознагражу твою доброту, потому что она обратила мнѣ мое заключеніе въ удовольствіе: такое удовольствіе, которое испытываетъ птица въ клеткѣ, когда, послѣ многихъ грустныхъ помышлений, она, благодаря звукамъ собственной гармоніи почти забываетъ объ утратѣ своей свободы. Но, Уорикъ, послѣ Бога освободитель мой—ты, и потому я благодарю особенно Бога и тебя; Онъ былъ вождемъ, а ты его орудіемъ. Теперь, желая преоборотъ гоненія судьбы такою мирной жизнью, въ которой судьба не могла бы угнетать меня болѣе, и для того, чтобы населеніе этой благословенной страны не терпѣло отъ неустойчивости моихъ созвѣздій, я, хотя и продолжая носить на головѣ корону, передаю, Уорикъ, все управленіе въ твои руки, потому что ты счастливъ во всѣхъ дѣлахъ.

Уорикъ. Ваша милость славились всегда своими добродѣтелями, а теперь вы оказываетесь столь-же мудрымъ, какъ добродѣтельнымъ, предусматривая и избѣгая коварства судьбы; весьма немногіе люди умѣютъ прилаживаться къ звѣздамъ! Но за одно позвольте мнѣ осудить вашу милость: вы избрали меня, когда на лицо Кларенсъ.

Кларенсъ. Нѣтъ, Уорикъ, ты достоинъ кормила, ты, которому при рожденіи небеса присудили оливковую вѣтвь и лавровый вѣнокъ, какъ счастливому и въ войнѣ, и въ мирѣ, поэтому я охотно даю тебѣ мое согласіе.

Уорикъ. А я избираю одного Кларенса въ протекторы.

Король Генрихъ. Уорикъ и Кларенсъ, дайте оба ваши руки; соедините ихъ, а съ ними и сердца ваши, для того, чтобы ни-

какая распря не мѣшала вашему управленію. Я дѣлаю васъ обоихъ протекторами страны, между тѣмъ какъ я буду вести частную жизнь, потративъ свои послѣдніе дни на молитву, ради возмездія за грѣхи и во славу Господню.

Уорикъ. Что отвѣтитъ Кларенсъ на волю его государя?

Кларенсъ. Что онъ соглашается, если согласится и Уорикъ. На твою судьбу мнѣ можно положиться!

Уорикъ. Тогда, хотя и противъ моего желанія, я долженъ быть довольнымъ. Мы впряжемся вмѣстѣ, подобно двойной тѣни тѣла Генриха, и замѣнимъ его,—я разумью въ тягости правленія,—между тѣмъ какъ онъ будетъ пользоваться почестями и покоемъ. Теперь, Кларенсъ, намъ болѣе чѣмъ необходимо посѣпить съ провозглашеніемъ Эдуарда измѣнникомъ и съ конфискаціей его земель и имущества.

Кларенсъ. И что еще? Что его наслѣдство должно быть опредѣлено.

Уорикъ. И Кларенсу достанется въ немъ его доля.

Король Генрихъ. Но первую изъ важнѣйшихъ нашихъ заботъ пусть будетъ, я прошу (я не приказываю уже болѣе), послать за Маргаритой, вашей королевой, и за моимъ сыномъ Эдуардомъ, чтобы воротить ихъ скорѣе изъ Франціи. Пока я не увижу ихъ здѣсь, сомнѣніе и страхъ будутъ наполовину затмѣвать мнѣ всю радость моего освобожденія.

Кларенсъ. Это будетъ исполнено съ возможной скоростью, мой государь.

Король Генрихъ. Милордъ Сомерсетъ, кто этотъ юноша, о которомъ вы, по видимому, заботитесь такъ нѣжно.

Сомерсетъ. Это молодой Оксфордъ.

Король Генрихъ. Подойди ближе, надежда Англій! (*Гладеть руку ему на голову*). Если тайныя силы сообщаютъ истину моему прозрѣнію, этотъ красивый мальчикъ будетъ благословіемъ для нашей родины. Его лицо исполнено спокойнаго величія, его голова создана природой для ношенія короны, рука для держанія скипетра, а самъ онъ, очевидно, для того, чтобы со времени украсить собою престоль. Читите его, милорды: ему предстоитъ оказать вамъ болѣе блага, чѣмъ я оказалъ вамъ зла.

Входитъ вѣстникъ.

Уорикъ. Съ какою вѣстью, другъ?

Вѣстникъ. Съ такою, что Эдуардъ скрылся отъ вашего брата и бѣжалъ, какъ было слышно послѣ, въ Бургундію.

Уорикъ. Вѣсти не сладостныя. Но какъ онъ могъ спастись?

Вѣстникъ. Его увезли Ричардъ, герцогъ Глостеръ, и лордъ Гастингсъ, кото-

рые поджидали его, тайно засѣвъ на окраинѣ лѣса, и отняли его у епископскихъ охотниковъ; вѣдь охота служила ему ежедневной потѣхой.

Уорикъ. Мой братъ относился слишкомъ небрежно къ своей обязанности. Но идемъ отсюда, государь, и подумаемъ о средствахъ противъ всякой бѣды, которая можетъ случиться.

Уходятъ: король Генрихъ, Уорикъ, Кларенсъ, комендантъ и свита.

Сомерсетъ. Милорды, этотъ побѣдъ Эдуарда мнѣ не нравится, потому что нѣтъ сомнѣннй въ томъ, что Бургундія окажетъ ему помощь, и у насъ будетъ еще болѣе войтъ, нежели прежде. На сколько недавно предвѣщаніе Генриха порадовало мое сердце надеждою на юнаго Ричмонда, на столько унываетъ оно отъ этихъ столкновеній, которыя могутъ задѣть его, къ его бѣдѣ и нашей. Поэтому, лордъ Оксфордъ, для предупрежденія худшаго, мы отправимъ юношу отсюда въ Бретань на то время, пока не пройдетъ буря гражданской войны.

Оксфордъ. Да. Если Эдуардъ снова завладѣетъ короной, то весьма вѣроятно, что и Ричмондъ погибнетъ съ другими.

Сомерсетъ. Такъ будетъ; ему надо уѣхать въ Бретань. Пойдемъ, поэтому, устроимъ это поспѣшнѣе... *(Уходятъ).*

СЦЕНА VII.

Передъ Іоркомъ.

Входятъ: король Эдуардъ, Глостаръ, Гастингсъ и другіе.

Король Эдуардъ. Итакъ, братъ Ричардъ, лордъ Гастингсъ и всѣ прочіе, до сего времени счастье вознаграждаетъ насъ и говоритъ, что я могу опять промѣнять мое поблеклое положеніе на королевскую корону Генриха. Мы счастливо перешли море и снова воротились, приведя желаемую помощь изъ Бургундіи. Теперь, прибывъ изъ Равенбурга къ воротамъ Іорка,

намъ остается только войти въ наше герцогство.

Глостаръ. Ворота закрыты! Братъ, это мнѣ не нравится: кто споткнется у порога, тому вѣщается, что тамъ, внутри, опасность.

Король Эдуардъ. Полно тебѣ! Намъ нечего теперь пугаться предвѣщаній: прямымъ или кривымъ путемъ, но мы должны войти, потому что здѣсь присоединятся къ намъ наши друзья.

Гастингсъ. Государь, я постучусь еще разъ, чтобы вызвать ихъ.

На стѣну входитъ мэръ Іоркъ со своими товарищами.

Мэръ. Милорды, мы были предупреждены о вашемъ прибытіи и заперли ворота ради своей безопасности, потому что мы теперь обязаны преданностью Генриху.

Король Эдуардъ. Но, мэръ, если Генрихъ вашъ король, то Эдуардъ, по крайней мѣрѣ, герцогъ Іоркскій.

Мэръ. Вѣрно, мой добрый лордъ; за меньшее я васъ и не считаю.

Король Эдуардъ. А я и не требую ничего, кромѣ моего герцогства, котораго съ меня

совершенно довольно.

Глостаръ *(въ сторону)*. Но когда лиса всунетъ свой носъ, она скоро найдетъ средство пропустить туда и все туловище.

Гастингсъ. Что же вы, мэръ, стоите въ недоумѣніи? Отворяйте ворота, мы друзья короля Генриха.

Мэръ. А, вотъ оно что! Тогда ворота будутъ открыты *(Сходятъ со стѣны)*.

Глостаръ. Вотъ стойкій командиръ и скоро убѣдился!

Гастингсъ. Добрый старикъ вѣрить, что все ладно, поэтому съ нимъ и прошло такъ гладко, но, однажды войдя, мы скоро, безъ сомнѣнія, заставимъ образумиться его и его товарищей.

Внизу показывается мэръ съ двумя альдерманами.

Король Эдуардъ. Такъ, мэръ, эти ворота не должны запираются иначе, какъ ночью, или во время войны. Не бойся же, любезный, но отдай мнѣ ключи *(Беретъ у*

него ключи). Эдуардъ будетъ защищать и городъ, и тебя, и всѣхъ этихъ друзей, удостоивающихъ слѣдовать за мною.

Барабаны. Входитъ Монгомери съ отрядомъ; движеніе войска.

Глостэръ. Братъ, это сэръ Джонъ Монгомери, нашъ вѣрный другъ, если не ошибаюсь.

Король Эдуардъ. Добро пожаловать, сэръ Джонъ! Но зачѣмъ ты во всеоружіи?

Монгомери. Затѣмъ, чтобы послужить королю Эдуарду въ это смутное время, какъ подобаешь всякому вѣрному подданному.

Король Эдуардъ. Благодарю, добрый Монгомери, но мы теперь забываемъ о нашихъ правахъ на корону и требуемъ только нашего герцогства, пока Господу не угодно будетъ послать намъ большее.

Монгомери. Тогда счастливо оставаться, а я уйду отсюда. Явился я, чтобы послужить королю, а не герцогу. Барабаны, бейте! Мы идемъ прочь (*Войско приходитъ въ движеніе*).

Король Эдуардъ. Нѣтъ, обожди, сэръ Джонъ: мы поразсудимъ о томъ, какими средствами могу я возвратить корону?

Монгомери. Что вы толкуете о разсужденіяхъ? Въ двухъ словахъ, если вы не хотите объявить себя здѣсь королемъ, я предоставляю васъ вашей участи и пойду приостановить тѣхъ, которые идутъ сюда къ вамъ на помощь. Зачѣмъ намъ братья, если вы не заявляете своихъ правъ?

Глостэръ. И то, братъ, чего держаться тонкости?

Король Эдуардъ. Когда мы усилимся, тогда и предъявимъ свои требованія; до тѣхъ поръ благоразумнѣе скрывать наши замыслы.

Гастингсъ. Долой всѣ осторожныя разсужденія! Оружіе должно рѣшить дѣло.

Глостэръ. И смѣлый человекъ скорѣе добьется короны. Братъ, мы провозгласимъ тебя тотчасъ-же, и молва о томъ привлечетъ къ тебѣ много сторонниковъ.

Король Эдуардъ. Будь по вашему! Видь я за свое право, и Генрихъ только захватилъ вѣнец!

Монгомери. Теперь мой государь заговорилъ какъ слѣдуетъ, и теперь я стану бойцомъ за Эдуарда.

Гастингсъ. Трубы, звучите! Эдуардъ провозгласится. Сюда, солдаты,—товарищъ: читай объявленіе (*Передаетъ ему бумагу. Музыка*).

Солдаты (*читаетъ*). Милостью Божіею, Эдуардъ четвертый, король англійскій и французскій, лордъ ирландскій и пр.

Монгомери. И кто оспариваетъ права короля Эдуарда, того я вызываю на поединокъ (*Бросаетъ перчатку*).

Всѣ. Многая лѣта Эдуарду четвертому!

Король Эдуардъ. Благодарю, храбрый Монгомери, благодарю и всѣхъ васъ. Если счастье поможетъ мнѣ, я отплачу вамъ за ваше расположеніе. На эту ночь мы пріутимся здѣсь въ Юркѣ, и когда утреннее сердце подниметъ свою колесницу надъ этимъ горизонтомъ, мы пойдемъ навстрѣчу Уоррику и его приверженцамъ; самъ Генрихъ, я знаю то, не воинъ. Ахъ, строптивый Кларенсъ! Какъ прилично тебѣ лстыть Генриху и забывать своего брата! Но, какъ бы то ни было, мы встрѣтимъ обонхъ васъ съ Уоррикомъ. Идемъ, храбрые воины! Не сомнѣвайтесь въ успѣхѣ, а одержавъ его, не сомнѣвайтесь въ щелрой платѣ (*Уходятъ*).

СЦЕНА VIII.

Лондонъ. Комната во дворцѣ.

Входятъ: король Генрихъ, Кларенсъ, Монтегю, Экзэтеръ и Оксфордъ.

Уоррикъ. Что посоветуете, милорды? Эдуардъ съ ретивыми германцами и тупоголовыми голландцами переплылъ благополучно проливъ и идетъ со своими войсками прямо на Лондонъ, и много простаковъ присоединяется къ нему.

Оксфордъ. Наберемъ людей и отобьемъ его опять назадъ.

Кларенсъ. Небольшой огонь легко затоплатъ, а давъ ему разгорѣться, не залешь его рѣками.

Уоррикъ. У меня въ Уорикшэйрѣ преданные друзья, не мятежные въ мирное время, но отважные на войнѣ; я подниму ихъ, а ты, сынокъ Кларенсъ, убѣдишь рыцарей и джентльменовъ въ Суффолкѣ, Норфолкѣ и Кентѣ слѣдовать за тобой; ты, братъ Монтегю, долженъ найти въ Бокингемѣ, Нортгаумтонѣ и Лейстершэйрѣ людей, готовыхъ слушать то, что ты прикажешь; а ты, храбрый Оксфордъ, такъ удивительно любимый, соберешь своихъ друзей въ Оксфордшэйрѣ. Нашъ государь, окруженный преданными гражданами, какъ островъ океаномъ, или какъ скромная Діана своими нимфами, останется въ Лондонѣ, пока мы не явимся къ нему. Прекрасные лорды, откланяйтесь и идите, не возражая. Прощайте, государь!

Король Генрихъ. Прощай, мой Гекторъ, вѣрная надежда моей Трои!

Кларенсъ. Въ знакъ вѣрности, цѣлую руку вашего величества.

Король Генрихъ. Благодушный Кларенсъ, счастливъ будь!

Монтегю. Будьте добры, милорды! За-
тѣмъ, прощайте.

Оксфордъ (*Цѣлуя руку Генриху*). Сви-
дѣтельствоваю этимъ мою вѣрность и про-
щаюсь.

Король Генрихъ. Дорогой Оксфордъ
и любезный Монтегю, и всѣ вы вмѣстѣ,
еще разъ желаю вамъ счастья на прощанье.

Уорикъ. Прощайте, любезные лорды,
и до свиданія въ Ковентри! (*Уходятъ:*
Уорикъ, Кларенсъ, Оксфордъ и Монтегю).

Король Генрихъ. Я останусь пока
въ этомъ дворцѣ. Кузень Экзэтеръ, что по-
думываетъ ваша милость? Мнѣ кажется,
что силы Эдуарда не способны одолѣть въ
полѣ мой войска.

Экзэтеръ. Но какъ бы онъ не при-
влекъ другихъ?

Король Генрихъ. Этого я не опас-
юсь: моя щедроты прославили меня; я не
заграждалъ своего слуха ни къ чьимъ прось-
бамъ, не задерживалъ ходатайства длин-
ными проволочками, мое состраданіе было
цѣлительнымъ бальзамомъ для всѣхъ ранъ,
моя доброта облегчала удручительныя скор-
би, мое милосердіе высушивало потоки слезъ.
Я не корытствовался ни на чьи богатства,
не отягчалъ народа большими податями, не
отомщала жестоко, хотя передъ мной мно-

го грѣшили. Такъ почему же они будутъ
любить Эдуарда болѣе, нежели меня? Нѣтъ,
Экзэтеръ, милости вызываютъ милость, и
если левъ овцу ласкаетъ, овца никогда не
откажется слѣдовать за нимъ (*Крики изда-
ли: „Ланкастеръ! Ланкастеръ!“*).

Экзэтеръ. Слушайте, слушайте, ми-
лорды! Что это за возгласы?

*Входятъ: король Эдуардъ, Глостеръ и сол-
даты.*

Король Эдуардъ. Схватите этого сму-
тившагося Генриха, ведите его отсюда и
провозгласите насъ снова англійскимъ ко-
ролемъ. Ты, источникъ, изъ котораго вы-
текаютъ мягкія рѣчи, останови теперь ихъ
зарожденіе! Мое море втянетъ ихъ въ себя
до суха и поднимется тѣмъ выше отъ ихъ
волнъ. Уведите его въ Тоуэръ, не давая
ему говорить (*Нѣсколько словъкъ уходятъ
съ королемъ Генрихомъ*). Теперь, лорды,
направимъ путь къ Ковентри, гдѣ пребы-
ваетъ самонадѣянный Уорикъ. Солнце пе-
четъ, и если мы промедлимъ, то студеная
зима испортитъ желанный намъ сѣнокосъ.

Глостеръ. Пойдемъ поспѣшите, пока
его войска не собрались, и нападёмъ на
измѣнника врасплохъ. Храбрые воины, сту-
пайте тотчасъ къ Ковентри (*Уходятъ*).

Дѣйствіе пятое.

СЦЕНА I.

Ковентри.

На стѣну входятъ: Уорикъ, мэръ герцога Ковентри, два вѣстника и пр.

Уорикъ. Гдѣ посланный отъ доблестнаго Оксфорда? Какъ далеко отсюда твой лордъ, мой честный молодецъ?

1-й вѣстникъ. Теперь онъ въ Денсморѣ и направляется сюда.

Уорикъ. А какъ далеко братъ мой Монтегю? Гдѣ посланный отъ Монтегю?

2-й вѣстникъ. Онъ теперь въ Дентри, съ сильнымъ войскомъ (*Входитъ лордъ Сомерсетъ*).

Уорикъ. Скажи, Сомерсетъ, что говорить мой милый сынъ? И какъ, по твоему, близокъ къ намъ Кларенсъ?

Сомерсетъ. Я оставилъ его съ войскомъ въ Сутэмъ и жду, что онъ придетъ сюда часа черезъ два (*Слышны барабаны*).

Уорикъ. Значитъ, Кларенсъ уже подходитъ: я слышу его барабаны.

Сомерсетъ. Это не онъ, милордъ: Сутэмъ вотъ здѣсь, а барабаны, которые слышнѣтъ ваша честь, идутъ отъ Уорика.

Уорикъ. Кто же это можетъ быть? Вѣроятно неожиданные друзья?

Сомерсетъ. Они уже тутъ, и вы сейчасъ узнаете.

Барабанный бой. Входятъ: король Эдуардъ и Глостеръ съ войскомъ.

Король Эдуардъ. Иди, горнисть, къ стѣнамъ и вызови парламентаря.

Глостеръ. Смотри, какъ угрюмый Уорикъ разставляетъ караулъ по стѣнамъ.

Уорикъ. О, неожиданная помѣха! Неужели явился разгульный Эдуардъ? Развѣ спали наши соглядатаи или они были подкуплены, оттого и не дошли до насъ вѣсти о его приближеніи?

Король Эдуардъ. Что, Уорикъ, не отворишь-ли ты городскихъ воротъ... не заговоришь-ли смиренно... не преклонишь-ли покорно колѣнъ... не назовешь-ли Эдуарда королемъ, проси у него пощады... и не простишь-ли онъ тогда тебѣ твои злодѣйства?

Уорикъ. Нѣтъ, лучше не отошлешь-ли ты прочь своихъ войскъ... не признаешь-ли, кто возвелъ тебя и кто низвергъ... не назовешь-ли Уорика кровителемъ и покаешься... и тогда останешься герцогомъ Йоркскимъ?

Глостеръ. Я ожидаю, онъ скажетъ, по крайней мѣрѣ „королемъ“. Или пошутитъ онъ невзначай?

Уорикъ. Развѣ герцогство, сэръ, не роскошный даръ?

Глостеръ. О, да, клянусь, когда дарить его бѣдный графъ! Я готовъ услужить тебѣ за такой хорошей подарокъ.

Уорикъ. Я подарилъ королевство твоему брату.

Король Эдуардъ. Стало быть, оно мое лишь по милости Уорика!

Уорикъ. Ты не Атласъ, чтобы нести такое бремя, и потому ледяной Уорикъ беретъ свой даръ назадъ: Генрихъ—мой, король, и Уорикъ—его подданный.

Король Эдуардъ. Но король Генрихъ въ плѣну у Эдуарда, и доблестный

Уорикъ, отвѣть только на это: куда годится тѣло, когда снята съ него голова?

Глостэръ. Увы, зачѣмъ Уорикъ не былъ прозорливѣе! Но пока онъ хотѣлъ стащить простую десятку, у него выкрали хитро короля изъ колоды! Ты оставилъ Генриха во дворцѣ епископа, а я закладываю тебѣ десять противъ одного, что встрѣтите его въ Тоузэрѣ.

Король Эдуардъ. Это вѣрно. Но ты все же, Уорикъ...

Оксфордъ. Оксфордъ, Оксфордъ! За Ланкастера!

Входитъ въ городъ со своимъ отрядомъ.

Глостэръ. Ворота открыты: войдемъ и мы.

Король Эдуардъ. Но другіе враги могутъ напасть на насъ съ тыла. Будемъ стоять наготовѣ, потому что они, навѣрное, выйдутъ опять и предложатъ намъ бой; а если нѣтъ, то городъ такъ плохо укрѣпленъ, что мы скоро высадимъ ихъ оттуда.

Глостэръ. Слушай, Уорикъ: лови минуту, становись на колѣни, становись... Ну, что же? Куй желѣзо, пока горячо.

Уорикъ. Я лучше отрублю себѣ однимъ взмахомъ руку, а другою брошу ее тебѣ въ лицо, чѣмъ спустить флагъ передъ тобою.

Король Эдуардъ. Плыви, какъ хочешь, пусть вѣтеръ и теченіе будутъ тебѣ благоприятны, но эта рука, крѣпко охвативъ твои черныя волосы, напишетъ на песокъ, пока не остынетъ еще твоя только что отрубленная голова, твоею кровью это изреченіе: „Измѣнчивый, какъ вѣтеръ, Уорикъ не будетъ уже болѣе измѣнять“.

Входитъ Оксфордъ съ барабаннымъ боемъ и со знаменами.

Уорикъ. О, радостныя знамена! Смотрите, это Оксфордъ.

Уорикъ. О, добро пожаловать Оксфордъ! Твоя помощь нужна намъ.

Входитъ Монтею съ барабаннымъ боемъ и со знаменами.

Монтею. Монтею, Монтею! За Ланкастера!

Входитъ въ городъ со своимъ отрядомъ.

Глостэръ. Ты и твой братъ заплатите драгоцѣннѣйшею кровью своего тѣла за эту измѣну!

Король Эдуардъ. Чѣмъ труднѣе достанется побѣда, тѣмъ она выше. Душа предсказываетъ мнѣ счастливый успѣхъ и завоеваніе.

Входитъ Сомерсетъ съ барабаннымъ боемъ и со знаменами.

Сомерсетъ. Сомерсетъ, Сомерсетъ! За Ланкастера!

Входитъ въ городъ со своимъ отрядомъ.

Глостаръ. Двое соименныхъ тебѣ герцоговъ, Сомерсетъ, пали уже передъ домомъ Юрка; ты будешь третьимъ, если устоитъ мой мечъ.

Входитъ Кларенсъ съ барабаннымъ боемъ и со знаменами.

Уорикъ. Смотрите, приближается и Джорджъ Кларенсъ съ достаточными силами, для того, чтобы предложить сраженіе брату. Въ немъ преданность правому дѣлу превозмогаетъ естественное чувство братской любви. Приди, Кларенсъ, приди: ты готовъ на зовъ Уорика!

Кларенсъ (*срывая алую розу съ своей шляпы*). Отецъ Уорикъ, понимаешь-ли ты, что это значитъ? Смотри, я бросаю мой позоръ тебѣ. Я не хочу разорять своего родительскаго дома, отдавшаго свою кровь на скрѣпленіе его камней и уничтоженіе Ланкастера. Какъ, неужели мнилъ ты, Уорикъ, что Кларенсъ такъ жестокъ, такъ топоумень, такъ противуестественъ, что направить роковыя орудія войны противъ своего брата и законнаго короля? Ты приведешь, пожалуй, мою священную клятву: но исполнивъ эту клятву, я былъ бы нечестивѣ Гевфая, принесшаго въ жертву свою дочь. Я такъ оплакиваю содѣянный мною проступокъ, что для того, чтобы заслужить милость моего брата, я объявляю себя здѣсь твоимъ смертельнымъ врагомъ, рѣшаясь, гдѣ бы мы ни встрѣтились,—а я встрѣчу тебя, выступи ты только,—загубить тебя за то, что ты меня завлекъ. Итакъ, высокомерный Уорикъ, я бросаю тебѣ вызовъ и обращаю къ брату мои краснѣющія щеки. Прости мнѣ, Эдуардъ, я приношу повинную, и ты, Ричардъ, не гнѣвайся на мой проступокъ; я болѣе не буду легкомысленъ.

Король Эдуардъ. Привѣтствую тебя и люблю вдесятеро болѣе, чѣмъ если-бы ты никогда не заслуживалъ моего гнѣва.

Глостаръ. Привѣтствую тебя, добрый Кларенсъ. Это по-братски.

Уорикъ. О, неслыханный предатель! Клятвопреступникъ криводушный!

Король Эдуардъ. Что-же, Уорикъ, выйдешь ты изъ города для боя? Или намъ придется сбить его камнями тебѣ на голову?

Уорикъ. Нѣтъ, я не заперся здѣсь для обороны. Я тотчасъ-же прибуду къ Барнету и предложу тебѣ сразиться, Эдуардъ, если только ты дерзнешь.

Король Эдуардъ. Да, Уорикъ. Эдуардъ дерзаетъ и показываетъ тебѣ дорогу. Милорды, въ поле! Св. Георгій и побѣда! (*Движеніе войскъ. Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Поле битвы близъ Барнета.

Тревога; передвиженіе войскъ. Входитъ: король Эдуардъ, таща Уорика.

Король Эдуардъ. Вотъ, лежи здѣсь; умри, и съ тобой умретъ нашъ страхъ, потому что Уорикъ былъ пугаломъ, ужасавшимъ вѣкъ. Теперь, Монтею, держись; я отыщу тебя для того, чтобы кости Уорика могли быть въ одномъ обществѣ съ тобою (*Уходитъ*).

Уорикъ. Ахъ, кто здѣсь ближе? Приди ко мнѣ, другъ или недругъ, и сообщи, кто побѣдитель: Юркъ или Уорикъ? Къ чему я спрашиваю это? Мое истерзанное тѣло завываетъ,—завываютъ и моя кровь, мой упадокъ силъ, мое слабѣющее сердце, что я долженъ уступить мое тѣло землѣ, а вслѣдствіе моей гибели—и побѣду врагу. Такъ уступаетъ острію топора кедръ, вѣтви котораго давали пріютъ царственному орлу, осѣняли сонъ крадущагося льва, тогда какъ вершина господствовала надъ раскидистымъ деревомъ Юпитера и защищала низкорослые кусты отъ могучаго зимняго вѣтра. Эти глаза, которые завлакиваетъ теперь черное покрывало смерти, были пронизательны, какъ полуденное солнце, для раскрытія тайныхъ мірскихъ предательствъ; морщины моего чела, теперь залитыя кровью, были сравниваемы часто съ царственными гробницами, потому что былъ ли между живыми король, которому я не могъ бы вырыть могилы? И кто дерзалъ улыбаться, когда Уорикъ насылывалъ чело? Увы, теперь моя слава загрязнена прахомъ и кровью! Парки мои, аллеи, замки, которыми я владѣлъ,—они уже забыли меня, и изо всѣхъ моихъ земель мнѣ остается только одна, по длинѣ моего тѣла... Что-же все величіе, власть, царственность, какъ не персть и тлѣнь? И какъ-бы мы ни жили, мы должны умереть.

Входятъ: Оксфордъ и Сомерсетъ.

Сомерсетъ. О, Уорикъ, Уорикъ! Если-бы ты былъ въ силахъ, какъ мы, намъ было-бы еще возможно возратить наши потери. Королева привела изъ Франціи могущественное войско; мы только что о томъ узнали. О, если-бы ты могъ бѣжать.

Уорикъ. И тогда я не захотѣлъ бы бѣжать. О, Монтею, если ты здѣсь, милый братъ, возьми меня за руку и удержи во мнѣ душу, еще на время, твоими устами! Ты не любишь меня, потому что, братъ, если-бы ты любилъ, твои слезы омыли-бы эту холодную, свернувшуюся

кровь, которая слѣпила губы мнѣ и мѣшаетъ говорить. Приди скорѣе, Монтэгу, или я умру.

Сомерсетъ. О, Уорикъ, Монтэгу испустилъ свой послѣдній вздохъ. И до послѣдняго дыханія онъ не переставалъ призывать Уорика и говорилъ: „Передайте мой привѣтъ моему доблестному брату“; онъ желалъ сказать и болѣе, и говорилъ что-то, звучащее подобно пушечному выстрѣлу въ склепѣ; нельзя было этого разобрать, но, наконецъ, я хорошо слышала сказанное среди стона: „О, прощай, Уорикъ!“

Уорикъ. Сладостный покой его души!.. Бѣгите, лорды, спасайтесь... А Уорикъ прощается со всѣми вами до свиданія въ небесахъ! (*Умираетъ*).

Оксфордъ. Скорѣй, скорѣй, навстрѣчу великимъ королевинимъ войскамъ! (*Уходятъ, унося тѣло Уорика*).

СЦЕНА Ш.

Другая часть поля.

Входитъ торжественно король Эдуардъ; съ нимъ: Кларенсъ, Глостэръ и другіе.

Король Эдуардъ. До сего времени наше счастье идетъ въ гору, и мы одарены побѣдными вѣнками. Но среди этого ярко-блестящаго дня я подмѣчаю черную, подозрительную, грозную тучу, которая встрѣтится съ нашимъ свѣтзарнымъ солнцемъ прежде, нежели оно достигнетъ своего покойнаго ложа на западѣ. Я разумѣю, лорды, тѣ войска, которыя королева собрала въ Галліи; они высадились на нашъ берегъ и, какъ слышно, идутъ сразиться съ нами.

Кларенсъ. Небольшой вѣтеръ разсвѣтъ скоро эту тучу и отгонитъ ее туда, откуда она пришла. Одни твои лучи иссушатъ эти пары; не всякая туча еще родитъ бурю.

Глостэръ. У королевы насчитываютъ тридцать тысячъ, да Сомерсетъ съ Оксфордомъ бѣжали къ ней; если ей дать время передохнуть, ея партія сравняется по силѣ съ нашей.

Король Эдуардъ. Насъ увѣдомляли преданные друзья, что она направляется къ Тьюкесбери; одержавъ теперь верхъ на барнетскомъ полѣ, мы послѣшимъ прямо туда: готовность расчищаетъ дороги! А на походъ наши силы еще умножатся во всѣхъ областяхъ, черезъ которыя мы пройдемъ. Бейте въ барабаны, кричите: „Храбрые!“ и впередъ (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Равнина близъ Тьюкесбери. Войско.

Входятъ: королева Маргарита, принцъ Эдуардъ, Сомерсетъ, Оксфордъ и солдаты.

Королева Маргарита. Высокіе лорды! Мудрецы не сидятъ, оплакивая свои потери, а бодро ищутъ, какъ поправить горе. Что же, хотя наша мачта опрокинута за бортъ, канатъ оборванъ, надежный якорь потерянь и половина нашихъ моряковъ поглощена волнами, нашъ кормчій все же живъ: годится ли, чтобы онъ покинулъ руль и, подобно трусливому мальчишкѣ, лишь прибавлялъ бы воды въ море изъ своихъ слезливыхъ очей, придавая тѣмъ силы тому, у кого ея и безъ того слишкомъ много, предоставляя кораблю, пока самъ онъ хнычетъ, разбиться о камни, между тѣмъ какъ отвага и соображеніе еще могли бы его спасти. О, что это былъ бы за позоръ, что за ошибка! Скажемъ такъ: Уорикъ былъ нашимъ якоремъ; но что же изъ того? А Монтэгу былъ нашей главной мачтой, такъ чтоже? А наши убитые друзья были снастями; что-жъ опять? Развѣ Оксфордъ тоже намъ не якорь? А Сомерсетъ тоже не хорошая мачта? А французскіе приверженцы чѣмъ намъ не паруса и не снасти? И, хотя мы и не искусны, но почему мой Надъ и я не можемъ взять на себя трудную задачу кормчаго? Мы не отойдемъ отъ руля, чтобы съѣсть и плакать, но будемъ держать путь, хотя суровый вѣтеръ и будетъ намъ противорѣчить, подалѣе отъ мелей и утесовъ, грозящихъ намъ крушеніемъ. Журить волны такъ же полезно, какъ говорить съ ними добромъ. А что такое Эдуардъ, какъ не безжалостное море? Что Кларенсъ, какъ не зыбучій песокъ обмана? А Ричардъ развѣ не искорканный гибельный утесъ? Все это враги нашей бѣдной ладьи. Правда, вы можете плавать; но, увы! не долго; если вы ступите на песокъ, вы провалитесь быстро; влѣзете на утесъ, васъ смоютъ волны или же вы умрете съ голода, а это тройная смерть. Я говорю это, лорды, чтобы вы поняли,—на случай, если кто изъ васъ задумаетъ отъ насъ бѣжать, что вамъ можно ожидать столь же мало пощады отъ этихъ братьевъ, какъ отъ жестокихъ волнъ, съ ихъ мелями и утесами. Поэтому, бодрѣе! Если уже что неизбежно, то оплакивать это и бояться будетъ только ребяческимъ малодушіемъ.

Принцъ. Мнѣ кажется, что женщина съ такимъ отважнымъ духомъ должна вселить доблесть даже въ грудь труса, если-

бы онъ слышалъ ея слова, и, будь онъ нагъ, заставить его поразить вооруженнаго челоѣка. Я говорю такъ не потому, что сомнѣваюсь въ комъ либо здѣсь. Еслибы я подозрѣвалъ тутъ хотя одного труса, то отпустилъ бы его заранѣе прочь, ради того, чтобы онъ не заразилъ другого въ трудную минуту и не сдѣлалъ бы его подобнымъ себѣ по духу. Если есть таковой здѣсь, чего сохрани Боже!—пусть онъ уйдетъ прежде, чѣмъ намъ потребуется его помощь.

Оксфордъ. У женщинъ и дѣтей такое высокое мужество. А воины слабѣютъ! Это можетъ быть вѣчнымъ позоромъ. О! храбрый, юный принцъ! Въ тебѣ оживетъ снова твой знаменитый дѣдъ. Да проживешь ты долго, чтобы быть его изображеніемъ и возобновить его славу!

Сомерсетъ. И пусть тотъ, кто не хочетъ биться ради такой надежды, идетъ домой спать; а если встанетъ, то угодится совѣе днемъ и станетъ предметомъ ликованья и насмѣшекъ.

Королева Маргарита. Благодарю, добрый Сомерсетъ. Любезный Оксфордъ, благодарю.

Принцъ. Примите благодарность отъ того, кто не можетъ теперь дать ничего болѣе.

Входитъ вѣстникъ.

Вѣстникъ. Готовьтесь, лорды, потому что Эдуардъ уже близко и намѣренъ сразиться. Будьте рѣшительны поэтому.

Оксфордъ. Я такъ и думалъ; въ его расчетѣ поторопиться такъ, чтобы найти насъ не въ порядкѣ.

Сомерсетъ. Но онъ ошибается: мы наготовѣ.

Королева Маргарита. Ваша отвага ободряетъ мнѣ сердце.

Оксфордъ. Примемъ бой здѣсь; туда не тронемся.

Движеніе войска. Показываются въ отдаленіи: король Эдуардъ, Кларенсъ, Глостэръ и другіе.

Король Эдуардъ. Храбрые приверженцы, вотъ тамъ тернистый лѣсъ, который, съ небесной помощью и вашей силой, долженъ быть истребленъ съ корнемъ еще до наступленія ночи. Мнѣ не зачѣмъ подбавлять топлива къ вашему огню, потому что, я знаю, вы пылаете достаточно, чтобы его выжечь. Подайте сигналъ къ бою и идемъ, милорды!

Королева Маргарита. Лорды, рыцари и джентльмены, всему, что я могла бы сказать, мѣшаютъ мои слезы; вы видите, что при каждомъ словѣ я упииваюсь влагой моихъ глазъ. Итакъ, лишь это: Генрихъ, вашъ государь, въ плѣну у непріятеля его

престола захваченъ, его королевство обращено въ бойню, его поданные умерщвляются, его законы попораны, его казна расхищена... И вотъ тамъ волкъ, который творить этотъ разбой. Вы сражаетесь за правду, и поэтому, милорды, будьте отважны и подавайте сигналъ къ бою!

Объ арміи удаляются.

СЦЕНА V.

Другая часть равнины.

Тревога. Передвиженіе войскъ, потомъ отбой, послѣ чего входятъ: король Эдуардъ, Кларенсъ, Глостэръ и войска; съ ними королева Маргарита, Оксфордъ и Сомерсетъ, взятые въ плѣнъ.

Король Эдуардъ. Ну, теперь конецъ шумнымъ смутамъ! Уберите Оксфорда тотчасъ-же, въ замокъ Гэмсъ; а что до Сомерсета, то долой его преступную голову! Уводите-же ихъ прочь, я не желаю слушать ихъ рѣчей.

Оксфордъ. Что до меня, то я и не хочу безпокоить тебя словами.

Сомерсетъ. Я тоже, и покоряюсь терпѣливо своей участи.

Оксфордъ и Сомерсетъ уходятъ подъ стражу.

Королева Маргарита. Такъ расстаемся мы въ этомъ скорбномъ мірѣ, чтобы свидѣться радостно въ блаженномъ Иерусалимѣ.

Король Эдуардъ. Сдѣлано-ли объявленіе о томъ, что пойманный Эдуарда получить большую награду, а принцу будетъ дарована жизнь?

Глостэръ. Да, но вотъ идетъ и самый юный Эдуардъ.

Солдаты вводятъ принца Уэльскаго.

Король Эдуардъ. Подведите ближе этого молодца, дайте намъ его выслушать. Какъ! Можетъ-ли такой молодой шипъ уже колотиться? Эдуардъ, какое можешь ты дать намъ удовлетвореніе за то, что ты поднялъ оружіе и возбуждалъ моихъ подданныхъ, и за всѣ безпокойства, которыя ты мнѣ причинилъ.

Принцъ. Говори, какъ подобаетъ подданному, надменный, честолюбивый Юркъ! Предположи, что мой отецъ говоритъ моими устами; отдай свой тронъ и тамъ, гдѣ я стою, стань на колѣни, а я обращу къ тебѣ тѣ самыя слова, на которыя ты, измѣнникъ, требуешь у меня отвѣта.

Королева Маргарита. О, если-бъ твой отецъ былъ такъ рѣшительнъ!

Глостэръ. Тогда ты все носила-бы юбку и не украла-бы штановъ у Ланкастера.

Принцъ. Оставь Эзоповы басни для зимнихъ вечеровъ: его грубыя притчи здѣсь не у мѣста.

Глостэръ. Клянусь небомъ, щенокъ, я уморю тебя за такія слова!

Королева Маргарита. Да, ты рождень, чтобы быть моромъ для людей.

Глостэръ. Ради Бога, уведите эту бранчивую плѣнницу.

Принцъ. Нѣтъ, уведите лучше этого бранчиваго горбуна.

Король Эдуардъ. Тише, строптивый мальчишка, или я укорочу тебѣ языкъ.

Кларенсъ. Неблаговоспитанный ребенокъ, ты слишкомъ дерзокъ.

Король Эдуардъ. Что это? Она обмираетъ? Постарайтесь привести ее въ чувство.

Глостэръ. Кларенсъ, извинись за меня передъ братомъ-королемъ. Миѣ нужно въ Лондонъ по важному дѣлу. Прежде, чѣмъ вы туда придете, вы услышите кое-что.

Кларенсъ. Что?.. Что?..

Глостэръ. Тоузъ! Тоузъ! (*Уходитъ*).

Королева Маргарита. О, Нэдъ, милый Нэдъ! поговори съ своею матерью, мальчикъ! Ты не можешь... О, предатели, убійцы!.. Тѣ, что убили Цесаря, вовсе не проливали крови, не совершали преступленія, но заслуживали порицанія, если сравнить ихъ дѣло съ этимъ. То былъ мужъ, а этотъ, сравнительно, дитя, а люди никогда не утоляютъ своей злобы на ребенкѣ. Есть-ли

Принцъ. Я знаю свой долгъ, а вы не исполняете своего. Развратный Эдуардъ и ты, вѣроломный Джорджъ, и ты, уродливый Дикъ, я говорю вамъ всѣмъ, я выше васъ, измѣнники вы такіе! Ты захватилъ права моего отца и мои...

Король Эдуардъ. Вотъ тебѣ, подобіе этой ругательницы! (*Закалываетъ ея*).

Глостэръ. Ты корчишься? Вотъ тебѣ, чтобы прекратить твою агонію (*Наноситъ тоже ему ударъ*).

Кларенсъ. А вотъ еще за то, что ты укорилъ меня въ вѣроломствѣ (*Колетъ его тоже*).

Королева Маргарита. О, убейте и меня!

Глостэръ (*Готовясь ея поразить*). Какъ разъ, изволь!

Король Эдуардъ. Стой, Ричардъ, этой мы и такъ совершили слишкомъ много.

Глостэръ. И она будетъ жить, чтобы наполнять весь свѣтъ своими рѣчами?

что хуже убійцы, чтобы я могла назвать ихъ этимъ словомъ?... Нѣтъ, нѣтъ, сердце мое разорвется, если я заговорю... И я стану говорить, чтобы оно разорвалось. Мясники, подлецы, кровожадные людоеды! Какое нѣжное растеніе скосили вы безвременно! У васъ нѣтъ дѣтей, мясники! Если бы вы ихъ имѣли, мысль о нихъ вызвала бы въ васъ сожалѣніе. Но если вамъ придется имѣть дѣтей, смотрите, чтобы они не были также зарѣзаны въ юности... О, палачи! вы загубили этого милаго, юнаго принца!

Король Эдуардъ. Уведите ее. Ну-же, возьмите ее отсюда силою!

Королева Маргарита. Нѣтъ, не уведите, покончите со мною здѣсь. Всади сюда свой мечъ, я прощу тебѣ мою смерть... Не хочешь ты?.. Такъ ты исполни это, Кларенсъ.

Кларенсъ. Клянусь небомъ- я не жаю сдѣлать тебѣ такого удовольствія.

Королева Маргарита. Добрый Кларенсъ, сдѣлай это... Милый Кларенсъ, ну, сдѣлай-же...

Кларенсъ. Не слышала ты развѣ, что я поклялся того не дѣлать?

Королева Маргарита. Но вѣдь ты привыкъ нарушать свои клятвы; тогда это было грѣхомъ, теперь будетъ однимъ милосердіемъ. Нѣтъ? Ты не хочешь? Но гдѣ же этотъ дьяволовъ рѣзникъ, жестокий Ричардъ?.. Ричардъ, гдѣ ты? Его нѣтъ здѣсь... Убийство твое задушевное дѣло, ты никогда еще не прогонялъ просящихъ у тебя о крови.

Король Эдуардъ. Прочь ее, я говорю... Я приказываю ее увести.

Королева Маргарита. Пусть сдѣлаютъ съ тобою и съ твоими то, что сдѣлаютъ ты съ прищемъ! (*Ее уводятъ силою*).

Король Эдуардъ. Куда пошелъ Ричардъ?

Кларенсъ. Въ Лондонъ, и очень спѣшно. И какъ я могу догадываться, — на кровавый ужинъ въ Тоузрѣ.

Король Эдуардъ. Онъ скорѣ на руку, когда что-либо придетъ ему въ голову. Отправимся и мы туда; распустимъ просто-напросто съ благодарностью и платой, потому узнаемъ, что поддѣлываетъ наша любезная королева. Я надѣюсь, что она подарила уже мнѣ сына (*Уходятъ*).

С Ц Е Н А VI.

Лондонъ. Комната въ Тоузрѣ.

Король Генрихъ сидитъ съ книгою въ рукахъ; передъ нимъ комендантъ. Входитъ Глостэръ.

Глостэръ. Добраго дня, милорды! Такъ погружены въ вашу книгу?

Король Генрихъ. Да, мой добрый лордъ... Слѣдуетъ лучше сказать: милордъ. Вѣдь грѣхъ лѣстить; нехорошо, что я сказалъ „добрый“. Добрый Глостэръ, — все равно что „добрый дьяволъ“; то и другое нелѣпо. Поэтому нечего тутъ „добрый лордъ“.

Глостэръ. Ей ты! оставь насъ однихъ! намъ нужно потолковать (*Комендантъ уходитъ*).

Король Генрихъ. Такъ убѣгаетъ нерадивый пастухъ отъ волка; такъ невинная овца должна подставить сначала свою шерсть, а потомъ и горло мясничьему ножу. Какую сцену смерти разыграетъ Росцій?

Глостэръ. Подозрѣніе витаетъ всегда въ преступной душѣ; вору мерещатся въ каждомъ кустѣ пристава.

Король Генрихъ. Птица, которая бывала заманена въ кусты, избѣгаетъ на

своихъ тропещущихъ крыльяхъ каждаго куста. Такъ и я, несчастный отецъ милой птички, имѣю теперь передъ своими глазами тотъ роковой предметъ, которымъ мой бѣдный птенецъ былъ заманенъ, схваченъ и убитъ.

Глостэръ. О, какимъ сумасброднымъ дуракомъ былъ этотъ критянинъ, который обучалъ своего сына птичьему искусству! Несмотря на всѣ его крылья, безумецъ утонулъ.

Король Генрихъ. Я Дедалъ; мой бѣдный мальчикъ — Икаръ; твой отецъ — Минось, помѣшавшій нашему полету; солнце, растопившее крылья моего милаго ребенка, это твой братъ Эдуардъ, а самъ ты море, котораго завистливая бездна поглотила его жизнь. О, умертви меня своимъ оружіемъ, а не словами! Моя грудь перенесетъ легче лезвіе твоей шпаги, нежели слухъ мой этотъ трагическій рассказъ. Но зачѣмъ ты пришелъ? За моей жизнью?

Глостэръ. Принимаешь ты меня за палача?

Король Генрихъ. Ты притѣснитель, это уже вѣрно; но если умерщвлять невинныхъ значить быть палачемъ, то ты и палачъ.

Глостэръ. Я убилъ твоего сына за его дерзость.

Король Генрихъ. Еслибы убили тебя при твоей первой дерзости, то не дожилъ бы ты до того, чтобы убить моего сына. И я предсказываю, что многія тысячи, которыя и не подозреваютъ теперь моего страха, — вздыхающіе старцы, вдовы и сироты съ полными слезъ глазами, отцы, лишенные сыновей, жены мужей, сироты безвременно погибшихъ родителей, — всѣ они будутъ проклинать часъ, въ который ты родился. Сова прокричала при твоёмъ рожденіи; дурной знакъ! Прокаркалъ ночной воронъ, предсказывая бѣдственнымъ времена; собаки вѣвыли и ужасная буря потрясла деревья; вороны собрались на верхушкахъ трубъ, болтливыя сороки заготовили нестройно. Мать твоя испытала больше, нежели родильныя муки, и принесла нѣчто меньшее, нежели материнскую утѣху, а именно неотесанный, безобразный комъ, не похожій на плодъ такого прекраснаго дерева. Ты родился уже съ зубами въ знаменіе того, что ты пришелъ грызть міръ, и если вѣрно все то, что я еще слышалъ, ты явился...

Глостэръ. Я не хочу болѣе слышать... (*Закрываетъ его*). Умирай, пророкъ, среди своей рѣчи! Это было возложено на меня въ числѣ пророга.

Король Генрихъ. Да, и многія еще другія убійства послѣ этого. О, Господи!

отпусти мнѣ мои грѣхи и прости ему! (*Умираетъ*).

Глостэръ. Какъ! Надменная кровь Ланкастера впитывается въ землю? Я думалъ, она поднимется вверхъ. Глядь, какъ мой мечъ оплакиваетъ смерть короля! О, пусть проливаются всегда такія пурпуровыя слезы тѣми, которые желаютъ упадка нашему дому! Если въ тебѣ осталась еще искра жизни, ступай, ступай въ адъ и скажи, что я послалъ тебя туда (*колетъ его еще*), я, не чувствующій никогда ни жалости, ни любви, ни страха. Дѣйствительно, все то правда, что Генрихъ говорилъ обо мнѣ: я часто слышалъ отъ моей матери, что я явился на свѣтъ ногами впередъ. Что же, развѣ мнѣ не слѣдовало такъ спѣшить, чтобы искатъ погибели тѣхъ, которые захватили наши права?.. Повитуха изумилась, а женщины вскричали: „Иисусе помилуй насъ! Онъ родился съ зубами!“ Оно такъ было и значило прямо, что я долженъ рычать, кусать, изображать собаку. Но если небеса построили такъ мое тѣло, пусть адъ, въ соответствии тому, искорючить и мою душу. Нѣтъ у меня братьевъ, нѣтъ у меня ничего братскаго, и это слово любовь, которую сѣдья бороды зовутъ божественной, пусть оно остается при людяхъ, похожихъ одинъ на другого, а не при мнѣ: я одинокъ съ собою. Кларенсъ, берегись; ты заслоняешь мнѣ свѣтъ, но я создамъ тебѣ черные дни, потому что распушу такія предвѣщанія, что Эдуардъ станетъ страшиться за свою жизнь, и тогда, чтобы прогнать его страхъ, я стану твоей смертью. Короля Генриха и его сына уже нѣтъ; за тобою очередь, Кларенсъ, потомъ за остальными; я же буду оставаться ничтожнымъ, пока не стану высшимъ. Я вытащилъ твое тѣло, Генрихъ, въ другой покой и буду торжествовать въ роковой для тебя день (*Уходитъ*).

СЦЕНА VII.

Лондонъ. Зала во дворцѣ.

Король Эдуардъ виденъ сидящимъ на тронѣ. Возлѣ него королева Елизавета съ маленькимъ принцемъ. Кларенсъ, Глостэръ, Гастингсъ и другіе.

Король Эдуардъ. Мы возсѣдаемъ вновь на англійскомъ королевскомъ престолѣ, выкупленномъ кровью нашихъ враговъ. Сколько отважныхъ противниковъ скошены нами, какъ осеннее жнивье, на самой вершинѣ ихъ гордыни! Три герцога Сомер-

сетъ, трижды славные какъ отважные безспорные рыцари; два Клиффорда, отецъ и сынъ, и два Норсомберленда: никогда еще двое храбрѣйшихъ людей не прищипривали своихъ коней при звукѣ трубъ. И съ ними два отважные медвѣдя, Уорикъ и Монтэгу, заковавшіе въ цѣпи королевскаго льва и заставлявшіе своимъ ревомъ дрожать лѣса. Такъ смели мы все подозрительное вокругъ нашего престола и создали себѣ подножіе изъ безопасности. Подойди сюда, Бессъ, и дай мнѣ поцѣловать моего малютку. Юный мой Надъ, ради тебя, я и твои дяди проводили зимнія ночи въ доспѣхахъ, шествовали пѣшкомъ въ лѣтній палицій жаръ, — все для того, чтобы ты мирно могъ владѣть короной и могъ-бы пожать плоды нашихъ трудовъ.

Глостэръ (*съ стороны*). Я истреблю его жатву, когда ты сложишь голову, потому что теперь я еще ничего не значу въ свѣтѣ. Это плечо создано такимъ толстымъ лишь для подъема, и я подниму какую-либо тяжесть или сломаю себѣ спину. Ты проложи дорогу, а ты исполни.

Король Эдуардъ. Кларенсъ и Глостэръ, любите мою любезную супругу и поцѣлуйте вашего царственного племянника — вы оба мои брата.

Кларенсъ. Мой долгъ въ отношеніи вашего величества запечатлѣваю я на устахъ этого милого младенца.

Королева Елизавета. Благодарю, благородный Кларенсъ; достойный братъ, благодарю.

Глостэръ. Свидѣтельствомъ того, что я люблю дерево, котораго ты отпрыскъ, да будетъ поцѣлуй, даруемый мною плоду... (*Въ сторону*). По правдѣ, такъ облобызаль своего Учителя Иуда, говоря Ему: „Благо Тебѣ да будетъ!“ и думая: „Да будетъ зло!“

Король Эдуардъ. Теперь я царствую въ наслажденіи душевномъ, пользуясь миромъ въ странѣ и любовью моихъ братьевъ.

Кларенсъ. Какъ вашей милости угодно порѣшить съ Маргаритой? Ринальдъ, ея отецъ, заложилъ французскому королю обѣ Сициліи и Іерусалимъ и прислалъ сюда выкупъ за нее.

Король Эдуардъ. Прочь ее, отправьте ее во Францію! Намъ остается теперь только проводить время въ пышныхъ торжествахъ и веселыхъ шуточныхъ представленіяхъ, какъ то прилично для увеселенія двора. Звучите, трубы и барабаны!.. Прощайте, печальныя заботы! Теперь, надѣюсь я, начинается для насъ продолжительная радость (*Уходятъ*).

— Король Ричардъ III. —

КОРОЛЬ РИЧАРДЪ Ш.

„Жизнь и смерть короля Ричарда Ш“ — первая трагедія, которая, по мнѣнію Гервинуса, вся и несомнѣнно принадлежитъ Шекспиру и является непосредственнымъ продолженіемъ Генриха VI, — появилась впервые въ 1597 году въ изданіи in quarto подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Трагедія о королѣ Ричардѣ Третѣмъ, заключающая его предательскіе умыслы противъ его брата Клэренса, безжалостное убійство его невинныхъ племянниковъ, его незаконное воцареніе и всю его отвратительную жизнь и вполнѣ заслуженную смерть. Въ томъ видѣ, какъ это было недавно представлено слугами лорда канцлера 1597 г.“ — Въ такомъ-же видѣ хроника эта, только съ прибавленіемъ имени В. Шекспира, была издана въ 1598, 1602, 1605, 1612 и 1622 гг., пока не появилось, наконецъ, изданіе in folio, помѣщенное между „исторіями“ уже подъ другимъ заглавіемъ: „Трагедія Ричардъ Третій, съ высадкой графа Ричмонда и битвой при Босуортѣ“. По увѣренію Кларка и Райта, едва-ли въ какой-либо другой пьесѣ такъ трудно рѣшить вопросъ о томъ, который текстъ слѣдуетъ считать первоначальнымъ и болѣе достовернымъ, — текстъ ли перваго in quarto или in folio, потому что первое содержитъ части, которыхъ недостаетъ въ in folio, и наоборотъ, въ in folio находимъ чрезвычайно много такихъ мѣстъ, которыхъ нѣтъ въ изданіяхъ in quarto. Но вообще англійскіе издатели считаютъ текстъ in folio болѣе достовернымъ и полагаютъ, что онъ напечатанъ по рукописи, въ которой измѣненія принадлежатъ перу самого Шекспира. Что эта пьеса написана ранѣе 1597 г., т. е. года появленія перваго in quarto, можно принять съ большою вѣроятностью, такъ какъ, безъ сомнѣнія, она написана раньше всей ланкастерской тетралогіи, а слѣдовательно и раньше „Ричарда Ш“, появившагося тоже въ 1597 г. Кромѣ того, тѣсная связь нашей трагедіи съ „Генрихомъ VI“ указываетъ, по мнѣнію Женз, на то, что „Ри-

чардъ Ш“ былъ написанъ непосредственно за послѣдней частью „Генриха VI“, и потому трагедію эту можно отнести къ 1592—1593 гг. или въ крайнемъ случаѣ къ 1594 г., какъ дѣлаетъ это Делюсъ.

Противъ мнѣнія Гервинуса, что „Ричарда Ш“ нужно считать первой самостоятельной драмой Шекспира, весьма энергично возстаетъ Найтъ, указывая на то обстоятельство, что характеристика Ричарда Ш очерчена такъ полно и сильно, что трагедія эта обнаруживаетъ въ Шекспирѣ уже вполнѣ развитый талантъ и большую опытность въ разработкѣ историческихъ сюжетовъ. Дѣйствительно, хроники Шекспира — это настоящее зеркало, въ которомъ отражается политическая жизнь прошлаго въ томъ самомъ видѣ и съ тѣмъ же характеромъ, какъ она внесена въ лѣтописи Голлиншеда и Галля. Отъ себя Шекспиръ очень мало прибавляетъ и воспроизводитъ въ своихъ хроникахъ въ мельчайшихъ подробностяхъ все то, что находитъ въ лѣтописяхъ. Одинъ изъ современниковъ Шекспира передаетъ, будто Шекспиръ въ разговорѣ съ Бенъ-Джонсономъ, по поводу драматическихъ хроникъ, сказалъ, что, „вѣля въ народѣ полное незнаніе отечественной исторіи, онъ пишетъ свои хроники съ цѣлью распространенія историческихъ свѣдѣній въ народѣ...“ Трагедія „Ричардъ Ш“ пользовалась большою популярностью въ Англии, и роль Ричарда Ш была любимѣйшею знаменитаго актера Барбеджа, современника Шекспира. Для актера ни одна роль не представляла болѣе обширной задачи, такъ какъ здѣсь, по словамъ Стивенса, актеръ долженъ являться попеременно то героемъ, то любовникомъ, то государственнымъ человѣкомъ, то шутомъ, то закоренѣлымъ злодѣемъ, то кающимся грѣшникомъ, и среди всѣхъ этихъ многообразныхъ тоновъ отыскать одинъ основной, руководящій тонъ, который связываетъ все это разнообразіе въ одно цѣлое.

Дѣйствующія лица:

Король Эдвардъ IV. Эдвардъ, принцъ Уэльскій, впоследствии король Эдвардъ V, Ричардъ, герцогъ Йоркскій, Георгъ, герцогъ Кларенсъ, Ричардъ, герцогъ Глостэръ, впоследствии король Ричардъ III, Ревеннокъ, сынъ Кларенса. Генрихъ, герцогъ Ричмондскій, впоследствии король Генрихъ VII. Кардиналъ Бурчгаръ, архіепископъ Кентербургійскій. Томасъ Россэрэлъ, архіепископъ Йоркскій. Джонъ Мортонъ, епископъ Элійскій. Герцогъ Бокингемъ. Герцогъ Норфолькъ. Графъ Сорри, его сынъ. Графъ Райверсъ, братъ королевы, жены короля Эдварда. Маркизь Дорсетъ, Лордъ Грэй, Графъ Оксфордскій. Лордъ Гестингсъ. Лордъ Стэнли. Лордъ Ловель.	Сэръ Томасъ Вогенъ. Сэръ Ричардъ Рэтклиффъ. Сэръ Уильямъ Кетовл. Сэръ Джемсъ Тиррэлъ. Сэръ Джемсъ Блонтъ. Сэръ Уольтеръ Гервэртъ. Сэръ Робертъ Брэккенбюри, смотритель лондонской башни. Христофоръ Орсуикъ, священникъ. Другой священникъ. Лордъ-Мэръ Лондона. Шэрифъ въ Уилтъширѣ. Королева Елизавета, супруга короля Эдварда IV. Маргарита, вдова короля Генриха VI. Герцогиня Йоркская, мать Эдварда IV, Кларенса и Глостэра, Леди Анна, вдова Эдварда, принца Уэльскаго, сына короля Генриха VI, впоследствии жена Глостэра. Дѣвочка, дочь Кларенса. Лорды и другія лица изъ свиты, два джентльмена, саповникъ, писарь, убійцы, гонцы, граждане, призраки, воины и проч. <i>Дѣйствіе происходитъ въ Англїи.</i>

